

Министерство образования и науки Российской Федерации
Байкальский государственный университет экономики и права

О.А. Егерова

**ИСТИНА КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Иркутск
Издательство БГУЭП
2014

УДК 343.131.8
ББК 67.410.20
Е28

Издание подготовлено в рамках выполнения проекта «Повышение эффективности уголовного судопроизводства по делам о киберпреступлениях для обеспечения национальной безопасности» в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (Конкурс – МД-2014) на 2014–2015 годы (договор № 14.Z56.14.2691-МД).

Рецензенты д-р юрид. наук, проф. А.А. Протасевич
д-р юрид. наук, проф. И.Г. Смирнова

Егерова О.А.

Е28 Истина как один из критериев эффективности уголовного судопроизводства: методологический аспект / О.А. Егерова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 174 с.

ISBN 978-5-7253-2740-3

Работа посвящена вопросам установления истины в уголовном судопроизводстве. В книге анализируются общие начала исследования истины, процесс познания истины, возможность установления истины в состязательном уголовном процессе; приводятся современные трактовки истины; раскрываются проблемы понимания истины и правды, соотношения понятий «истина» и «достоверность»; дается характеристика вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве, а также понятие лжи и права на ложь.

Для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, изучающих криминалистику и уголовный процесс.

ББК 67.410.20

ISBN 978-5-7253-2740-3

© Егерова О.А., 2014
© Издательство БГУЭП, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1. Гносеологические основы исследования истины в уголовном судопроизводстве	6
1.1. Общие начала исследования истины	6
1.2. Процесс познания истины в уголовном судопроизводстве ..	27
1.3. Истина в состязательном уголовном процессе	52
2. Проблемы соотношения понятий «истина», «правда» и «ложь»	66
2.1. Современные трактовки истины	66
2.2. Проблема понимания истины и правды	94
2.3. Ложь. Право на ложь	101
3. Достоверность и вероятность в уголовном судопроизводстве ..	114
3.1. Вероятность и достоверность в процессе доказывания ...	114
3.2. Соотношение понятий «истина» и «достоверность»	132
Список использованной литературы	144

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в конце XX в. в России началось время реформ, не обошло оно стороной и сферу судопроизводства. Начатая с конца 90-х гг. прошлого века судебная реформа затронула многие правовые институты, причем одни из них были впервые введены или возрождены в российском уголовном судопроизводстве, а другие, напротив, были упрощены. К последним можно отнести институт истины в уголовном судопроизводстве, который, как нам кажется, незаслуженно обойден вниманием законодателя.

На протяжении всей истории развития человеческого общества вопросы истины занимали центральное место в уголовном процессе. По данному вопросу в научной литературе в разное время высказывались различные точки зрения на сущность истины. Однако, несмотря на многообразие высказываемых мнений, УПК РСФСР 1960 г. закреплял однозначное требование о том, что цель процесса доказывания – установление объективной истины по делу и предписывал принимать все предусмотренные законом меры к установлению истины.

Но в ходе реформирования уголовно-процессуального законодательства УПК РФ 2001 г. не стал преемником прежнего УПК в данной части и не закрепил правило об установлении объективной истины по делу. Одновременно законодатель в большей степени акцентировал внимание на реализации принципа состязательности. В связи с этим, среди ученых и практических работников появились утверждения, что суд больше не устанавливает истину по делу, а принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела больше не действует.

Однако анализ определенных норм уголовно-процессуального законодательства позволяет делать выводы о том, что законодатель полностью не отказался от установления истины и соответственно от полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела. В связи с чем перед наукой уголовно-процессуального права с особой остротой встает проблема выработки предложений о возрождении и необходимости закрепления в нормах уголовно-процессуального права положений об установлении объективной истины по делу.

Становление и развитие новых общественных отношений в России происходит в сложной социальной, экономической и криминогенной обстановке, требующей от государства и общества принятия комплексных мер по ее стабилизации и поддержания надлежащего правопорядка, способного гарантировать всем и каждому охрану и защиту своих прав, свобод и законных интересов. В указанном комплексе мер с учетом требований нынешнего уголовно-процессуального законодательства актуально решение проблем истины в современном уголовном судопроизводстве.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается репрезентативностью полученных обобщенных данных, которые составили результаты социологических исследований, проведенных автором в 2010–2013 гг. путем интервьюирования 150 сотрудников органов прокуратуры, внутренних дел, следственного комитета, судей и адвокатов г. Иркутска и Иркутской области. Данные анкетирования и результаты изучения опубликованной и неопубликованной судебной практики нашли отражение в работе.

1. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1.1. Общие начала исследования истины

Истина неразрывно связана с историей человечества. Понятие истины всегда занимало умы людей в философском, социальном, моральном, этическом и бытовом плане. Связанные с ней проблемы вызывали и вызывают живой интерес у специалистов различных отраслей знаний. Проблема истины – одна из древнейших и центральных проблем гносеологии.

Первые представления об истине можно найти в древней индийской философии. Здесь возникали первые концепции истинного знания: «Веды говорят о трех путях его достижения: восприятию чувственного мира, самосознанию с его анализом логических, рассудочных форм и сверхсознанию, направленном на постижении мира вечности, сверхреальности божественного мира»¹.

В греческой мифологии мы находим представления о разумном познании, об истине, о предвидении: Афина Паллада, воплощающая разум, мудрость, истину; Кассандра, всегда говорившая правду о будущих событиях, но трагически оставшаяся непонятой людьми. Здесь мы видим стремление к постижению истины, совершенству и красоте.

Именно с античностью связывают возникновение классической концепции истины. Согласно этой концепции истина – соответствие мыслей действительности². С этой концепции и начинается теоретическое исследование истины.

Основоположниками классической концепции истины по праву можно считать Аристотеля и Платона. В своей работе «Метафизика» Аристотель отмечал: «...говорить о сущем, что его нет, или о не-сущем, что оно есть, – значит говорить ложное; а говорить, что сущее есть и не-сущее не есть, – значит говорить истинное»³. Сущность его определения заключается в том, что внешняя действительность как предмет познания существует до

¹ Курсанов Г.А. Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений. М. : Мысль, 1977. С. 24.

² Чудинов Э.М. Природа научной истины. М. : Политиздат, 1977. С. 12

³ Аристотель Сочинение : в 4 т. М. : Мысль, 1975. Т. 1. С. 141.

познания и не зависит от наличия или отсутствия знания о ней¹; понятие «истина» не совпадает с понятием «бытие» и относится не к бытию, а к суждениям разума, выраженному в речи; истинность суждения выявляется в соответствии его предмету познания, а признание его истинным возможно, если только структура и содержание соответствуют тому, «как обстоит дело с вещами». Таким образом, можно говорить о том, что Аристотель является представителем материалистической трактовки истины. Он рассматривал истину как соответствие знания вещам.

Платон, характеризуя истину, утверждал: «...тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит о них иначе, – лжет...»². Платон является ярким представителем идеалистической концепции истины, которая представляла истину как нечто существующее независимо от процесса познания.

Здесь мы прослеживаем неоднородность классической концепции истины. Эти интерпретации различались пониманием сущности познавательного процесса, природы действительности. Однако при всем этом их объединяло убеждение, что действительность может быть показана, воспроизведена в системе знаний.

Но классическая концепция истины была не совершенна. Эволюция классической концепции истины выявила целый ряд проблем, которые поставили вопрос о правомерности понимания истины как соответствия действительности.

Как альтернатива классической, возникла когерентная концепция истины. Сущность когерентной теории сводится к проблеме когерентности, т.е. самосогласованности, непротиворечивости знаний. Когерентная концепция рассматривает истину как соответствие одних знаний другим. Ярким представителем этой концепции можно считать И. Канта. Он считал, что существует взаимная согласованность, единство чувственного и логического, которые и определяют содержание и смысл истины³.

¹ Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины (по материалам западной философии) : дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2004. С. 13.

² Платон Сочинения : в 3 т. Философское наследие. М. : Мысль, 1968. Т. 1. С. 417.

³ Васильев Л.М., Ярославский А.Я. Усмотрение следователя при расследовании преступления и его влияние на установление истины по делу. Краснодар : КГАУ, 2000. С. 44.

Концепция, в которой критерием истинности выступает практика, называется прагматической концепцией. Сторонники прагматической концепции истины (У. Джеймс, Ч. Пирс и др.) трактуют понятие истины как согласование идей со стремлениями личности в достижении успеха. Они полагают, что истинно то, что полезно, все то что «приносит успех» и «ведет вперед». Вместе с тем сторонник прагматической философии, отождествляющий истинность знаний с их полезностью, отвергнет концепцию истины как соответствия знаний действительности. Он скажет, что мы не можем познать внешний мир таким, какой он есть, и что поэтому определение истины как соответствия знаний действительности лишено разумного смысла. Это определение есть определение недостижимого. Поэтому следует от него отказаться и заменить его более «реалистическим» определением истины, каким, по мнению прагматиста, является определение истины как полезного, практически эффективного знания¹.

Представители немецкого классического идеализма (Г. Лейбниц, Г. Гегель) считали истину процессом развития знания, в котором достигается соответствие понятия предмету мысли. То есть истина выступает как согласие разума с самим собой, единство объективного (бытия) и субъективного (мышления)².

Конвенциональная концепция истины, в соответствии с которой конвенциональной считается истина, признаваемая такой по конвенции, соглашению. Суждение является истинным не потому что соответствует действительности, а потому что субъекты условились считать его истиной. Конвенциональной истиной являются многие постулаты в различных научных системах, они могут, как совпадать, так и не совпадать с объективной системой. Поэтому и в других системах знаний или в другой период времени могут быть совсем другие постулаты. Например, в качестве такого постулата в прошлом веке выступала теория эфира, которую сменила теория относительности Эйнштейна³.

¹ Самсонов В.В. Состязательность в гражданском процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 118.

² Любич А.А., Васильев Л.М. Сущность и понятие истины // Теория и практика соблюдения законности в России : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию юрид. фак. КГАУ. Краснодар, 2002. С. 53.

³ Карякин Е.А. Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе принципа состязательности : дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2002. С. 52.

Все эти теории не отрицали познание истины, но появляется своеобразное направление «агностицизм», суть которого сводится к отрицанию познания истины в жизни, в деле, в праве¹.

Существует точка зрения, что все концепции истины можно свести к трем основным моделям: объективистско-реалистической, символической и конструкционистской².

Суть первой состоит в том, что истина здесь является той мерой, с помощью которой она устанавливается. Соответствие знаний подлинной природе вещей либо соответствие между знанием и подлинной природой вещей. То есть эта модель тяготеет к классической концепции истины.

Символическая модель истины исходит из того, что на познавательную деятельность во всех ее составляющих существенное влияние оказывает культура. И истина рассматривается как особая ценность культуры.

И третья модель истины основана на суждениях И. Канта о том, что истина не в предмете, а в суждении о предмете. Из этого видно, что истина начисто отрицает реальность как неприемлемую для него метафизику, а также духовную составляющую истины, что придает ей формальный характер.

Если же обратиться к отечественной литературе, то первые упоминания об истине содержатся в известном философско-религиозном произведении «Слово о законе и благодати». Это произведение было написано между 1037 и 1050 гг. Илларионом, первым Киевским митрополитом. Илларион определял понятие закона как внешнего установления, предписания, регулирующего насильственными мерами поведение человека в обществе. В то же время истина, по Иллариону, выражалась в высоком нравственном состоянии человека, не нуждающегося в силу своего внутреннего суверенитета в регулятивной деятельности закона. «Закон предтече и слуга истины и благодати» – так утверждал Илларион и образно сравнивал закон со светом луны, а истину – с лучами солнца. По Иллариону, сам себе закон мало что представ-

¹ Каргополов С.Г. Истина в праве // Актуальные проблемы теории права и государства : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.Н. Соколова. Калининград, 2001. Вып. 10. С. 17.

² Агутин А.В. О трех моделях истины в уголовно-процессуальном доказывании // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 277–280.

ляет, он, как лунный свет, светит, но не греет, важнейшей составляющей доминантой закона является его путь и утверждение – благодати и истины¹. Таким образом, Илларион тесно связывал закон с истиной.

Русский философ Н.А. Бердяев полагал, что «Никакой истины в объекте нет, истина есть лишь в субъекте. Истина относится не к феноменальному миру, а к нуменальному миру, идейному миру. Истина есть отношение, но это отношение, но это совсем не есть отношение отражение объекта в субъекте. Истину нельзя понимать в духе гносеологического реализма или, во всяком случае, если это будет реализм, то реализм совсем иной»². Из этого определения видно, что автор являлся явным сторонником преобладания субъективного в содержании истины, но, однако, он предпринимал попытку подняться на более высокие позиции обобщения знания об истине.

Как мы видим, разброс мнений об истине был достаточно велик, но наибольшим признанием и авторитетом пользовалась классическая трактовка истины. От которой и берет свое начало теория диалектического материализма. Классическая концепция истины хорошо согласуется с исходным гносеологическим тезисом диалектико-материалистической философии о том, что познание есть отражение действительности в сознании человека. Истина с этой точки зрения это адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и не зависимо от человека, от его сознания.

Несмотря на многообразие высказанных взглядов, идей, концепций, философам так и не удалось выработать конструктивного понятия истины. В философии до сих пор обнаруживается большое количество трактовок термина «истина»:

1. «Истина – это соответствие знаний действительности».
2. «Истина – это свойство самосогласованности знаний».
3. «Истина – это полезность знания, его эффективность».
4. «Истина – это соглашение».
5. «Истина – это опытная подтверждаемость».

¹ Пронякин А.Д. Истина и уголовное судопроизводство [Электронный ресурс]. URL: <http://liber.rsuh.ru/Conf/Freedom/proniakin.htm>.

² Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М. : Республика, 1995. С. 186.

6. «Истина – совпадение человеческой мысли и объекта»¹.

Необходимо отметить, что проблема понимания истины имеет отношение и к уголовному процессу.

Истина в уголовном судопроизводстве имеет определенную специфику, которая отличает истину судебную от истины в любой иной сфере общественной жизни. В числе таких особенностей обоснованно выделяют:

– предмет познания – специфический круг фактов, относящихся к событию, составу преступления, к лицам, подлежащим установлению по уголовному делу;

– средства и способы установления истины;

– пределы доказывания – объем доказательств, необходимых для установления соответствующих обстоятельств;

– систему следственных и судебных действий, требуемых для получения доказательств².

Применительно к УПК РСФСР 1960 г. можно констатировать, что, несмотря на применение термина «истина» (ст. 89, 243, 246, 257, 280, 285), он не давал определения этого понятия.

Более того, проблемы истины в советский период решались с позиций не столько научных, сколько идеологических. Теория доказательств советского периода, в основе которой лежала гносеология диалектического материализма, оценивавшаяся, разумеется, как «единственно научная», исходила из того, что советским следователю и судье в противоположность юристам капиталистических стран, безусловно, доступна истина по каждому делу³.

При этом выдвигалось категоричное требование установить объективную истину по любому уголовному делу и любыми средствами⁴, и рассматривалось оно не как простое пожелание, а как правовой принцип, как одно из основных условий правосудности приговора.

¹ Чудинов Э.М. Природа научной истины. С. 11.

² Дрейбанд А.Г. Проблема истины в отечественном и зарубежном уголовном судопроизводстве // Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты предварительного следствия : сб. материалов науч.-практ. конф., 16 дек. 1999 г. Челябинск, 2000. Вып. 1. С. 143.

³ Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / Н.М. Кипнис [и др.] ; под ред. В.А. Власихина. М. : Юристъ, 2000. С. 143.

⁴ Лупинская П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5.

С возникновением философии марксизма, в которой объединялись материализм и диалектика, сформировалось новое мировоззрение. Марксистская гносеология существенно обогатила материалистический вариант классической концепции. Стало ясно, что истина представляет собой довольно сложную по своему содержанию структуру. И одним из основных системообразующих элементов содержания истины является принцип объективности истины.

Изначально классики марксизма указывали на то, что объективность истины – такое содержание человеческих представлений, которое не зависит ни от человека, ни от человечества. Но из этого не следует, что объективная истина является элементом объективного мира, она проявляется в субъективной форме, характеризуя человеческие знания с точки зрения их объективного содержания. Отсюда под объективной истиной можно понимать «содержание человеческих знаний, которое соответствует объективному миру, т.е. воспроизводит его»¹.

Впоследствии отдельные авторы высказывали тезис о том, что принцип объективности дает возможность понять характер единства социально-исторического, социологического, эстетического, логического и других элементов в содержании истины, их взаимообусловленность, характеризует зависимость содержания истины от объективных условий и ориентирует субъекта на выяснение этих условий. Тем самым процесс познания не сводится к поиску вечных, неизменных истин, якобы ничего не имеющих общего с бытием конкретного человека, а ориентирует на исследование конкретных условий его жизнедеятельности с целью их дальнейшего совершенствования².

Объективность истины есть ее необходимое условие, ее определяющая характеристика как отражение в познавательных формах сущности, свойств и отношений предметов окружающего мира, означающая независимость от человека и человечества содержания подтвержденных практикой знаний.

¹ Чудинов Э.М. Природа научной истины. С. 39.

² Савцова Н.И. Формирование истины и ее структура // Объективная истина в науке: диалектика формирования и обоснования : сб. науч. тр. Свердловск, 1984. С. 11.

Объективность истины как результат уголовно-процессуального познания выражается в максимальном совпадении прогнозируемых результатов исследования с фактически установленными причинно-следственными связями¹.

Объективность истины выражается в многосубъектности участников процесса ее познания, в последовательной и многократной оценке доказательств различными, не подчиненными друг другу, и самостоятельными субъектами на различных этапах (стадиях) уголовно-процессуальной деятельности.

Отдельные авторы, исследуя вопросы истины в уголовном процессе из объективности выводят конкретность истины. Истина в уголовном процессе содержит не общие законы, а отдельные конкретные факты. Следовательно, конкретность истины означает, что ее основанием являются конкретные факты объективной действительности, в ней получают законченное выражение различные стороны изучаемой действительности².

Нельзя отрицать и наличие субъективной стороны в истине. Поскольку истина по определению в субъекте, но она же и вне субъекта. Когда мы говорим, что истина субъективна, следовательно, она не существует помимо человека и человечества, но истинное содержание человеческих представлений не зависит ни от человека, ни от человечества, т.е. истина субъективна по форме, но объективна по содержанию.

Справедливым представляется высказывание о том, что истина представляет собой качественную характеристику знаний человека о реальности (о том, что находится за рамками человеческого сознания), поэтому она является единством двух сторон, ее составляющих, – субъективной и объективной. Знания человека о реальности могут быть истинными или ложными, но они всегда будут субъективными. Реальность в каком-либо ее прояв-

¹ Астафьев Ю.В. Проблемы истины в уголовном судопроизводстве // Юридические записки Воронежского университета. Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича. Воронеж, 1995. Вып. 2. С. 70.

² Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2001. С. 24; Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) / под ред. Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и Право, 2004. С. 115.

лении может быть познана человеческим разумом, но она всегда будет объективной¹.

Ряд авторов предполагает, что истина не зависит от субъективных устремлений человека, но характеризует их. «Истина характеризует и субъективный момент – психическое отношение лица, вопрос о виновности которого решается, к совершенному деянию и его последствиям. Но для органа дознания, следователя, надзирающего за ними прокурора, наконец, для суда такое психическое отношение выступает как реально существующий объективный факт и потому может быть познано, доказано и зафиксировано в конечном счете в судебном приговоре»².

Т.В. Докучаева отмечает, что «сущность истины рассматривалась в плане теоретической формы решения противоречий между субъектом и объектом в процессе преобразования явлений природы и общественной жизни. Субъект и объект противостоят друг другу. Познание не разъединяет их, а связывает посредством истины, которая может быть только объективной, и в то же время объективность ее является результатом субъективной деятельности человека. Но эта субъективная деятельность не составляет содержание истинного знания, она выполняет роль средств движения к ней»³.

В философской литературе, не оспаривая содержательную сторону определения истины, высказывается мнение о том, что термин «объективная» неудачно относится к содержанию знания, отражающего объективную действительность независимо от человека. Объективной истиной необходимо считать истинность вещей, событий, процессов. Тогда понятие «объективное» в точном и строгом смысле будет обозначать то, что вне и независимо от человека, его сознания и воли. По мнению В.С. Хазиева, мысль о том, что содержание человеческих знаний есть отражение объективной действительности, можно было бы передавать с помощью иных терминов, не имеющих такого определенного ка-

¹ Аверин А.В. Судебная достоверность как содержание судебной истины // Право и политика. 2004. № 5. С. 86; Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 15.

² Тенчов Э.С., Кузьмина О.В. Объективная истина и суд присяжных // Государство и право. 1994. № 11. С. 133.

³ Докучаева Т.В. Гражданско-процессуальная доктрина истины в России конца XIX–XX веков (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 71–72.

тегориального статуса и, следовательно, не вносящих путаницу. Если понятие «объективное» обозначает «вне и независимо от человека, его сознания и воли», то к содержанию человеческого знания ни в коем случае нельзя применить определение «объективное», оставаясь материалистом и не нарушая законов формальной логики, ибо в последнем случае придется признать, что одним и тем же термином мы обозначаем и то, что вне и независимо от человеческого сознания, и то, что связано с его сознанием. Это и есть формально-логическое противоречие¹.

А.С. Барабаш применительно к уголовно-процессуальной деятельности утверждает: «Любому исследованию присуща неустранимая зависимость от субъекта, его личности, индивидуального опыта и много другого. Точное соответствие наших знаний действительности в каждый конкретный момент невозможно, жизнь динамична, ничего не остается неизменным... Мы констатируем то, что было, а не то, что уже есть... Человек воспринимает мир через понятия, которые сформированы у него окружением. И каждое понятие является результатом взаимодействий между людьми. Но никто из нас не владеет совершенным понятием, поэтому никто не имеет права претендовать на истину как точное соответствие знаний действительности»².

Мы полагаем, что, во-первых, истина не может быть характеристикой вещей; понятие истины распространяется только на мысли. Во-вторых, характеризуя человеческие знания, объективная истина проявляется в субъективной форме (познать истину независимо от субъектов этого познания нельзя). Но она характеризует знания не с точки зрения этой субъективной формы, а с точки зрения их объективного содержания. Объективную истину можно определить как содержание человеческих знаний, которое соответствует объективному миру, т.е. воспроизводит его. Именно в силу этого обстоятельства объективная истина не зависит от субъекта, его сознания. Следовательно, никакой другой термин

¹ Хазиев Е.С. Философское понимание истины // Философские науки. 1991. № 9. С. 56.

² Барабаш А.С. К вопросу об истине как цели уголовно-процессуальной деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (7–8 февр. 2003 г.). Красноярск, 2003. Ч. 2. С. 79; Он же. Цели уголовного процесса // Ученые записки Юридического института Красноярского государственного университета / отв. ред. Т.В. Сахнова. Красноярск, 2003. Вып. 2. С. 445.

не будет отражать специфику истинного знания, поэтому определение «объективное» вполне применимо к содержанию человеческого знания.

В связи со сказанным, нельзя согласиться с позицией В.И. Баскова, утверждающего, что философское определение объективной истины как содержания знания, независимого от человека, не может распространяться на понятие истины в уголовном судопроизводстве, поскольку познать истину в уголовном процессе независимо от субъектов того познания (следователя, прокурора, судей) нельзя, ее познание неразрывно связано с восприятием ее указанными субъектами¹. Процесс доказывания не может продолжаться бесконечно. Суд не может ни отказаться, ни воздержаться от принятия решения по делу, когда следственным органам не удалось собрать достаточно доказательств для вывода суда о виновности, и у суда нет возможности восполнить пробелы в доказательственном материале. В данном случае установление истины становится проблематичным. Суд должен вынести законный, обоснованный и справедливый приговор, как того требует закон (ст. 297 УПК РФ). И в данном случае следует согласиться с мнением Т.Н. Карабановой о том, что нельзя говорить, что цель уголовного судопроизводства в данном случае не достигнута. А если осуждение обвиняемого исключается, то в этой ситуации суд может постановить оправдательный приговор и быть убежденным в правильности своего решения².

Недостижение истины возможно в случаях прекращения дела за примирением сторон по делам частного обвинения или при отсутствии жалобы потерпевшего по делам частного-публичного обвинения. В этих случаях закон охраняет личные интересы граждан ценой отказа от поиска истины по уголовному делу.

Бывают ли истины субъективными? На этот вопрос большинство процессуалистов отвечают – нет. Вместе с тем, отдельные авторы отстаивают позицию о том, что, «во-первых, знание о чем-либо не является раз и навсегда заданным, оно не объектив-

¹ Басков В.И. Истина в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1995. № 3. С. 44.

² Карабанова Т.Н. И еще раз об истине в уголовном процессе России // Мировой судья. 2005. № 3. С. 21.

но, а субъективно; во-вторых, способ получения знания судом также свидетельствует о субъективном знании. Поэтому словосочетание «объективная истина» порочно и ненаучно: истина субъективна»¹.

Разделяем мнение тех авторов, которые считают, что с такой позицией согласиться нельзя, поскольку истина – единство объективно установленных фактов и основывающихся на них субъективно-личностных оценках. При этом последние, являясь элементами сознания, базируются на объективных основах: объективно собранных материалах дела и правовой реальности – законе. Поэтому, можно выделить лишь субъективную форму выражения объективной истины, в качестве которой называют внутреннее убеждение следователей, судей, основанное на всестороннем, полном, объективном рассмотрении обстоятельств дела в их совокупности. Это означает, «что хотя средства познания истины субъективны, сама истина рассматривается только как объективная истина. Все другие виды истины – это разновидности объективной истины»².

Еще один важный момент теории познания – это соотношение форм истины относительной и абсолютной. Теория познания диалектического материализма исходит из того, что достоверное знание в целом является истиной относительной, а не абсолютной.

Относительная истина представляет собой неполное, частичное знание об объективном мире; ограниченные знания, не отражающие предмет полностью; знания, выступающие в качестве абсолютных лишь в определенных пределах. Именно потому, что промежуточные знания не отражают познавательных объектов полностью, являются знаниями частичными, о них можно говорить как об относительно истинных знаниях. Под абсолютной истиной понимается такое знание, которое тождественно своему предмету и потому не может быть опровергнуто

¹ Мохов А.А. Проблемы истины в условиях состязательности // Современное право. 2002. № 12. С. 33.

² Экимов А.И. Категория истины и справедливости в деятельности органов правосудия (теоретико-методологические проблемы) // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. Иркутск, 1984. С. 28; Объективная истина в советском уголовном процессе // Вестник Московского университета. Сер. 8, Экономика, философия. 1963. № 4. С. 56–57.

при последующем развитии процессов познания, т.е. это знания полные, исчерпывающие, окончательные.

Справедливо отмечают отдельные авторы, что не надо забывать о том, что понятию «абсолютная истина» придается несколько значений:

- абсолютно полное знание о действительности в целом, т.е. обо всем мире, что было, есть и будет;

- содержание относительных истин, которое сохраняется и возрастает в процессе своего дальнейшего, по сравнению с прошлым, развития познания;

- окончательное знание о некоторых определенных аспектах действительности;

- не исчерпывающие, но неопровержимые результаты познания отдельных сторон изучаемых объектов или их классов, принимающих вид констатаций и описаний¹.

Безусловно, абсолютная истина в первом значении практически недостижима, ее познание бесконечно. Абсолютная истина во втором значении постоянно развивается, дополняется и существует не самостоятельно, а лишь постольку, поскольку она частный момент абсолютной истины в первом значении. Абсолютная истина во втором ее значении применима при характеристике промежуточного знания, которое является относительной истиной. Абсолютные истины третьего вида носят стабильный характер, но в смысле исчерпывающего знания об отдельных предметах объективного мира их не существует, так как эти предметы столь же неисчерпаемы, как и весь мир; среди этих истин есть некоторые законы природы и общества и т.д. И, наконец, абсолютная истина в четвертом – это так называемая «вечная истина».

Поэтому полагаем, что истина относительна, во-первых, потому, что отображает определенный, ограниченный во времени и пространстве процесс, т.е. получена для определенных условий, конкретна и тем самым не полностью, а лишь частично может быть применима в других условиях. Во-вторых, истина оказывается относительной даже в данных границах. Вследствие бесконечной сложности любого процесса и исторической ограничен-

¹ Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и охрана прав личности. Киев : Наукова думка, 1983. С. 153.

ности уровня наших знаний в каждую эпоху мы познаем любой предмет, процесс, явление не до конца, но лишь относительно точно, приблизительно верно отображая их в мышлении. Каждая единичная истина может рассчитывать только на относительную ценность, так как она не совершенна и имеет значение только в данный момент.

Процесс развития познания есть процесс складывания истин относительных в истину абсолютную в ее полном объеме как исчерпывающем и точном знании о мире и одновременно процесс складывания, накопления частных абсолютных истин. Можно сказать, что в каждой относительной истине имеются элементы, зерна абсолютного знания, которые в процессе развития познания суммируются, и именно поэтому абсолютная истина в ее полном объеме, к которой мы бесконечно приближаемся, выступает как результат сложения истин относительных.

Таким образом, с точки зрения материалистической диалектики процесс познания истины есть движение от истины относительной к истине абсолютной. На каждой ступени исторического развития человеческие знания относительны. Другими словами, человек через относительную истину познает абсолютную истину, только таким путем раскрывается объективная истина.

Относительно вопроса о возможности применения положений об абсолютном и относительном характере истины в области уголовно-процессуальных отношений сложилось несколько точек зрения:

1. По уголовному делу должна достигаться только абсолютная истина¹.

2. По уголовному делу может быть достигнута только относительная истина. «Причем относительность проявляется не в неточности, не в недостоверности познания явлений и фактов —

¹ Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1963. С. 23; Кустов И.С. Философская природа истины, устанавливаемой в советском уголовном процессе // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1967. С. 113–115; Зайцева С.А., Седова Г.И. Закон и установление истины по делу в свете современной российской уголовной политики // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация : науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А.Н. Красикова, 20–21 марта 2003 г. / под ред. Б.Г. Разгильдиева. Саратов, 2003. С. 177; Соркин В.С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве. Гродно : ГрГУ, 2002. С. 14; и др.

пишет Л.Т. Ульянова, – а в неисчерпывающем характере этого познания, условных пределах исследования»¹.

3. По одним уголовным делам может быть достигнута абсолютная истина, а по другим – только относительная. Так Н.А. Лукичев, обосновывая свою точку зрения, ссылается на то, что абсолютную истину невозможно достичь при расследовании каждого уголовного дела. Но он не отрицает тот факт, что истину в уголовном процессе нужно искать, и она достижима, но через преодоление определенных трудностей, причем по определенным делам возможно достижение и абсолютной истины. «К ней (истине) мы всегда стремимся, хотим ее достичь как невозможное... ведь цель одна – установление истины. И неважно достигнем мы ее или нет в абсолютном виде. Вот в чем положительная изюминка, прогрессирующая роль абсолютной истины, которую невозможно игнорировать...»².

4. Истина, достигаемая по уголовному делу одновременно и абсолютная, относительная³. По мнению А.И. Трусова, она относительна, так как является истиной конкретной, частичной, ограниченной рамками предмета доказывания по конкретному делу, и абсолютна в силу своего объективного характера, так как всякая объективная истина выступает частью исчерпывающих и законченных познаний как об отдельном предмете и явлении, так и обо всей окружающей действительности в целом⁴.

5. Точка зрения о неприменимости философских понятий абсолютной и относительной истины к истине, устанавливаемой по уголовному делу⁵. Сторонники данной концепции отмечают,

¹ Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. М. : Юрид. лит., 1959. С. 60–61.

² Лукичев Н.А. Роль суда по установлению объективной истины по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Следователь. 2002. № 2. С. 27.

³ Дорохов В.Я., Николаев В.С. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе. М. : Госюриздат, 1959. С. 70–72; Недосекин А.В., Пальчикова Н.В. Установление истины – цель доказывания по уголовному делу // Вестник Воронежского института МВД России. 2001. № 1 (8). С. 81; Зыков Д.В. Характер истины в уголовном процессе // Вопросы права и социологии : межрегион. науч. изд. Волгоград, 2003. Вып. 10. С. 43; Оришич Е.Г. Принцип объективной истины в гражданском процессе // Актуальные проблемы применения российского права на современном этапе : сб. науч. тр. КГАУ. Вып. 366 (394). Краснодар, 1998. С. 122.

⁴ Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М. : Госюриздат, 1960. С. 119.

⁵ Плаксин А.С. Проблема истины в уголовном процессе // Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты предварительного следствия : сб. материалов науч.-практ. конф. (16 дек. 1999 г.). Челябинск, 2000. Вып. 1. С. 126; Карякин Е.А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конф. г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 418–419; Хазиева Л. Истина

что многоступенчатость в познании истины от относительной до абсолютной, свойственна познанию истины в философском аспекте, и распространять упомянутую концепцию абсолютной истины на познание истины в уголовном процессе совершенно неприемлемо, так как это может привести к существенным нарушениям закона при отправлении правосудия. Истина не может быть абсолютной, поскольку достичь ее невозможно, но она и не может быть относительной, ибо это повлечет нарушение прав участников процесса и другие нежелательные последствия.

Рассуждая об абсолютной и относительной истине, нельзя не согласиться с мнением Н.А. Пьянова, о том, что абсолютная и относительная истины – это не два самостоятельно существующих вида истины, а стороны одной единой объективной истины, которые выражают диалектику процесса познания. Истина – это не только результат, но и процесс развития знания от неполного, приблизительного, относительного к более полному, более точному, абсолютному¹.

По нашему мнению, в процессе познания необходимо стремиться к достижению абсолютной истины. В основу наших рассуждений положены философские идеи о том, что следует отличать абсолютную полноту знания о фактах от абсолютно истинной констатации юридически значимых фактов. Абсолютная полнота знаний недостижима, но абсолютно истинная констатация юридически значимых фактов должна быть неременным условием строгого соблюдения законности. Если мы будем исходить из того, что по уголовному делу устанавливается относительная истина, то это означает неполноту следствия по делу. А приговор, вынесенный по неполно расследованному делу, не может быть признан правильным, обоснованным.

Относительная истина всегда означает незаконченное, незавершенное исследование. В дальнейшем исследование будет дополняться знаниями изучаемых предметов, добавляться все новые крупинки, частички абсолютной истины. Но в уголовном су-

и справедливость в уголовном процессе // Проблемы противодействия преступности в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., 16–17 окт. 2003 г. Уфа, 2004. Ч. 3. С. 204; и др.

¹ Пьянов Н.А. Значение категорий абсолютной и относительной истины для характеристики истины в правоприменительной деятельности // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. Иркутск, 1984. С. 37.

допроизводстве процесс познания истины ограничен судебным приговором, вступившим в законную силу, которым заканчивается исследование. Следовательно, это не относительная истина. Конечно, бывают случаи, что после вступления приговора в законную силу, обнаруживаются новые, ранее неизвестные обстоятельства, вследствие чего дело пересматривается. Но это означает неправильность приговора, а вовсе не относительность установленной им истины.

Необходимость в категориях абсолютной и относительной истины проявляется, прежде всего, не тогда, когда истина уже установлена и процесс познания завершен, а именно в процессе самого движения познания от незнания к знанию и от знания неполного и неточного к знанию полному и точному.

Исходя из того, что проникнуть в сущность связей, отношений, явлений и фактов возможно только на логическом уровне познания, необходимо отнести цель установления объективной истины по уголовному делу (как было закреплено в ст. 71 УПК РСФСР) именно на заключительный этап доказывания – оценку всей совокупности собранных и проверенных доказательств. Однако, оценка доказательств, как мыслительная, логическая деятельность, имеет место не только на заключительном этапе доказывания при оценке всей совокупности собранных и проверенных доказательств по уголовному делу. Она реализуется на протяжении всего доказывания при оценке ограниченных совокупностей доказательств. В результате этой деятельности устанавливаются относительные истины, не охватывающие познаваемых объектов полностью. Содержание объективной истины, достигаемой на заключительном этапе доказывания при оценке всех собранных доказательств в совокупности, и соединяет в себе относительные истины.

Анализируя сущность истины, ее виды, нельзя не отметить стремление многих ученых решить вопрос о критерии истины в рамках уголовного судопроизводства. Еще древние скептики отмечали, что проблема критерия истины приводит к парадоксу бесконечного регресса: если для распознавания истинности утверждения нужен некий критерий истины, то истинность само-

го этого критерия, в свою очередь, должна быть установлена на основе другого критерия истины, и так до бесконечности.

По данному вопросу мнения теоретиков разделились. Одни предлагали в качестве критерия использовать опыт¹, другие – внутренне убеждение². В современный период выделилась и третья позиция, отстаивающая положение о том, что на современном этапе нет возможности предоставить следователю, суду какой-либо универсальный и абсолютный критерий для проверки истинности достигнутого знания о расследуемых событиях и обстоятельствах³. Поэтому, как отмечает В.С. Овсянников от следователя и суда можно требовать характеризовать достигнутое знание о расследуемых событиях прошлого лишь субъективно (доказано или не доказано знание), но нельзя требовать характеризовать знание с объективной стороны его содержания (истинно оно или ложно). Первое корректно, второе – нет⁴.

Ряд исследователей отстаивают позицию о том, что совпадающее внутреннее убеждение нескольких правоприменителей (следователя, дознавателя, прокурора, судьи, рассматривающего дело по первой инстанции, судьи вышестоящего суда), сформированное в ходе процессуальной деятельности, может рассматриваться в качестве критерия истины в уголовном процессе⁵. Эта концепция строится на главном принципе – принципе доверия человеку познающему, в соответствии с которым необходимой предпосылкой истинности знания предстает сам субъект, поскольку он есть представленность социального и культурно-

¹ Арсенев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1964. С. 140; Бабиченко К.Н. Истина как цель доказывания // Право: теория и практика. 2003. № 18. С. 59; Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде // Юридический мир. 2003. № 8. С. 20.

² Корневский Ю.В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе // Государство и право. 1999. № 2. С. 60; Софронов Г.В. Предмет и направление совершенствования уголовно-процессуального доказательственного права : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 50; Яцишина О.Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 155.

³ Белоносов В.О., Колесников Е.В. Критерии истинности результатов толкования уголовно-процессуальных норм // Журнал российского права. 2003. № 5. С. 59.

⁴ Овсянников В.С. Вооружены ли следователь и суд критерием истины // Закон и право. 2000. № 7. С. 34.

⁵ Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. М. : Эксмо, 2005. С. 163.

исторического опыта, предметно практической деятельности, через которые удостоверяется истина¹.

Но, как бы ни трактовалась формулировка «внутреннее убеждение – критерий оценки доказательств», она выражает мысль о том, что правильность оценки доказательств проверяется субъектом через его же психическое состояние – убеждение. В результате объективный критерий заменяется субъективным, игнорируется то, что внутреннее убеждение может быть и неправильным².

Поэтому одно и то же знание, обоснованное одними и теми же доказательствами, у некоторых субъектов оценки может вызвать внутреннее убеждение в его истинности, а у других – сомнения или даже внутреннее убеждение в его ложности. Следовательно, данный критерий не надежен.

Как альтернатива предлагалось использовать в качестве критерия истины – опыт, накопленный юристами в процессе участия в уголовных процессах. Истоки этого предложения изложены в теории познания диалектического материализма, где различают доказательство истины и проверку знания на истинность. Нельзя отождествлять способ процесса доказывания истины и ее проверку, поскольку процесс доказывания истины в значительной мере входит в процесс формирования истины, а проверка истины носит, в конечном счете, всегда практический характер независимо от того, практическим или логико-математическим является ее доказательство. Поэтому представляется более последовательной и оправданной ставшая традиционной для советского уголовного процесса попытка обращения к практике как к критерию истины.

Авторы «Теории доказательств в советском уголовном процессе» полагают, что подлинной гарантией истины должен быть объективный критерий, руководствуясь которым можно отделить истинное от ложного, убедиться в достоверности выводов³. Таким критерием может быть только опыт, практика, ибо ничего другого для суждения об истине в распоряжении человека нет. В

¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. М. : ПрогрессТрадиция, 2002. С. 168–169.

² Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 174.

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. М. : Юрид. лит., 1973. С. 60.

уголовном судопроизводстве познание осуществляется в ходе практической деятельности. Как отмечают некоторые ученые, практика буквально пронизывает процесс познания по уголовному делу¹. Практика служит источником познания в уголовном процессе, средством проверки выдвигаемых версий, корректирует процесс познания, прокладывает путь к истине.

Рассматривая практику как критерий истины, отдельные авторы выделяют следующие формы ее проявления:

– коллективная практика органов предварительного расследования, прокуратуры, суда;

– личный профессиональный опыт оперативного работника, следователя, прокурора, судьи;

– тщательный анализ и сопоставление материалов дела, проверка и оценка всех собранных доказательств;

– учет при планировании расследования всех возможных объяснений механизма события, оценка реальности версий и их исследование по существу. Сама проверка версий осуществляется практически, и результаты проверки оцениваются также практически;

– экспериментальная проверка правильности наших знаний об отдельных элементах расследуемого события как в установленной процессуальной форме, так и путем проведения научных опытов;

– использование в процессе доказывания в целях собирания и исследования доказательств достижений естественных и технических наук².

Другие – утверждают, что в уголовном процессе критерий практики выступает в основном опосредованно, как обобщенная историческая практика, которая подтверждает «адекватность мышления вообще, а не данной отдельной мысли данного отдельного субъекта»³.

¹ Корневский Ю.В. Актуальные проблемы доказывания... С. 59.

² Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. : Наука, 1966. С. 90–91.

³ Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе // Советское государство и право. 1966. № 6. С. 93.

Справедливым представляется высказывание о том, что одним из аспектов понимания практики как критерия истины является то, что этот критерий одновременно абсолютен и относителен¹. Критерий практики абсолютен, во-первых, потому что никакого иного критерия для установления истинности или ложности человеческого мышления нет и не может быть. И, во-вторых, потому что он способен показать абсолютную истину. Но поскольку опыт многообразен, всякая простая истина всегда неполна. Отсюда критерий практики подтверждает истинность наших знаний в целом как истин относительных, неполно, относительно точно, приблизительно верно отражающих действительность. Известно, что практика, как критерий истины, никогда не может по самой сути подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления.

Кроме того, в практике происходит материальное воплощение знаний, которые подлежат проверке. Практика – объективный феномен материального мира, следовательно, такая двуединая природа практики обеспечивает ее роль как критерия истины.

Роль и значение практики как критерия истины в праве, в том числе и в области уголовного судопроизводства значительно актуализируются, так как только практика может выявить истинность или неистинность действующих в стране правовых норм, осуществляемых в рамках преобразований российской правовой системы и особенно той ее части, которая связана с уголовно-процессуальным правоприменением².

Признание критерия практики в уголовном процессе ни в коей мере не означает отрицания или хотя бы умаления значения внутреннего убеждения. Наоборот, только путем правильного использования критерия практики в уголовном процессе можно подвести под внутреннее убеждение твердую базу, устранить разрыв между объективным и субъективным в этой области.

¹ Васильев Л.М. Практика как критерий истины в уголовном судопроизводстве. Краснодар : КГАУ, 1993. С. 39–41.

² Васильев Л.М. Там же. С. 3.

1.2. Процесс познания истины в уголовном судопроизводстве

Существуя в реальном мире, человек не может не стремиться к познанию окружающей действительности. Познание есть усвоение чувственного содержания того, что человек воспринимает, переживает, испытывает, как он оценивает положение вещей, состояний, процессов. Исследование познания составляет предмет учения о нем, которое со времен И. Канта определилось в качестве особой области философии – «теории познания». В свою очередь, познание не замыкается в самом себе, оно не существует ради самого себя, а имеет целью нахождение истины¹. В философском плане познание определяется как общественно-исторический процесс творческой деятельности людей, формирующий их знания, на основе которых возникают цели и мотивы человеческих действий².

Данные утверждения в полной мере относятся к уголовному процессу. Как справедливо отмечал Р.С. Белкин, любой акт расследования, в какие бы времена он ни осуществлялся, и какими бы методами не велось следствие, является процессом познания истины³.

Истина в уголовном судопроизводстве устанавливается в процессе раскрытия и расследования преступлений путем познания событий, имевших место в прошлом. Как отмечают некоторые авторы, раскрытие и расследование преступлений – сложный ретросказательный процесс. Выделяют три основных этапа ретросказания:

– установление исходных данных. Он связан с выяснением и описанием следов прошлого. Полученные на этом этапе данные являются отправным объективным материалом исследования;

– межвременной переход. На этом этапе осуществляется переход информации о предметах, имеющих на момент исследования, к информации о предметах, существовавших в прошлом. Такой переход информации возможен в результате анализа «фак-

¹ Николаев О. Специфика определения истины в праве // Право и жизнь. 2002. № 46. С. 69.

² Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева. М., 1983. С. 352.

³ Белкин Р.С. «Скучная» криминалистика. Рассказ об известных, малоизвестных и почти неизвестных средствах и методах поиска истины в правосудии. Ижевск, 1993. С. 34.

тов-состояний», т.е. таких следов, которые сохранили информацию о прошлых событиях;

– восстановление полной структуры объекта.

Эти этапы характеризуют любой процесс познания прошлого и, следовательно, имеют непосредственное отношение к процессу установления истины¹.

Одни авторы, утверждая, что установление истины в уголовном судопроизводстве осуществляется посредством доказывания, которое является центральной частью уголовно-процессуальной деятельности, выделяют пять структурных элементов доказывания: построение и динамическое развитие следственных версий; сбор доказательств; проверка собранных доказательств; оценка доказательств; обоснование соответствующих выводов².

Другие делают вывод о том, что процесс доказывания состоит из сбора, исследования (проверки), оценки и использования доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела³.

Однако традиционно в процесс доказывания включают три элемента: сбор, проверку и оценку доказательств⁴. Причем каждый из названных элементов имеет строгую процессуальную форму, что позволяет обеспечить не только наиболее эффективный и оптимальный путь познания фактических обстоятельств дела в процессе, но и достоверность полученных при этом результатов⁵.

Также принято толковать доказывание в широком и узком смыслах: в первом – как осуществление всей познавательной деятельности субъектов, ведущих процесс, охватывающей не только оценку, но и сбор, и проверку доказательств, во втором –

¹ Кручинина Н.В., Шиканов В.И. Алиби. Теоретические проблемы и их прикладное значение в уголовном судопроизводстве. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. С. 9.

² Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. С. 7.

³ Егоров Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах : дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 2005. С. 45.

⁴ Уголовно-процессуальное право... С. 120; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. М. : Юристъ, 2004. С. 221.

⁵ Ковтун Н.И. состязательность, и поиск истины (о роли и месте суда в доказывании по уголовному делу) // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 11–12.

лишь как логическую деятельность по обоснованию выдвигаемого тезиса¹.

Рассмотрение процесса доказывания в широком и узком смысле находит поддержку и в общей теории права. Так, С.С. Алексеев отмечает: «Доказывание (в широком смысле) – это деятельность субъектов, направленная на установление с помощью доказательств истинности обстоятельств дела». Сюда автор включает собирание, исследование и оценку доказательств. «В... узком смысле понятие доказывания... состоит в деятельности по обоснованию выдвигаемых доводов и возражений, по убеждению в их истинности тех или иных лиц»².

Полагаем, что именно в процессе доказывания на основе сформированных судебных доказательств, путем их проверки и оценки органами расследования, прокурором и судом, при активном участии таких субъектов уголовного процесса, как обвиняемый (подозреваемый), защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их законные представители, происходит установление истины по уголовному делу.

Следует отметить, что в теории уголовного процесса спорным является вопрос о соотношении познания и доказывания.

Так, А.П. Рыжаков считает, что познание и доказывание – несовпадающие явления. Познание и доказывание – разные виды рациональной деятельности. Познание – деятельность «для себя», доказывание – «для адресата». Целью познания является получение знания, а целью доказывания – убеждение адресата в этом. Таким образом, уголовно-процессуальное познание – это часть уголовно-процессуального доказывания. Оно включает в себя почти все составляющие последнего, за исключением удостоверительного момента³.

Другие же полагают, что доказывание – один из этапов познания. Таким образом, познание истины по делу включает два этапа – исследование (до привлечения лица в качестве обвиняе-

¹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти : Волжский ун-т им. В.Н. Татинцева, 1998. С. 12.

² Алексеев С.С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 247–248.

³ Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства. М. : Филинь, 1997. С. 21–22.

мого) и доказывание (установление обоснованности предъявленного обвинения)¹.

Р.Г. Домбровский не только не отождествляет познание и доказывание, но и противопоставляет их: «Познание и доказывание не только различные, но противоположные по своей направленности формы деятельности», и далее автор утверждает, «что каждый субъект уголовного процесса, прежде чем стать субъектом доказывания, является субъектом познания. Познание предшествует доказательственной деятельности и не совпадает с ней. Познание представляет собой процесс, направленный во внутрь познающего субъекта, этот процесс имеет своим началом чувственно-практическую деятельность, переходящую в мышление. Конечным итогом познавательного процесса выступает определенный мыслительный материал, новые, ранее не известные субъекту познания мысли. При доказывании имеет место противоположное познанию движение: от мыслей к изложению, к речевой деятельности, к общению с другими субъектами, т.е. к практической деятельности. Конечным итогом для субъекта доказывания является отчужденная от ее носителя мысль, выраженная в устной или письменной форме. Таким образом, познание – это переход от чувственно-практической к мыслительной деятельности, а доказывание как противоположный познанию процесс – переход от мыслительной к чувственно-практической деятельности»².

Высказано и иное мнение по поводу соотношения познания и доказывания. Так, уголовно-процессуальное доказывание включает в себя не только познавательный момент (субъекты доказывания добывают информацию об обстоятельствах уголовного дела), но и удостоверительный (подтверждение, документирование, обоснование). А уголовно-процессуальное познание может осуществляться не только при помощи доказательств. Доказывание не исчерпывает всех путей познания в уголовном судопроизводстве. Непроцессуальное познание (оперативно-розыскная дея-

¹ Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 11; Левченко О.В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу // Государство и право. 2003. № 4. С. 69.

² Домбровский Р.Г. Познание и доказывание по уголовным делам // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. Иркутск, 1984. С. 46–47.

тельность, сообщения прессы и представителей общественности) тоже является познавательной деятельностью. Здесь нет столь надежных гарантий достоверности, как при доказывании, поэтому результаты этой деятельности не могут служить основаниями для принятия юридически значимых решений¹.

Большинство ученых отождествляют уголовно-процессуальное доказывание и познание². Так, М.М. Михеенко полагает, что непроцессуальная познавательная деятельность, предшествующая или сопровождающая уголовно-процессуальное доказывание, не имеет правового значения, поскольку выходит за рамки уголовного процесса. Установление истины в уголовном процессе, познание, результаты которого имеют юридическое значение, осуществляется лишь в процессуальной форме. Поэтому, когда мы говорим о гносеологической сущности уголовно-процессуального доказывания как особой разновидности познания действительности, мы должны ставить знак равенства, идентичности между доказыванием и познанием³.

Ю.К. Орлов предлагает различать правовой и гносеологический аспекты доказывания. В рамках правового аспекта доказывания он выделяет несколько уровней (этапов), которые находятся между собой в отношениях «субординационной зависимости»: «доказывание – познание», «доказывание – удостоверение», «доказывание – обоснование». В рамках гносеологического аспекта доказывания им выделяется «информационная» и «логическая» стороны доказывания⁴.

С учетом анализа высказанных мнений и концепций, полагаем, что процесс установления истины начинается задолго до процесса доказывания. Уголовно-процессуальное познание является комплексным процессом, в котором доказывание – специфическая форма уголовно-процессуального познания, один из его элементов, но как форма уголовно-процессуального познания до-

¹ Маркина Е.А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 53; Балакшин В. Понятие доказательств в уголовном процессе // Законность. 2005. № 2. С. 43.

² Арсеньев В.Д. Основы теории доказательств в советском уголовном процессе. Иркутск, 1970. С. 13; Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1960. С. 16; и др.

³ Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве. Киев, 1984. С. 8.

⁴ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Проспект, 2000. С. 13.

казывание играет в нем ведущую роль. Уголовно-процессуальное познание, помимо доказывания, включает в себя и другие формы познания. Оно может осуществляться с помощью доказывания, оперативно-розыскного познания, познания с помощью преюдиций, презумпций, общеизвестных фатов. Все это самостоятельные формы уголовно-процессуального познания взаимосвязаны единой целью познания – истинной.

Таким образом, считаем, что доказывание является частью, элементом уголовно-процессуального познания. Доказывание является движущей силой уголовно-процессуальной деятельности. Поэтому доказывание в уголовном судопроизводстве есть и средство установления истины, и основа для выводов и решений, принимаемых в уголовном судопроизводстве.

Доказывание есть выяснение объективных связей между данным явлением, фактом и обосновывающим его другими фактами и явлениями. Доказывание – сложная деятельность, которая заключается в установлении и познании фактов объективной действительности, необходимых для правильного разрешения уголовного дела, и осуществляется на основе уголовно-процессуального законодательства¹.

Принимая во внимание тот факт, что судебное познание, являясь специфическим видом человеческой познавательной деятельности, связано с житейским и научным познанием, некоторые авторы сделали вывод о том, что судебное познание занимает как бы промежуточное положение между житейским и научным познанием. Так, судебное познание не претендует на раскрытие закономерностей развития явлений окружающего мира, ибо это не входит в задачу суда. Суд должен установить существование лишь отдельных явлений действительности, ему не нужна систематизация знаний об этих явлениях и развитие знаний о них вглубь. С этой точки зрения судебное познание близко к житейскому, бытовому познанию. Но оно отличается от бытового тем, что суд познает определенные явления не случайно, не потому что они встретились у него на пути, а преднамеренно, заранее определяя круг явлений, подлежащих изучению. Поэтому, у суда

¹ Алексеев Н.С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе // Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. Л., 1967. С. 429.

имеется не случайный, а обоснованный характером дела и нормой права подход к выбору предмета познания, к выбору обстоятельств, подлежащих установлению. В этом сходство судебного познания с научным¹.

Однако полагаем, что познание по уголовным делам не может расцениваться как промежуточное между обыденным и научным познанием. Поскольку, с одной стороны, обыденное знание выполняет по отношению к научному знанию некую предпосылочную функцию, с другой – научное знание, вторгаясь в область обыденной жизни, видоизменяет обыденное знание, реконструируя его на научной основе.

Познание по уголовному делу, осуществляемое следователем, прокурором, судом, есть особая разновидность познания, в результате которого его субъект получает специфический тип знания, обусловленный особенностями объекта познания и процессуальными средствами его овладения, поэтому нельзя отнести уголовно-процессуальное познание к научному или к житейскому познанию.

Человеческое сознание воспринимает мир универсально, незаинтересованно и абстрактно. В этом отношении активность человека в его познании можно сравнить с действием любого существа природе процесса или свойства. Дело обстоит так, что человек не может отказаться воспринимать действительность и мыслить ее, поскольку эти способности ему присущи, прирожденные, и у него нет выбора в том, познавать ему эту действительность или не познавать². Таким образом, человеку свойственно непосредственно познавать мир.

В свое время М.М. Гродзинский утверждал: «Наиболее простым способом установления того или иного факта является непосредственное его наблюдение. Но в уголовном процессе способ этот исключен. Преступление, составляющее предмет судебного исследования, представляет собой факт прошлого по отношению к моменту судебного разбирательства, и, следовательно,

¹ Иванов О.В. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. М. : Изд-во МУ, 1964. С. 26.

² Закомлистов А.Ф. Процедура истины в юриспруденции // Юридическая наука и развитие российского государства и права. Пермь, 2002. С. 12.

непосредственное наблюдение судом данного события не может иметь места; поэтому для суда остается только один путь – это установление различных фактов, на основе которых может быть разрешено данное дело»¹.

Необходимо отметить, что познание в уголовном процессе может быть как непосредственным, так и опосредованным. Непосредственное познание всегда является начальной ступенью в любом опосредованном познании. Доказывание – это именно опосредованное познание, но оно тесно связано с непосредственным и является его продолжением.

Известно, что в каких бы условиях ни действовал преступник, какие бы меры ни предпринимал для сокрытия следов преступления, всегда сохраняются какие-либо следы его преступной деятельности. Так, следователь нередко непосредственно воспринимает следы горения, крови, телесные повреждения, разрушенные объекты и другие факты, оставшиеся на месте преступления. При таком восприятии доказательств как таковых нет. Однако здесь имеет место непосредственное познание. Своими органами чувств следователь воспринимает некоторые объекты и явления и по ним мысленно создает образы, модели обстоятельств, имевших место в прошлом. Такое же непосредственное познание есть у очевидцев преступления – лиц, которые в дальнейшем становятся свидетелями, обвиняемыми, потерпевшими.

Непосредственно полученные знания могут стать доказательством по делу, а могут и не стать. Удостоверительная деятельность, будучи составной частью доказательственной, является ее формой. Познавательная деятельность по отношению к удостоверительной является определяющей. Познание и удостоверение соотносятся как содержание и форма. Как справедливо замечает А.Н. Копьева, именно познание дает сведения о событии, но без удостоверительной деятельности эти знания остаются как бы «вещью в себе»². Знания должны стать достоянием не только следователя, ведущего расследование, но и прокурора, осуществ-

¹ Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе // Ученые труды ВИЮН. М., 1945. Вып. 7. С. 3.

² Копьева А.Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. С. 12.

ляющего надзор, судей, постановивших приговор, и тех, кто решает вопрос о законности и обоснованности приговора и других судебных актов. Если следователь, непосредственно воспринимая обстановку места происшествия или последствия преступления, не составит протокол осмотра и не применит других средств фиксации обстановки преступления (фотоснимки, рисунки, схемы, слепки), то тем самым он не оформит процесс доказывания. В данном случае будет отсутствовать обязательный компонент всякого доказывания – удостоверительный. И хотя этот компонент является производным от содержания доказательства, без него доказательства нет вообще, оно не может существовать без формы. Непосредственное знание так и остается непосредственным знанием конкретного субъекта, если оно не будет облечено в процессуальную форму доказательства.

В процессе познания, как особом виде духовной деятельности, принято выделять ряд взаимоорганизованных элементов: субъект, объект, знание как результат деятельности.

Субъект познания – это тот, кто его реализует, т.е. личность, формирующая новое знание. Познающий субъект – не пассивное созерцательное существо, механически отражающее природу, а активная действующая творческая личность, реализующая в познании собственные цели и свободу для того, чтобы пробиться к неочевидной истине, познающему субъекту приходится активно воздействовать на природу, изобретать сложные методы познания, способные дать ответ на поставленные вопросы о сущности изучаемого объекта.

Поэтому познающий субъект, приступая к самостоятельному познанию, предварительно овладевает всей совокупностью профессиональных навыков и приемов, накопленных знаний, достигнутых человечеством хотя бы в данной отрасли познания. Если говорить о субъектах доказывания, то их круг уже, чем круг субъектов, осуществляющих познание по делу.

К субъектам доказывания уголовно-процессуальный закон (ст. 74, 86, 157 УПК РФ) относит: суд, прокурора, следователя, орган дознания, дознавателя. На этих лицах и лежит обязанность осуществлять доказывание, и они несут ответственность за выполнение его задач. В группу субъектов, осуществляющих уго-

ловно-процессуальное познание, следует включить участников уголовного процесса, которые имеют личный интерес в разрешении дела. Данные субъекты не несут непосредственной ответственности за установление истины по делу, вместе с тем имеют право представлять доказательства (ст. 42, 46, 47, 86 УПК РФ) Это – потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, его законный представитель, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, защитник. Также к субъектам, осуществляющим уголовно-процессуальное познание, можно отнести и таких участников уголовного процесса, которые вовлекаются в орбиту уголовного судопроизводства для выполнения отдельных задач: специалиста, эксперта, понятых, педагога, переводчика. Они, в отличие от других, не имеют возможности участвовать в познавательной деятельности по делу в полном объеме.

Объект познания – это то, на что направлена познавательная деятельность субъекта. Объектом познания могут быть как явления и процессы объективного мира, так и сам субъективный мир человека: образ мышления людей, психическое состояние личности, общественное мнение и т.д.

В качестве объекта явление действительности предстает перед познающим субъектом во всем многообразии его свойств и отношений. Субъект в процессе познания не стремится к исследованию всех сторон и связей объекта, а изучает их в ограниченном количестве, исходя из целей и задач того или иного вида познавательной деятельности. В зависимости от субъекта – его целей, интересов и т.д. – выделяются разные стороны объекта и на этой основе формируется предмет познания. Следовательно, если объектом познания служат цельные явления, предметы, взятые в единстве всех их свойств и отношений, то предметом познания выступают лишь некоторые из них. Поэтому обоснованно отдельными авторами предмет познания определяется как зафиксированные в опыте и включенные в процесс практической деятельности человека стороны, свойства и отношения объектов, ис-

следуемые с определенной целью в данных условиях и обстоятельствах¹.

Поскольку уголовно-процессуальное доказывание представляет собой разновидность познания, доказывание, естественно, имеет свой объект и предмет. Объект доказывания – это часть объекта уголовного процесса, образующая фактическую сторону преступного деяния, которая может быть установлена с помощью доказательств. Фактическая сторона деяния характеризуется бесконечным множеством сторон, свойств и отношений. Но в уголовном процессе должна устанавливаться лишь часть их: доказыванию подлежат те и только те факты и обстоятельства, которые имеют значение для правильного разрешения дела и выполнения задач уголовного процесса. Эти факты и обстоятельства образуют предмет доказывания в уголовном процессе.

Познание представляет собой активное взаимодействие познающего субъекта с объектом. Конечная цель и результат этой деятельности – получение достоверного знания об объекте.

Познание в своей сущности есть отражение мира в представлениях, гипотезах, теориях и т.д. В случае познавательного процесса в качестве отражения как раз и выступают образы изучаемого объекта, представленные в форме фактов, законов, гипотез, теорий. Между отражением, данным в образе, и изучаемым объектом существуют отношения структурного сходства, подобия. Это означает, что элементы образа соответствуют элементам изучаемого объекта.

Расследование является процессом познания прошлого события (преступного деяния) посредством процесса доказывания. Поскольку доказательствами являются сведения о фактах (ст. 74 УПК РФ), т.е. отраженной информацией о каком-либо предмете, событии, сохранившейся на материальных носителях либо в сознании (памяти) человека, постольку мы сталкиваемся с философской теорией отражения, как способа познания². Согласно данной теории наши ощущения и представления являются слеп-

¹ Петрова О.В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 15; Шейфер С.А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу // Государство и право. 1997. № 9. С. 57.

² Магамедов Х.А. Доказывание в уголовном процессе и проблема познания истины // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия. СПб., 1999. С. 17.

ками, снимками с действительности, в наших понятиях и суждениях находит свое отражение объективная действительность.

Истина представляет собой специфическое отражение действительности. Конечно, само по себе отражение действительности в сознании людей – еще не истина. Сознание по природе своей есть отражение объективной реальности, и даже фантастические, например, религиозные образы сознания отражают определенную объективную реальность. Истина не просто отражение действительности, она отражение – знание. Однако не всякое знание является истиной. Истина представляет собой такое знание, которое отражает действительную взаимосвязь, опосредованность явлений.

Поскольку объективно-реальное как предмет познания не входит в его образ, постольку истина возможна лишь как приближение знания к предмету познания. Степень этого приближения далеко не всегда может быть указана. Образ как субъективное вообще не может стать предметом, который он воспроизводит. Следовательно, истина всегда включает в себе момент неопределенности, которая частично относится к содержанию истины, частично к ее границам, т.е. области ее применения¹.

Согласно теории познания диалектического материализма, познание всегда остается движением от незнания к знанию, причем всякое знание предполагает непознанное – оно ограничено, по меньшей мере, уровнем своего развития. То обстоятельство, что познанное представляет собой часть, сторону еще не познанного, указывает на ограниченность и конечность познания, однако эти ограниченность, конечность относительны, т.е. они постоянно преодолеваются прогрессивным развитием познания.

Общие свойства явлений выступают как закономерность и обозначаются категорией «сущность». Теория познания исходит из того, что сущность их может быть постигнута на различных уровнях ее проявления, разделяемых в зависимости от задач познания, от возможностей человека на тот или иной момент общественной практики проникнуть в глубинные свойства и связи явлений. Сле-

¹ Петрова О.В. Объективная истина... С. 17.

довательно, познание объекта может быть беспредельным, поскольку глубина проникновения в его сущность не ограничена¹.

Постижение человеком объективной действительности осуществляется путем чувственного, или эмпирического познания и логического, или рационального, теоретического мышления.

Начальной формой и источником знания является живое созерцание, т.е. активное чувственное познание, содержание которого составляют ощущения и представления. Чувственная форма играет важную роль в процессе познания. Через чувства человек контактирует с внешним миром, поэтому чувственное знание имеет непосредственный характер. С помощью органов чувств человек не способен формировать образы внутренней, сущностной стороны познаваемых объектов. Эту ограниченность чувства человек преодолевает с помощью логического мышления. Логическое познание в отличие от чувственного носит опосредованный характер. Это значит, что, размышляя о предметах, человек непосредственно с ними не контактирует. Исходные сведения о предметах в логическом мышлении доставляются человеку органами чувств либо предшествующим логическим познанием.

Логическое мышление носит обобщенный и абстрактный характер. В мышлении человек отвлекается от многих чувственно-конкретных признаков, формулирует идеи об общих и типичных свойствах предметов, создает логические абстракции. Именно с помощью логических абстракций познающий субъект способен проникнуть в сущность изучаемого объекта.

Путь к истине обязательно пролегает через индивидуальное познание и мышление. Причем познание и мышление каждого индивида не есть простое зеркальное отражение действительности. Восприятие одних и тех же фактов и их оценка осуществляются разными людьми далеко не одинаково. Индивидуальное познание и мышление представляют собой отражение явлений и фактов через призму всех выработанных человеком способностей и задатков, через призму всех его знаний, опыта, практики, эрудиции, взглядов, интересов, идеалов и устремлений.

¹ Давлетов А.А. Объект и предмет уголовно-процессуального познания // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1985. С. 19–20.

Ряд авторов справедливо замечает, что, представляя различные моменты общего процесса познания, чувственное и рациональное не существуют отдельно. Будучи исходной ступенью движения к истине, чувственное познание неразрывно связано с мышлением и без него не существует. Причем как неизбежные этапы познания чувственное и логическое не отделимы друг от друга непроницаемой стеной, а выступают в своем диалектическом единстве¹.

Действительной основой связи чувственного и логического у человека является предметная практика. В предметной практике человек формирует цель и программу действий, т.е. поступает осмысленно, однако поскольку практика связывает человека с вещью через чувственный опыт, то человек вынужден в каждом практическом акте соотносить логическую идею с чувственно наблюдаемой вещью.

Следовательно, процесс доказывания в уголовном судопроизводстве как разновидность процесса познания объективной действительности подчиняется общим закономерностям. В свете теории отражения нормы уголовного права и, прежде всего, само понятие преступления, конкретные составы преступлений можно рассматривать как опережающее отражение действительности. В этих нормах зафиксированы те явления социальной действительности, черты и степень общественной опасности которых уже были познаны ранее. Это знание зафиксировано в положениях закона. Более того, это знание уже известно субъекту, познающему конкретное преступление в уголовном процессе, и присутствует в его сознании в форме правосознания. Поэтому познание в уголовном процессе не есть познание чего-то нового, ранее неизвестного, а представляет скорее узнавание в очередном факте социальной действительности уже познанной ранее сущности.

Оценка тех или иных фактов, а в конечном счете познание истины по уголовному делу, не мыслима без знания правовой сущности тех явлений, которые устанавливаются по конкретному уголовному делу.

¹ Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия. М., 1971. С. 14; Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 26–27; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань : КГУ, 1976. С. 22.

Успешность познавательной деятельности лиц, ведущих уголовный процесс, во многом зависит от уровня общей и специальной подготовки, от практического опыта. Поэтому доказывание в уголовном судопроизводстве в строгом смысле слова начинается не с живого созерцания, эмпирического восприятия фактов и сведений о них лицами, осуществляющими доказывание. Эмпирическое является началом познания, но в смысле не созерцательного, а исходного строительного материала знания, вовлекаемого в процесс познавательной деятельности.

Особенность процесса доказывания состоит в том, что здесь сведения и факты, познанные непосредственно, выступают в качестве оснований для логических доказательств.

Для возникновения познавательного результата по уголовному делу необходимо наличие исходного (предпосылочного) интеллектуального слоя, в качестве которого выступают правовые и этические знания субъектов, осуществляющих доказывание. В результате мы приходим к выводу, что знание по уголовному делу возникает из имеющихся, исходных знаний.

Познание обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, движется не от чувственно воспринимаемых сведений, содержащихся в источниках доказательств, к формальной (нормативной) абстракции и не от формальной абстракции (т.е. от нормативного описания уголовно-правового запрета) к чувственно воспринимаемому конкретному факту, а от одного теоретически осмысленного факта в его правовом значении к другому. Выбор фактов не произволен, он задан в уголовно-процессуальных нормах, которые организуют поступательность и конкретизацию процесса судебного познания.

Как было сказано выше, теория познания исходит из того, что познание объекта может быть беспредельным, поскольку глубина проникновения в его сущность не ограничена.

Специфика же уголовно процессуального познания заключается в том, что познавательная деятельность органов судопроизводства не бесконечна. Она направлена на выяснение сущностей различного уровня, но при этом имеет последний «этаж», которым познание завершается, так как постижения данной глу-

бины проникновения в сущность объекта достаточно для разрешения задач уголовного судопроизводства.

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность является практической деятельностью, в ходе которой осуществляется процесс познания. Однако процессу доказывания в уголовном судопроизводстве, имеющему основой практику, свойственны те же ступени познания, которые присущи любой познавательной деятельности.

Собирание, проверка и оценка доказательств, будучи составными частями процесса познания, соответствуют чувственному и рациональному познанию. Возможность и необходимость применения чувственного и рационального обуславливается самой объективной действительностью. Преступление отражается в окружающем мире различными сторонами и свойствами. Но при этом не все они находят прямое отражение в действительности, а, следовательно, непосредственно проявляются вовне. Например, умысел и цель обвиняемого довольно редко получают такое отражение, но это не значит, что они не могут быть установлены в процессе доказывания по уголовному делу. Возможность познания невидимого, неслышимого заложена в самом событии преступления, в объективных связях, существующих между явлениями, доступными для непосредственного восприятия органами чувств, и явлениями, не доступными для такого восприятия.

Однако одной этой предпосылки недостаточно, чтобы познать отношения и свойства, не доступные непосредственному восприятию органов чувств. Существует и другая предпосылка возможности познания невидимого, неслышимого. Она обусловлена взаимосвязью чувств и разума, их принадлежностью человеческому сознанию. Причем связь в сознании человека (дознателя, следователя, прокурора, судьи) между чувственным и рациональным познанием должна отражать и воссоздавать отношения, связи, существующие (существовавшие) в объективной действительности между свойствами и явлениями, доступными соответственно для чувственного и рационального познания.

Свойства, стороны, связи обстоятельств и фактов, образующих преступление, отражаются в действительности. Доступные для органов чувств, они могут быть отчасти восприняты непо-

средственно. Но субъект уголовно-процессуальной деятельности не может ни непосредственно наблюдать событие преступления, ни экспериментально воспроизводить расследуемые события в деталях. В этом главная трудность проверки имеющегося знания на истинность в судебном исследовании¹. Поэтому в большинстве случаев событие преступления воспринимается другими людьми, которые становятся свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми.

Чувственный уровень познания связан с обнаружением следов преступления. В сознании следователя и судьи формируются такие формы чувственного познания как ощущение, восприятие и представление, при производстве предусмотренных уголовно-процессуальным законом следственных и судебных действий. Между тем возможности следователя и судьи непосредственно воспринимать следы преступления – ограничены. Поэтому непосредственное восприятие многих свойств и явлений заменяется косвенным наблюдением с помощью различных приспособлений и приборов. Однако, как справедливо отмечают отдельные авторы, непосредственное восприятие – это не пассивное созерцание, а активная познавательная деятельность следователя, судьи². Например, при осмотре предметов, служивших орудиями совершения преступления, следователь, дознаватель, прокурор непосредственно своими органами чувств воспринимают их свойства и состояния, относимые к расследуемому событию преступления, и на основе полученных чувственных данных создают образы этих предметов.

Представления, образы обстоятельств и фактов могут формироваться в сознании следователя, дознавателя, прокурора и суда не только на основе их непосредственного чувственного восприятия, но и опосредованным путем. Если область непосредственного чувственного познания в уголовном процессе незначительна, то область опосредованного чувственного познания охватывает значительную его часть. Оно имеет место при проведении

¹ Овсянников В.С. Вооружены ли следователь и суд критерием истины. С. 33.

² Корноухов В.Е. Расследование как процесс познания: уровни, теории, проблемы // Проблема познания в уголовном судопроизводстве : материалы науч.-практ. конф., 22–24 сент. 1999 г. Иркутск, 2000. С. 6–7.

таких следственных и судебных действий, направленных на собирание доказательств, как допрос свидетелей, потерпевших, обвиняемых (подозреваемых), производство судебных экспертиз.

Закономерно возникает вопрос о необходимости разграничения уровней знания в процессе доказывания. В науке принято выделять два таких уровня: эмпирическое и логическое (теоретическое) знание.

Эмпирический уровень предполагает использование данных непосредственного наблюдения и эксперимента, позволяющее выявить только внешние свойства, связи и отношения предметов действительности и выразить результаты познания в простейших логических формах. А логический уровень связывается с познанием внутренних сторон явлений, их сущности, с нахождением законов. Содержание этого знания не имеет непосредственно чувственного коррелята. Оно протекает в форме абстракций с использованием сложных логических построений.

Эмпирический уровень познания базируется на анализе, целью которого является отбор необходимых при доказывании фактов для их фиксации и описания. Этот уровень соответствует тому, что в процессе доказывания именуют собиранием и частично проверкой доказательств¹. Именно в ходе собирания доказательств, когда следователь, дознаватель, прокурор и суд производят следственные и судебные действия, направленные на поиск, обнаружение и фиксацию доказательств, познание ими тех или иных фактов объективной действительности происходит на основе осмысливания личных впечатлений и представлений следователя, судьи и их опыта.

Таким образом, следователь и другие субъекты доказывания непосредственно и опосредованно познают обстоятельства и факты, имеющие значение для дела. Чувственное непосредственное и опосредованное познание частично имеет место и при проверке доказательств, когда качество уже полученных доказательств устанавливается путем сбора новых доказательств, связанных с проверяемыми через отображаемые факты.

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 62.

Чувственное восприятие следователя, дознавателя, прокурора и суда при производстве следственных и судебных действий по собиранию доказательств всегда осмысленно, мышление органически «вплетено» в практическую деятельность по собиранию и проверке доказательств. С его помощью определяется направленность восприятия, происходит отбор сведений, имеющих значение для дела, первичный анализ и проверка их содержания. Но при этом преобладающая роль принадлежит чувственному отражению, посредством которого обнаруживается, собирается и проверяется исходный материал, необходимый для продолжения процесса доказывания.

Чувственное познание способно верно отразить действительность, но лишь частично. Его непосредственная связь с объективной действительностью не позволяет на эмпирическом уровне отделить знание общее от единичного, объективное от субъективного. Оно не дает знаний о сущности фактов, связей, отношений и процессов, скрытых за поверхностью явлений, доступных чувственному восприятию. Как замечают отдельные авторы, посредством только чувственного познания в предметах и явлениях невозможно выявить и исследовать необходимые связи и отношения, отделить их от случайных¹.

Вместе с тем эмпирическое познание не игнорирует всех связей между явлениями, фактами и отношениями. Однако оно отражает только те из них, которые являются лишь формами проявления скрывающихся за ними существенных связей и отношений. Причем эти внешние формы, связи, отношения могут в определенной мере правильно отражать лежащие за ними существенные, необходимые связи, отношения, но могут и затемнять, а подчас и искажать их. Само по себе чувственное познание недостаточно для установления объективной истины по уголовным делам.

Познание сущности преступления, т.е. достижение истины по уголовному делу, недоступное для чувственного познания, осуществляется с помощью рациональной формы познания на логическом уровне. При этом объект отражается не со стороны явлений, доступных чувственному восприятию, а со стороны его

¹ Петрова О.В. Объективная истина... С. 27.

сущности – внутренних связей, отношений, процессов и закономерностей внутреннего движения, недоступных чувственному познанию. Субъект познания на этом уровне непосредственно с объективной действительностью не соприкасается, разум при этом опирается на данные чувств¹.

Формами выражения логического знания являются понятия, суждения и умозаключения. Их виды, правила построения изучает логика. Для правильного отражения преступления на логическом уровне познания необходимо связать понятия в соответствии с действительно существовавшими и существующими связями между явлениями, предметами, их свойствами и отношениями. Представления, полученные на основе чувственного познания, дающего знание о внешних, отдельных, как бы застывших связях, сторонах, отношениях преступления, должны быть подвергнуты логической обработке. Без этого невозможно установить объективную истину по уголовному делу. Только посредством рационального познания субъект доказывания получает возможность воссоздать в мышлении не одностороннюю, не фрагментарную картину преступления, а его целостную картину в развитии, во всей полноте общественно-правовой сущности.

В теории доказательств отмечается, что логическому уровню познания в процессе доказывания соответствует то, что в уголовном процессе подразумевают под оценкой и, частично, проверкой доказательств².

Все элементы процесса доказывания взаимосвязаны и осуществляются не изолированно друг от друга, а в определенном единстве, характеризуя различные стороны единого процесса доказывания. В ходе собирания и проверки доказательств в определенной мере осуществляются и их оценка, и построение версий. При обосновании выводов по уголовному делу доказательства проверяются и оцениваются. Хотя на отдельных этапах доказывания тот или иной его элемент проявляется в большей или меньшей степени.

¹ Доля Е.А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 10. С. 121.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 62; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательство и доказывание. Воронеж, 1995. С. 218.

Отмеченная зависимость между элементами процесса доказывания как частями единого органического целого носит объективный характер и обусловлена самим объектом познания по уголовному делу – со свойственной ему противоречивостью, невозможностью его познания сразу, в целом.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод: процесс доказывания в уголовном судопроизводстве представляет собой единство двух ступеней познания – чувственной и рациональной, осуществляемых в ходе практической деятельности.

Как справедливо высказываются отдельные ученые, в самом общем виде механизм познания истины по уголовному делу проходит следующие этапы:

– ознакомление с сообщением о совершенном преступлении, осмотр места происшествия, допрос потерпевшего, свидетелей и т.д. – живое созерцание;

– анализ собранных данных, их осмысление, проникновение в сущность события и выдвижение версий об обстоятельствах преступления и лице, его совершившем – абстрактное мышление;

– проверка выдвинутых версий путем проведения следственных действий, рассмотрения материалов дела прокурором, судом и получение достоверного знания о событии преступления – практика¹.

Уголовно-процессуальное познание имеет и другие особенности. Эти особенности обусловлены, прежде всего, тем, что познание в уголовном процессе, строго говоря, нельзя отнести к научному познанию, так как происходит познание не каких-либо непознанных, неизвестных ранее явлений, закономерностей социальной действительности, а происходит установление «истины факта»².

Факт преступления, являющийся объектом познания в уголовном процессе, отличается тем, что он, как правило, статичен: однажды произойдя, на момент познания он закончен (или остановлен) и познается в этом зафиксированном состоянии. Факт преступления ограничен временем и пространством, которые опреде-

¹ Бозров В.М. Истина и суд // Российский юридический журнал. 2003. № 1. С. 77.

² Воскобитова Л.А. Гносеологические и аксеологические аспекты доказывания // Актуальные проблемы судостроительства, судопроизводства и прокурорского надзора. М., 1986. С. 98–99.

ляют пределы проявления индивидуальных признаков данного преступления. Сущность познаваемого преступления, в силу первых двух особенностей, не может измениться в процессе познания.

Познание, осуществляемое в уголовном процессе, имеет прикладной характер. Цели этого познания подчинены назначению уголовного судопроизводства: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Следовательно, познание индивидуальных черт преступления ограничивается, прежде всего, правовыми рамками. Из всех фактов, характеризующих изучаемое преступление, выделяют только юридически значимые.

В уголовном судопроизводстве осуществляется исследование, нормативно урегулированное как по форме, так и по содержанию, т.е. правовое познание. Его предмет определен законодателем в виде системы юридических свойств, сторон, подлежащих установлению в изучаемых явлениях. Так, ст. 73 УПК РФ содержит перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, т.е. определен предмет доказывания по уголовному делу. Ст. 74 УПК РФ раскрывает понятие доказательства в уголовном судопроизводстве и указывает их перечень. Следовательно, объект уголовно-процессуального познания заранее известен следователю, прокурору, суду как модель, программа, содержащаяся в законе. Лица, производящие расследование и рассмотрение уголовного дела, всегда знают, что они «ищут», выясняют в исследуемых явлениях, вещах. При этом нового знания для себя и общества органы судопроизводства не приобретают. Они всегда узнают то, что абстрактно им было известно. В отличие от процессуального, многие отрасли познания, в частности, научные, ставят целью получение нового знания, как для исследователя, так и для общества в целом.

В связи с тем, что каждому индивидуальному мышлению и познанию в той или иной мере по необходимости свойственны односторонность и субъективизм, закономерно возникает вопрос — характерно ли это для уголовно-процессуального познания?

Поскольку объективная действительность отражается следователем, дознавателем, прокурором и судом в ее отношении к це-

лям достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, оценочный момент необходимо включается в процесс судебного познания. Правильная оценка совокупности эмпирических данных, полученной и исследованной по уголовному делу, без знания содержания уголовно-процессуальной формы и уголовно-правовых запретов, основных категорий морали и т.д. невозможна. Более того, она предполагает существование такого знания. При этом мы иногда встречаемся с определенной относительностью смыслового содержания (т.е. правовой сущности фактов) результата познания по уголовному делу, которая заключается в том, что установленные по делу факты выступают в известных случаях (например, при изменении или отмене приговора вышестоящим судом) носителями различного смыслового правового содержания. Здесь целый ряд факторов формирует адекватность смыслового содержания тех или иных констатаций требованию закона, к числу которых корректно отнести выдвинутые по делу версии, уровень правосознания и нравственного сознания, профессиональный опыт, профессиональную и жизненную направленность личности, полноту исследования фактических обстоятельств дела. Именно эти факторы обуславливают специфику единства чувственного и рационального в формировании образа преступного поведения подсудимого. При этом материальный и процессуальный закон организует смысловое содержание фактических данных, установленных по уголовному делу, и тех их правовых свойств, которые являются определяющими для адекватного решения фактических и правовых вопросов, возникающих по уголовному делу.

Иными словами, механизм «воздействия» совокупности собранных по делу доказательств на принятие законного и обоснованного решения не прямолинеен, а более тонок и сложен, ибо существует сила «я». Вследствие этого в одних и тех же объективных условиях (при одной и той же совокупности доказательств), как свидетельствует судебная практика, принимаются различные процессуальные решения.

Как было отмечено выше, процесс познания – это не пассивное отражение действительности, а тесно связанное с выдвиже-

нием целей, предвидением, т.е. является особой формой активной деятельности человека.

Применяя эти положения к познанию в уголовном процессе и его результату, следует, прежде всего, подчеркнуть, что результат познания представляет собой единство объективного и субъективного, которые в практическом своем выражении обычно слиты и могут быть строго различены лишь в научной абстракции. Касаясь соотношения объективного и субъективного в процессе познания, некоторые авторы подчеркивают, что сознание человека представляет собою единство объективного и субъективного. Объективность сознания заключается в том, что в нем имеется сторона, не зависящая от человека. Объективные и субъективные моменты содержатся как в форме, так и в содержании познания. Сознание объективно по содержанию, ибо отражает объективный мир, но уже в содержании имеются субъективные элементы, которые заключаются в неполноте, односторонности, неадекватности отражения, возможности прямого искажения действительности. Объективная сторона в содержании является ведущей. Субъективные моменты в содержании связаны с активностью субъекта, которая порождает субъективную форму отражения¹.

В чем заключается субъективность знания по уголовному делу?

Во-первых, в том, что оно принадлежит конкретному субъекту, являясь единством его знания и переживания. В выработке знания участвуют все стороны личности, его интересы и потребности, нравственные идеалы, симпатии и антипатии, уровень мышления, волевые качества. В литературе по социальной психологии обращено внимание на значение умонастроения в познавательной деятельности² и отмечена необходимость учитывать этот субъективный социально-психологический фактор в познании, общении и практической деятельности. Во-вторых, в том, что результатом познания по уголовному делу является не реальное воссоздание фактов, входящих в предмет доказывания, а только их идеальный образ. В-третьих, событие преступления и виновность лица, его совершившего и иные обстоятельства, познаются в заданных уголовно-процессуальным законом порядке и

¹ Петрова О.В. Объективная истина... С. 32.

² Перспективы социальной психологии. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 182–185.

пределах, что предполагает индивидуальное восприятие и усвоение требований закона, и их личностную объективизацию в процессуальной деятельности и судебном решении. В-четвертых, принятие решения по уголовному делу связано с избирательностью знания. Последнее обусловлено усвоением целей и содержания данного решения в соответствующей стадии уголовного судопроизводства и адекватным понятийным описанием тех объективных свойств фактов, которые имеют значение для правильного разрешения дела. В-пятых, на уровне логического отражения объекта судебного познания в решении субъективная сторона знания predetermined личностным пониманием следователя, прокурора, судьи правовых категорий, понятий, объективизирующих это знание, а также их общественно-политическим и профессиональным опытом. В-шестых, их активностью в процессе уголовно-процессуального познания.

Объективное содержание знания не зависит от личности следователя, дознавателя, прокурора и суда не потому, что оно не связано с его сознанием, а потому, что определяется не ими и их сознанием, а объектом уголовно-процессуального познания. Представляемый в знании идеальный образ данного объекта, если он адекватен обстоятельствам, установленным с достоверностью, не зависит в своем содержании от воли и желаний следователя, судьи.

Таким образом, субъект, овладевая объектом уголовно-процессуального познания в определенных познавательных процессах, воспроизводит в мышлении этот объект субъективно до тех пор, пока не постигнет его элементов в целостности. Именно эта целостность и придает объективность содержанию знания об обстоятельствах и правовых вопросах, подлежащих разрешению. В процессе познания в силу требований закона необходимо стремиться достичь такого уровня знаний, чтобы оно отвечало требованиям истинности, т.е. в процессе познания преодолевается односторонность субъективного.

На основании вышеизложенного можно выделить некоторые особенности уголовно-процессуального познания. Оно осуществляется:

- ради выполнения назначения уголовного судопроизводства;

- при помощи специфических средств (доказательств);
- для установления наличия или отсутствия фактов и обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела;
- в пределах и условиях, характерных только для уголовного судопроизводства.

1.3. Истина в состязательном уголовном процессе

Общественно-политические преобразования в России, направленные на создание правового государства, потребовали совершенно нового взгляда на основные начала уголовного судопроизводства и в первую очередь на принцип состязательности.

Не вдаваясь подробно в проблемы определения сущности принципа состязательности, считаем необходимым отметить, что в теории уголовного процесса данный принцип воспринимался не всеми учеными. Было время, когда некоторые авторы указывали на искусственность состязательной конструкции процесса¹, на неправильность противопоставления сторон², наконец, на его буржуазный характер³.

Однако постепенно существование состязательности в российском уголовном процессе было воспринято практически всеми учеными. Но при этом некоторые из них трактуют состязательность не как принцип, а как способ исследования доказательств в судебном заседании⁴, другие – как форму (модель, тип) уголовного судопроизводства⁵.

Нам представляется, что состязательность является самостоятельным принципом уголовного судопроизводства, что в первую очередь, вытекает из содержания главы второй УПК РФ. Содержание принципа состязательности раскрыто в ст. 15 УПК

¹ Голунский С.А., Калашникова И.Я., Кареев Д.С. Советский уголовный процесс. М. : Госюриздат, 1956. С. 225–229.

² Алексеев Н.С. [Рецензия] // Вестник Ленинградского университета. Сер. экономики, философии и права. 1962. № 17, вып. 3. С. 135–138. Рец. на кн.: Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М. : Изд-во МГУ, 1960. 170 с.

³ Чельцов М.А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию // Вопросы советского уголовного процесса. М., 1958. Вып. 6. С. 49; Малькевич Т.В. К вопросу о состязательности // Там же. С. 265; Мокичев К.А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве. М., 1959. С. 35.

⁴ Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Конституция Российской Федерации и ее толкование Конституционным судом РФ // Уголовное право. 1999. № 1. С. 109; Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М. : Изд-во МГУ, 1960. С. 158.

⁵ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб. : Альфа : НАУКА, 2000. С. 56.

РФ, и мы, в рамках данной работы, не преследуем цели подробно рассматривать этот принцип.

В условиях действия принципа состязательности посредством свободной дискуссии, с помощью полемики, спора, т.е. путем столкновения различных мнений и точек зрения, наилучшим образом возможно обнаружение объективной истины, созданы условия, предохраняющие познание от всевозможных ошибок, субъективизма, односторонности и неполноты.

Вся процедура уголовного судопроизводства строится таким образом, чтобы в процессе судебного исследования по возможности обеспечить взаимодействие, соприкосновение, а в необходимых случаях и столкновение по одним и тем же фактам и обстоятельствам мнений и точек зрения различных участников уголовного процесса и иных лиц, имеющих отношение к процессу познания истины по уголовному делу. При этом участникам уголовного судопроизводства должна предоставляться реальная возможность мыслить и оценивать факты самостоятельно, иметь по всем вопросам доказывания свою собственную, не навязанную никем точку зрения и отстаивать ее всеми законными средствами и способами.

В связи принятием нового Уголовно-процессуального кодекса РФ в научной среде обострился вопрос о роли и месте суда в доказывании по уголовным делам, целях такого доказывания и пределах полномочий суда при осуществлении правосудия.

Можно выделить два сложившихся в теории уголовного процесса взгляда на состязательность и роль суда:

1) первый – о пассивной роли суда, где абсолютное разделение функций обвинения и защиты и разрешения дела и соответственно отрицание объективной истины, тем самым установление формальной, процессуальной истины¹;

2) второй – о необходимости активного участия суда в доказывании, который основан на принципе объективной истины².

¹ Воронов А.А. «Установление истины» – не есть критерий законности // Закон и право. 2004. № 7. С. 28; Емужов А.С. Приоритет достижения юридической истины перед иными целями доказывания в условиях состязательности // Адвокатская практика. 2004. № 4. С. 11.

² Печников Г.А. Правосудие и вопросы истины // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 4. С. 399; Кузнецова О.Д. Роль суда в состязательном процессе и проблемы практической реализации функции разрешения дела // Российский судья. 2004. № 8. С. 17; Корневский Ю. Нужна ли суду истина? // Российская юстиция. 1994. № 5. С. 22.

Полагаем, что состязательность можно понимать шире – как неотъемлемую часть познавательного процесса вообще в его диалектическом движении от незнания к знанию, от версии к истине, от вероятности к достоверности.

Спор сторон может обнажить истину, а может и похоронить ее в зависимости от того, совпадает ли истина с их интересами или им противоречит. Подлинная активность суда должна быть связана с реализацией требования объективности и всесторонности исследования обстоятельств дела, с поиском истины.

В науке можно встретить точку зрения, согласно которой, стороны не объединены стремлением к единой цели – установлению объективной истины. Подсудимый и защитник далеко не всегда заинтересованы в этом – их вполне устраивает ситуация, когда истина не достигнута, преступление не раскрыто, виновный не установлен. Ведь при недоказанной виновности обвиняемый считается невиновным, а именно обвинитель должен доказать суду, что им установлена истина – в противном случае подсудимый должен быть оправдан.

Получается, адвокат как юрист, хоть и должен стремиться к раскрытию истины, но не имеет права этого делать. Поскольку адвокат заинтересован в установлении истины только тогда, когда это не противоречит интересам представляемого лица. Справедливо замечает Ю.В. Щиголев, что в данном случае имеет место неразрешимое противоречие между адвокатской тайной, целями защиты, задачами правосудия¹. Поэтому умолчание об известных защитнику компрометирующих подзащитного фактах является по существу искажением действительного положения вещей. Адвокат должен выходить в суд не в качестве глашатая истины. следовательно, подобные действия адвоката для осуществления защиты фактов неосведомленности следствия и суда об отдельных обстоятельствах дела и личности подзащитного представляются тактически и этически допустимыми².

¹ Щиголев Ю.В. Является ли задачей защиты установление истины по делу // Адвокатская практика. 2000. № 1. С. 51.

² Баев М.О., Баев О.Я. Правда и ложь в уголовной защите (казусы Н.Н. Полянского) // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права: (к 10-летию принятия Конституции России): материалы междунар. науч.-практ. конф. г. Екатеринбург, 29–30 дек. 2003 г. Екатеринбург, 2004. С. 22.

Отдельные авторы подчеркивают, что несомненным являются право и обязанность адвоката поддерживать и отстаивать любую позицию клиента. Следовательно, независимо от преследуемой адвокатом цели, он заинтересован в установлении, но не афишировании истины¹.

На наш взгляд, нельзя не согласиться с мнением С.Д. Шестаковой о том, что участие защитника во всех без исключения следственных действиях и знание им всех имеющихся по делу доказательств, с одной стороны, способствовало бы отысканию истины, а с другой стороны, создавало бы опасность направления следствия по неправильному пути². Следовательно, необходимо признать, что ограничение информированности защиты является разумным решением.

Полагаем, что именно достижение истины, а не «выигрыш» должен являться целью деятельности адвоката. Обязанность адвоката – защита от необоснованного обвинения, а не избавление преступников от законной ответственности. К сожалению, УПК РФ 2001 г. ориентирует защитника не на объективную истину, а на процессуальную, юридическую истину.

Получается, что установление истины отвечает в первую очередь интересам государства, а не обвиняемого, установление истины – не является интересом защитника. Это мнение может быть правильным в том случае, если презюмировать, что каждый обвиняемый – преступник или что не бывает случаев предъявления обвинения в преступлении более тяжком, чем действительно совершено обвиняемым. Но такая презумпция не соответствует следственной и судебной практике. Обвиняемый и его защитник могут и должны быть заинтересованы в установлении истины. Суд, прокурор и защитник должны и обязаны найти одну, единственную общую истину, стремиться к одной цели. У них не должно быть возможности выбора, поскольку истина всегда одна.

¹ Вытовтова Н.И., Соснин К.В. Истина. Нужна ли она адвокату? // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права: (к 10-летию принятия Конституции России) : материалы междунар. науч.-практ. конф. г. Екатеринбург, 29-30 дек. 2003 г. Екатеринбург, 2004. С. 52; Гармаев Ю. Адвокат не должен подстрекать своего подзащитного ко лжи // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 61.

² Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 113.

В настоящее время возобладала точка зрения, в соответствии с которой для реального функционирования принципа состязательности необходимо исключение объективной истины из принципов судопроизводства¹. Потребовалось принести жертву: отказаться от доктрины объективной истины, поскольку только в условиях состязательности может осуществляться назначение уголовно-процессуальной деятельности.

Анализируя содержание ныне действующего УПК РФ, можно наблюдать, что государство обозначило приоритет принципа состязательности над установлением истины. В связи с чем, ряд авторов подвергли критике такое положение. При этом некоторые из них подчеркивают, что, объявив состязательность, разработчики УПК видимо посчитали несоответствующими этой идее такие ключевые положения старого УПК, как установление истины, а также всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела, и не включили их в новый Кодекс. Поскольку состязательный уголовный процесс в познавательном аспекте основывается на концепции процессуальной, формальной истины, как вероятного, прагматического знания².

Другие – в унисон вторят, что проходящий красной нитью через весь УПК РФ принцип состязательности противопоставляется объективной истине – одно исключает другое. Не истина, а «выигрыш» дела одной из сторон уголовного процесса отличает его сущностный подход³.

Третьи замечают, что судебный процесс, по мнению разработчиков УПК РФ, должен стать местом спора, состязания обвинения и защиты, а суд всего лишь на всего пассивным арбитром. Его роль, как это закрепляется в ст. 15 УПК РФ, сводится к созданию необходимых условий «...для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей». В этом кроется опасная ошибка,

¹ Чесовской Е. Действует ли принцип объективной истины в гражданском процессе? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 16; Резниченко И.М. Принцип формальной истины – процессуальная реальность // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков : материалы конф., посвящ. 40-летию юрид. фак. ДВГУ. Владивосток, 1998. Ч. 1. С. 391.

² Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 17; Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 270.

³ Быков В.М., Печников Г.А. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 51.

суть которой – массовое привлечение к уголовной ответственности невинных людей и, наоборот, действительные виновники останутся безнаказанными. Следовательно, приговор будет зависеть от профессиональной подготовленности спорящих сторон, от субъективного восприятия судом происходящего на судебном заседании и просто от возможных случайностей, но не от правды, не от истины, которую суд должен установить¹.

Четвертые авторы рассуждают: означает ли принцип состязательности, что суд, полностью отдав инициативу в судебном заседании сторонам, должен быть лишь беспристрастно-пассивным статистом, математически точно фиксирующим «плюсы» и «минусы» состязующихся в процессе сторон, и автоматически отдающим «победу» тому, чьи аргументы оказались весомее? Конечно же, нет. Поскольку данный подход в корне не согласуется с теми обязательствами, которое взяло на себя государство, декларируя в Конституции РФ переход к построению правового государства и гражданского общества².

На наш взгляд, представления о несовместимости принципа достижения объективной истины и состязательности глубоко ошибочны. Состязательность – это демократическое начало, обеспечивающее установление искомой в судебном процессе истины. Не зря Гераклит называл спор «отцом истины». Поэтому правы те, кто считает, что состязательность – это средство к установлению истины, это еще одно из условий того, что полученный в результате состязания вывод, будет соответствовать действительности³.

И, как верно подметил Ю.К. Орлов, «...нельзя превращать суд в бесстрастного арбитра, фиксирующего победителя в споре. Все-таки уголовный процесс – это не спортивная борьба, где за-

¹ Илюхин В.И. Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ: шаг к истине или ее забвению? // Научные труды РАЮН : в 2 т. М., 2002. Т. 2, вып. 2. С. 462.

² Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Государство и право. 1998. № 6. С. 60.

³ Даровских С.М. Принцип состязательности в уголовном процессе России и механизм его реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2001. С. 18; Комарова Н.А. Принцип состязательности и равноправия сторон должны быть эффективным средством установления объективной истины в судебном разбирательстве // Правоведение. 2001. № 4. С. 159.

дача арбитра лишь определить сильнейшего. Целью доказывания должна оставаться истина»¹.

Разделяя это мнение, И.Л. Петрухин пишет: «Да, состязательность – это правовое сражение квалифицированных юристов, рассматривающих одно и то же событие под разными углами зрения. Но именно такой интеллектуальный поединок позволяет суду составить правильное представление о существе дела, установить истину»².

Эту позицию разделяют и другие процессуалисты, подчеркивающие, что принцип объективной истины выражен в самом понятии правосудия, поэтому принцип объективной истины и принцип состязательности взаимозависимы и являются необходимым дополнением друг друга³. Принцип состязательности позволяет установить все факты, имеющие значение для дела, а принцип объективной истины способствует детальному рассмотрению всех обстоятельств, относящихся к делу и является стимулом для вынесения решения, являющегося объективным результатом рассмотрения данного дела.

Состязательность нельзя отделять от истины, а истину от состязательности. Поэтому нельзя согласиться с мнением о том, что состязательная система ограничивается рассмотрением вопросов и доказательств лишь в очерченных сторонами границах и уделяет основное внимание только факту соблюдения сторонами правил судопроизводства, и в недостаточной степени обращена к установлению истины⁴.

Представляется, что состязательность в уголовном процессе должна не исключать, а предполагать активность суда в собирании доказательств и его обязанность принимать все меры к установлению истины по делу. Только в такой трактовке этот прин-

¹ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств... С. 18–19.

² Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие (к 100-летию М.С. Строговича) // Государство и право. 1994. № 10. С. 130.

³ Агеева Ю. Принципы объективной истины и состязательности: взаимоисключение или дополнение? // Арбитражный и гражданский процесс. 2001. № 3. С. 15.

⁴ Гребенкин П.И. Допустимость доказательств в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2002. С. 51.

цип будет находиться в гармонии с другими принципами и с конечными целями уголовного процесса¹.

Действительно, в УПК РФ принцип состязательности сконструирован так, что суд, фактически лишен активности, поскольку из предписаний закона неясно, вправе ли суд по собственной инициативе осуществлять какие-либо исследовательские действия обязан ли он это делать, либо пределы доказывания определяются лишь усмотрением сторон.

Такой подход нам представляется неприемлемым. Хотелось бы согласиться с мнением А.В. Смирнова, что следует различать: «во-первых, инициативу, активность как источник движения уголовного дела (такая активность действительно противопоставлена суду в классическом состязательном процессе и уместна лишь для сторон), во-вторых, активность, в которой проявляется стремление установить истину. В подобной активности для любого суда нет ничего зазорного, поскольку без истины нет правосудия»². Этот же ученый очень точно замечает: «Активность суда при возбуждении уголовного преследования не одно и то же, что активность суда в установлении истины»³.

Необходимо отметить, что ныне действующий УПК РФ все же предусматривает некую активную роль суда. Так, суд вправе на предварительном слушании допросить свидетеля и приобщить к уголовному делу документы, указанные в ходатайстве, для решения вопроса о допустимости доказательства (ст. 234 УПК РФ). В судебном разбирательстве суд собирает интересующие его сведения для проверки и оценки доказательств, используя свое право задавать вопросы подсудимому, свидетелю, потерпевшему, эксперту; по собственной инициативе назначает судебную экспертизу; участвует в осмотре вещественных доказательств (ст. 283–284 УПК РФ). Закреплено право суда проводить осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, освидетельствование, предъявление для опознания (ст. 287–290 УПК РФ).

¹ Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 52–53.

² Смирнов А.В. Комментарий к изданию УПК РСФСР с изменениями и дополнениями на 1 января 1997 года. М.: Альфа, 1997. С. 209.

³ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 6.

Следовательно, как отмечает Е.В. Рябцева, на пассивность суда не рассчитаны ни существующая в России система органов предварительного расследования и прокуратуры, ни система принципов и гарантий прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве¹.

В свое время еще А.Ф. Кони справедливо считал, что судья призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую природу дела, должен напрягать свои душевные силы «для отыскания истины». По мнению А.Ф. Кони, обвинитель и защитник при состязательном начале процесса – помощники судьи в исследовании истины². Попытки снять с суда ответственность и лишить его возможности устанавливать истину, отдав все на усмотрение сторон под флагом развития состязательности, – не что иное, как доведение до абсурда самой плодотворной и гуманной идеи состязательного начала в процессе³.

Таким образом, представляется очевидной необходимость сохранения активной роли суда в уголовном судопроизводстве, поскольку только такой суд может установить истину, которая является целью всего судебного разбирательства.

В УПК РФ уже внесены многочисленные изменения. Очевидно, что этого мало, необходима его корректировка в части регламентации вопросов об установлении истины. Справедливым представляется мнение о том, что главное – Уголовно-процессуальный кодекс должен быть ориентирован на установление истины при расследовании преступлений и судебном разбирательстве⁴.

Ст. 15 УПК РФ закрепляет, что функции обвинения, защиты и разрешения дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Из данной формулировки следует, что сторона обвинения должна собирать только обвинительные доказательства, а сторо-

¹ Рябцева Е.В. Роль суда в установлении истины по уголовному делу // Трибуна молодых ученых : сб. науч. тр. Новое процессуальное законодательство Российской Федерации: новеллы, достоинства и противоречия. Воронеж, 2003. Ч. 1, вып. 4. С. 147–148.

² Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Юрид. лит., 1967. Т. 4. С. 35, 358.

³ Кобликов А.С. Юридическая этика. М. : Норма-Инфра М, 1999. С. 35.

⁴ Леви А.А. Новый УПК РФ не нацелен на установление истины по уголовным делам // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 4. С. 18.

на защиты – только оправдывающие обвиняемого доказательства или смягчающие его вину доказательства. Суд должен только разрешать уголовное дело. Таким образом, ни сторона обвинения, ни сторона защиты не должна устанавливать истину в уголовном деле. Обоснованно возникает вопрос: кто же должен устанавливать истину на предварительном следствии?

Следователь без установления объективной истины не исследователь, а сторона обвинения, орган «уголовного преследования». Сам законодатель тем самым задает одностороннюю направленность деятельности следователя, от которого требуется лишь одно – формально и как можно обстоятельнее, убедительнее обосновать утверждение о виновности обвиняемого. А насколько оно соответствует действительности, для процессуальной истины не столь важно.

Некоторые авторы отмечают, что цель уголовного судопроизводства – истина, достигнута лишь тогда, когда с этим согласны или вынуждены согласиться стороны – как обвинения, так и защиты. Такое возможно только в случае, если стороны обладают равными процессуальными возможностями достижения этой цели, когда сторона защиты будет находиться в равном процессуальном положении со стороной обвинения, т.е. когда они будут наделены равными процессуальными правами. Поэтому состязательность сторон в уголовном процессе, безусловно, важная предпосылка установления истины¹.

Другие подчеркивают, что суд, согласно принципу состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ), не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Следовательно, целью доказывания для суда не может быть ни установление наличия обстоятельств, подлежащих доказыванию, ни установления их отсутствия. Таким образом, в качестве важнейшей цели судопроизводства выступают защита прав и законных интересов человека, будь то обвиняемый, потерпевший

¹ Васильев Л.М. Роль состязательного начала в уголовном судопроизводстве в деле установления истины // Актуальные проблемы применения российского права на современном этапе. Краснодар, 1998. Вып. 366 (394). С. 118–119; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. С. 195.

или свидетель и достижение этой цели более важно, чем установление истины по уголовному делу¹.

Третьи высказываются о том, что суду нужна объективная истина для осуществления правосудия по уголовным делам, и тем самым законодатель определил действительную его роль и место в уголовном процессе. С этой позиции суд выполняет задачи по охране (защите) личности, ее прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ). При этом он не занимает позицию, удобную для какой-либо из сторон, его позиция здесь не только центральная, но и нейтральная. Цель первой – установление истины, а второй – независимость от интересов обвинения и защиты. И это обосновывается тем, «что суд заранее не знает, в пользу обвинения или защиты будут трактоваться доказательства. Где же здесь занятие судом чьей либо позиции? Позиция тут одна – установить объективную истину. Поскольку, в установлении истины по делу заключается одна из важнейших процессуальных гарантий прав участников процесса»².

Вместе с тем считаем, что истина в уголовном процессе может быть достигнута только в том случае, если познание ее будет происходить последовательно (по стадиям судопроизводства), по определенным правилам (с соблюдением всех уголовно-процессуальных требований), компетентными органами и должностными лицами. Стремиться всегда познать истину, никогда не отклоняться от нее – профессиональный долг следователя, прокурора и судьи. Поскольку «уклонение от установления истины является следствием забвения нравственных принципов профессиональной деятельности»³.

Интересным и справедливым представляется высказывание отдельных авторов: «Говорят, на скрижалях Конвента Французской революции было написано: «Жизнь посвети служению ис-

¹ Овсянников В.С., Овсянников И.В. Истина перестала быть критерием и это хорошо (проблема цели уголовно-процессуального доказывания на стадии судебного разбирательства) // Закон. 2004. № 4. С. 111–112.

² Лукичев Н.А. Продолжение суждения о роли суда по установлению объективной истины по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса // Следователь. 2002. № 3. С. 22; Выдря М.М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде. Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1980. С. 29.

³ Колоколов Н.А. Установление материальной истины – основная цель доказывания в уголовном процессе // Российский следователь. 2000. № 1. С. 11.

тины!» Хотелось бы, чтобы этот девиз стал в деятельности следователя и суда руководящим. И обвинение, и оправдание – все ради торжества материальной истины и справедливости!»¹.

Авторы монографии «Уголовно-процессуальное доказывание» рассматривают ряд возможных негативных последствий отрицания истины в уголовном судопроизводстве:

– это прямой путь к привлечению к уголовной ответственности и последующему осуждению лиц, невиновных в преступлении;

– это способ оправдания нерадивого, халатного исполнения соответствующими должностными лицами своих служебных обязанностей;

– это путь к формированию у потерпевших от преступления лиц, да и вообще граждан неверия в способность органов следствия и прокуратуры раскрывать преступления, устанавливать виновных в них лиц, привлекать их к уголовной ответственности, разрешать судом обвинение по существу и назначать подсудимым справедливое наказание; в торжество юстиции в целом².

Как было отмечено выше, УПК РФ ставит под сомнение необходимость установления истины по уголовным делам. Следовательно, «истина», достигаемая в российском уголовном процессе, весьма условна. Некоторые ученые полагают, что в обязанность государственных органов и должностных лиц, осуществляющих расследование и суда, уже не вменяется принятие всех предусмотренных законом мер для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела³. Однако мы разделяем позицию других авторов, которые считают, что УПК РФ содержит и ряд положений, которые убеждают нас в том, что законодатель закрепил и другое направление правоприменительной деятельности в уголовном процессе⁴. Оно ориентировано на

¹ Турчин Д.А. Жизнь посвяти служению истины // Дальневосточные криминалистические чтения : науч. сб. Владивосток, 1997. Вып. 2. С. 7.

² Зинатуллин З.З., Егорова Г.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы. Ижевск : Детектив-Информ, 2002. С. 207–208; Зинатуллин З.З. Проблема истины в современной уголовно-процессуальной науке [Электронный ресурс]. URL: <http://kalinovskiy.k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm>.

³ Рудакова С.В. О принципе объективной истины // Закон и судебная практика : сб. науч. ст. ученых-юристов Краснодар. края и Респ. Адыгея. Краснодар, 2002. С. 323.

⁴ Россов С.А. Вопросы теории и практики следственной работы в свете нового УПК РФ. Иркутск, 2003. С. 12.

установление объективной (материальной) истины и зафиксировано в следующих нормах процессуального закона:

– законодатель исключает возможность вынесения обвинительного приговора, основанного на *предположениях* (ч. 4 ст. 14 УПК РФ);

– предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей в целях обеспечения его *полноты, объективности* (ч. 4 ст. 152 УПК РФ);

– выделение уголовного дела в отдельное производство допускается, если это не отразится на *всесторонности и объективности* предварительного расследования и разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 154 УПК РФ);

– все приговоры должны быть не только законными, но и *обоснованными* (ст. 297 УПК РФ). Обоснованность же мыслится как истинность в материальном смысле – иначе не было бы смысла отделять ее от законности;

– выводы суда как о виновности (обвинительный приговор), так и о невиновности подсудимого (оправдательный приговор) должны быть основаны на *доказательствах* (ч. 3 ст. 305 и ч. 2 ст. 307 УПК РФ);

– стороны вправе заявлять в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им *принципа объективности* и беспристрастности (ч. 6 ст. 340 УПК РФ).

Совокупность перечисленных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств в самом общем виде составляет фактическую основу объективной истины, устанавливаемой по уголовному делу.

Следовательно, в свете расширения диспозитивных и составительных начал судопроизводства, в УПК РФ предусмотрено наличие двух взаимоисключающих вариантов: необходимости достижения в уголовном процессе материальной истины и возможности ограничиться при принятии решений достижением процессуальной (формальной) истины¹. Выходит, как верно за-

¹ Свиридов М.К. Составительность и установление истины в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. Томск, 2002. Ч. 10. С. 5.

мечено В.А. Азаровым, в законе закреплена официальная альтернатива, могущая послужить причиной формирования системы двойных стандартов доказывания¹.

Существующий в законе «дуализм» оказал, на наш взгляд негативное влияние на правоприменителя. Как показывают результаты исследования, 84,2 % следователей, 58,7 % адвокатов и 76,6 % судей считают целью доказывания в уголовном судопроизводстве установление объективной истины, а 11,8, 35 и 18,2 % соответственно, считают возможным ограничиться установлением процессуальной истины.

В силу вышеизложенного требуется возвращение категории «истина» в уголовно-процессуальное законодательство.

Поэтому, предлагаем ст. 85 УПК РФ дополнить частью второй следующего содержания:

«Доказывание осуществляется с целью установления объективной истины путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела».

¹ Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? // Вестник Томского университета. Сер. Экономика. Юридические науки. 2003. № 4. С. 15.

2. ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ИСТИНА», «ПРАВДА» И «ЛОЖЬ»

2.1. Современные трактовки истины

Вопрос об истине в уголовном судопроизводстве находится в центре внимания специалистов с тех пор, как стала формироваться процессуальная наука вообще. Данная проблема является не только одной из наиболее важных, но и наиболее сложной. Как отметил А.А. Старченко, «эта проблема в теории и истории уголовного процесса всегда была и остается тем узловым пунктом, где наиболее тесно соприкасаются юриспруденция и гносеология»¹.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова, «Истина – адекватное отображение в сознании воспринимающего того, что существует объективно, это правда, утверждение, проверенное практикой, опытом»².

Философский энциклопедический словарь предлагает следующее определение истины: «Истина – адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания; объективное содержание чувственного, эмпирического опыта, понятий, идей, суждений, теорий, учений целостной картины мира в диалектике ее развития»³. Данное определение подчеркивает универсальность термина «истина» и дает возможность его применения в различных отраслях знания.

Среди ученых нет единства во взглядах на юридическую природу и гносеологическую сущность истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем определение обозначенных проблем имеет не только важное теоретическое, но и большое практическое значение при производстве по уголовным делам, так как установление объективной истины является необходимой предпосылкой для реализации назначения уголовного судопроизводства.

¹ Старченко А.А. Логика в судебном исследовании. М. : Госюриздат, 1958. С. 25.

² Ожегов С.И., Шведова И.Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1997. С. 255.

³ Философский энциклопедический словарь. С. 226.

На основе анализа и систематизации процессуальной литературы, можно прийти к выводу о том, что современные российские ученые-процессуалисты в целом придерживаются рационалистической концепции познания истины, достигаемой в ходе уголовного судопроизводства.

Это и понятно, несмотря на определенные недостатки, присущие материалистической концепции познания истины, использование противоположного подхода вообще исключило бы реализацию принципов и задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Справедливо отмечает М.В. Рудов: «Действительно, о какой справедливости может идти речь, если следователь или судья не в состоянии узнать вообще, какое событие имело место, кто его совершил, виновно ли лицо, какой причинен ущерб и прочее»¹.

Доктрина уголовного судопроизводства выделяет следующие точки зрения на понятие истины:

1. Истина – полное и точное соответствие выводов следствия и суда о фактах, имеющих значение для дела, самим этим фактам, т.е. объективной действительности².

2. Истина – правильное отражение в нашем сознании объективных обстоятельств совершения преступления, относящихся как к фактической, так и к юридической стороне дела³.

3. Истина – полное и точное соответствие субъективных суждений органов дознания, следователя и суда всем юридически значимым обстоятельствам конкретного уголовного дела⁴.

4. Истина – познание, установление всех реальных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, в соответствии с действительностью и в согласии с законом (уголовным и уголовно-процессуальным), на основе всестороннего, полного и

¹ Рудов М.В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2002. С. 20.

² Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 19; Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974. С. 6; Уголовный процесс / под ред. М.А. Чельцова. М. : Юрид. лит., 1969. С. 88.

³ Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 53.

⁴ Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд Л.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 59; Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 45.

объективного исследования, когда результат познания неотделим от пути к нему ведущему, образуя с ним единую систему¹.

5. Истина – свойство наших знаний об объективной действительности, определяющее их соответствие реально в прошлом имевшим место событиям².

Можно продолжать до бесконечности приводить различные трактовки понятия истины, но мы считаем это не целесообразным. Проанализировав различные подходы к понятию истины, можно сделать вывод о том, что ни одна из них не может отвлечься от определения истины как соответствия мысли действительности, т.е. от классической концепции истины (более подробно данная концепция рассмотрена в гл. 1).

Действительно, в процессе познания обстоятельства произошедшего события являются первичной информацией. Сведения о них отображаются на различных носителях, которые вовлекаются в орбиту уголовного судопроизводства. Данные сведения становятся известными лицам органов предварительного расследования и отражаются в их сознании. На основе совокупности фактических данных формируется знание об обстоятельствах совершенного деяния. Накапливая и отражая все больше и больше информации об исследуемом событии, следователь проверяет соответствие своих знаний объективной действительности, формулирует выводы и принимает соответствующие процессуальные решения.

Таким образом, представляется, что под истиной следует понимать не сами произошедшие события, факты, а сведения о них. Следовательно, можно говорить об истине как соответствии выводов, решений (суждений) следователя, прокурора и суда действительным обстоятельствам произошедшего события, т.е. самим реально существовавшим в прошлом событиям, фактам.

Рассмотрим дискуссионный вопрос о сущности истины в уголовном судопроизводстве, который проявлялся в ее названии. В научной литературе встречаются следующие названия истины:

¹ Печников Г.А. Проблемы истины на предварительном следствии. Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2001. С. 55.

² Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание... С. 13.

материальная, формальная, объективная, процессуальная, юридическая.

Так, в дореволюционный период российский ученый Н.Н. Розин полагал, что состязательному процессу не может быть свойственно неограниченное стремление к материальной истине, здесь уместно лишь говорить об истине юридической¹. В то же время И.Я. Фойницкий считал, что задача уголовного суда есть отыскание в каждом деле безусловной истины². В.К. Случевский, разделяя эту позицию, писал: «Государство заинтересовано в том, чтобы постановленное судебное решение было согласно с истинной и чтобы оно в общественном сознании воспринималось как таковое... То, что признается судьей, должно быть согласно с действительностью, должно быть истиной»³.

В советский период большинство ученых стали признавать необходимость установления объективной истины (материальной истины). Наиболее активным и последовательным сторонником объективно (материальной) истины был М.С. Строгович, который характеризовал «материальную истину» как «объективную истину». М.С. Строгович сформулировал классическую формулировку понятия объективной истины: «Материальной истиной в уголовном процессе называется полное и точное соответствие объективной действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах расследуемого и разрешаемого дела, о виновности или невинности привлеченных к уголовной ответственности лиц». И, в конечном итоге, он заключает «Материальная истина в уголовном процессе есть объективная истина, иначе она не была бы истиной»⁴.

В обоснование своих положений М.С. Строгович писал о том, что термин «материальная истина» подчеркивает специфические черты объективной истины в уголовном судопроизводстве:

– объективная истина в уголовном процессе есть истина факта, ее содержание составляет конкретный факт преступного

¹ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1948. С. 303.

² Куцова Э.Ф. Хрестоматия по уголовному процессу России. М. : Городец, 1999. С. 111.

³ Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. 4-е изд., доп. и испр. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 214, 219.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1968. Т. 1. С. 308–310.

деяния, совершенного определенным лицом в определенное время в определенном месте;

– эта истина устанавливается только при помощи указанных в процессуальном законе средств, в определенном юридическом, процессуальном порядке¹.

Термин «материальная истина» М.С. Строгович противопоставлял термину «формальная истина», под которой он понимал соответствие выводов следствия и суда различным формальным условиям.

Первоначально именование истины, достигаемой советским судом, материальной, не вызывало возражений среди ученых – процессуалистов². Но в последующем термин «материальная истина» стал подвергаться критике.

В обоснование своей точки зрения противники термина «материальная истина» указывали, что поскольку устанавливаемая по уголовным делам истина является объективной, то ее и следует именовать именно «объективная истина», тем более что этот термин фигурирует в трудах основоположников марксизма-ленинизма, и, следовательно, не следует употреблять термин «материальная истина»³.

Термин «объективная истина», отмечали критики позиции М.С. Строговича, обозначает философскую категорию, которая не меняет сущности и в применении к судебной деятельности. Поэтому в соответствии с общепринятой терминологией диалектического материализма нет необходимости в отказе от философского термина при использовании данной категории в правоведении.

Так, выступая против применения термина «материальная истина», П.Ф. Пашкевич указывал на то, что поскольку истина есть субъективный образ объективного мира, термин «материальная истина» вносит путаницу и требует дальнейшего разъяс-

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 310.

² См.: Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1948. № 6. С. 66; Ривлин А. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1951. № 11. С. 48; и др.

³ Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М. : Юрид. лит., 1961. С. 22–24; Дорохов В.Я., Николаев В.С. Обоснованность приговора... С. 48–49; Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. С. 20, 21.

нения того, что под материальной истиной понимается объективная истина¹.

Как отмечалось в книге «Теория доказательств в советском уголовном процессе», «термин «материальная истина» появился вместе с системой свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению... как противопоставление «формальной истине». Вместе с тем под «материальной истиной» буржуазные юристы никогда не понимали объективную истину. Нет никакой необходимости сохранять в науке и практике советского уголовного процесса эту терминологию, так как термин «объективная истина» в полной мере подчеркивает недопустимость всякой попытки трактовать истину, достигаемую в уголовном судопроизводстве, как истину «юридическую», формальную»².

Но некоторые ученые-процессуалисты, например М.Л. Шифман, указывали, что не следует придавать большого внимания спору о преимуществе одного термина перед другим. Возможно именовать истину, достигаемую судом, как объективной, так и материальной. Важно другое, писал автор: «Чтобы все советские теоретики и практики прониклись сознанием, что судебному исследованию доступно познание подлинной истины, полностью соответствующей фактам действительности, и чтобы только после установления с полной достоверностью подобной истины мог быть вынесен обвинительный приговор»³.

В последующие годы дискуссия об использовании термина «материальная истина» или «объективная истина» не получила дальнейшего развития, поскольку большинство ученых-процессуалистов стали именовать истину, устанавливаемую в суде объективной. И термин «материальная истина» со времен исчез из процессуальной литературы.

Однако в современной литературе он стал появляться вновь. Так, А.В. Агутин считает, что «по сути, объективная истина в уголовном процессе является формой человеческого опыта, что означает: нет истины объективной без истины материальной, т.е.

¹ Пашкевич П.Ф. Объективная истина... С. 68.

² Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 51.

³ Шифман М.Л. Основные вопросы теории советского доказательного права. М. : Изд-во МУ, 1956. С. 26.

истины, основанной на доказанности обвинения и установленной субъектами доказывания. Поэтому было бы более правильным говорить об установлении материальной истины как цели доказывания, а не объективной истины»¹.

Вместе с тем следует отметить, что на сегодняшний день большинство ученых придерживаются классического термина, т.е. «объективная истина». Объясняется это, на наш взгляд, с одной стороны, существовавшей в советский период развития нашего государства тенденцией дистанцирования теории советского процессуального права от буржуазного права, в том числе и дореволюционного российского, что проявлялось и в забвении так называемых буржуазных терминов. В частности, термин «материальная истина» применялся русскими учеными-процессуалистами для обозначения истины, устанавливаемой судом. С другой стороны, общепринятая терминология диалектического материализма, основанная на прямом цитировании по данному вопросу основоположников марксизма-ленинизма, не могла не сыграть роль веского и неопровержимого аргумента в пользу именования истины, устанавливаемой советским судом, объективной, а не материальной.

В современный постсоветский период вновь обсуждается вопрос о том, что является целью уголовного судопроизводства – установление объективной или процессуальной, формальной истины.

По данному вопросу в теории уголовного процесса сложились следующие концепции.

Первая из них заключается в признании необходимости достижения в уголовном судопроизводстве так называемой формальной (процессуальной) истины. Хотя данная концепция сейчас является весьма распространенной, среди ее сторонников нет единства в понимании формальной истины. Так, А. Александров считает, что объективная истина – это недостижимый идеал, объясняет он это тем, что «сами человеческие представления об истинном, справедливом являются относительными, изменчивыми. Неверно, что правосудие – это чисто реалистическая деятельность. В приговоре суда, как в литературном произведении, отражается личность судящего со всеми ее эмоциями, комплексами,

¹ Агутин А.В. О трех моделях истины... С. 283.

бессознательными импульсами». Поэтому он предлагает под судебной истиной понимать правдоподобное суждение, вероятность которого не вызывает разумных сомнений у здравомыслящего человека¹. В.В. Никитаев пишет: «Объективная (материальная) истина есть фикция, точнее, юридическая фикция, позволяющая использовать Уголовный кодекс для постановления приговора, а потому ее сохранение как средства уголовного процесса предполагает, что на первое место будет поставлена процессуальная истина». Под процессуальной истиной он понимает «соответствие судебного процесса (а значит, его результата) требованиям процессуального права»². В.В. Золотых утверждает, что должен действовать принцип «доказанности обвинения», которым он фактически и описывает юридическую истину³. А.А. Мохов пишет, что следует говорить о судебной истине как единственно возможном выводе, который получает суд⁴.

Но наиболее распространенным пониманием формальной истины в данной концепции является соответствие выводов следствия и суда не объективным обстоятельствам уголовного дела, а определенным, заранее установленным формальным условиям, независимо от того, соответствуют ли эти выводы действительности или не соответствуют⁵.

Вторая концепция – это концепция сторонников «объективной истины», которые исходят из постулата о возможности и необходимости достижения объективной истины в уголовном процессе. Данная концепция, как было показано выше, являлась доминирующей в советской литературе, но в связи с проведением судебной реформы и, особенно с принятием УПК РФ и введением состязательности, сдала свои позиции. Но ее до сих пор придерживается ряд авторитетных процессуалистов, таких как

¹ Александров А. О значении концепции объективной истины // Российская юстиция. 1999. № 1. С. 23–24.

² Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие : тр. науч.-практ. лаб. М., 1996. С. 169.

³ Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д : Феникс, 1999. С. 36.

⁴ Мохов А.А. Принцип судебной истины и проблемы его реализации в гражданском судопроизводстве России // Право и политика. 2002. № 2. С. 91.

⁵ Олегов М.Д. Истина в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 13.

В.П. Божьев¹, З.Д. Еникеев, Э.Ф. Куцова, Н.А. Громов, В.И. Зажицкий, А.Б. Соловьев, Н.А. Ревенко.

Авторы, придерживающиеся указанной точки зрения, исходят из того, что мир и общественная жизнь познаваемы. Также и познание, осуществляемое в уголовном судопроизводстве, в основе которого лежит отражение. Не существует в природе неотражаемых явлений, и событие преступления, как материальный процесс действительности, производит изменения в окружающей среде, оставляет следы. Поэтому, для того чтобы мы узнали о событии преступления, необходимо найти эти изменения. Связь, возникающая между этими изменениями (следами) и событием, существует объективно.

Поскольку не все преступления находят прямое отражение в действительности, а, следовательно, непосредственно проявляются во вне, возможность познания невидимого заложена в самом событии преступления, в объективных связях, существующих между явлениями, доступных для непосредственного восприятия органами чувств, и явлениями, недоступными для такого восприятия. Другая предпосылка возможности познания невидимого, неслышимого обусловлена взаимосвязью чувств и разума, их принадлежностью человеческому сознанию. В качестве такой следует назвать и объективный характер взаимосвязи собирания, проверки и оценки доказательств, обусловленный сложностью объекта познания, невозможностью его познания сразу в целом. Объектом познания в уголовном процессе служит ограниченный круг фактов и обстоятельств, характеризующих конкретное единичное явление объективной действительности, установление которых необходимо для правильного разрешения уголовного дела. Факт преступления, являющийся объектом познания в уголовном процессе, отличается тем, что он статичен. Однажды про-

¹ Божьев В. Состязательность на предварительном следствии // Законность. 2004. № 1. С. 3–6; Еникеев З.Д. Проблемы истины в свете принципа состязательности уголовного процесса // Российский юридический журнал. 2003. № 3. С. 14–17; Куцова Э.Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность // Законодательство. 2002. № 9. С. 71–79; Тихонов А.К. Презумпция истинности судебного приговора // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 3. С. 316; Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 70–71; Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 18; Ревенко Н.А. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 123–125.

изойдя, на момент познания он закончен (или остановлен) и познается в этом зафиксированном состоянии.

Сам факт преступления ограничен временем и пространством, которые определяют пределы проявления индивидуальных признаков данного преступления. Сущность познаваемого преступления в силу этих особенностей не может измениться в процессе познания. Поэтому истина в судебном процессе может быть познана полностью.

Третья концепция «синтеза объективной и формальной истины» исходит из необходимости установления в условиях современного состязательного (публично-состязательного) процесса объективной истины (как основной цели), если же этого сделать не удастся в силу объективных причин, в том числе формальных правил доказывания, связанных с обеспечением прав личности, необходимо установить хотя бы формальную истину, в идеале же формальная и материальная истина должны совпадать. Данная концепция имеет ряд сторонников¹.

Наряду с этими концепциями, существует мнение некоторых авторов об отрицании вообще любых проявлений истины (не только материальной, но и формальной) в уголовном судопроизводстве. Они основывают свои выводы на учениях В.Я. Вышинского, В.К. Случевского, С.А. Голунского, которые полагали, что объективная истина суду не доступна, поскольку суд никогда не сможет с полной достоверностью установить действительные обстоятельства расследуемого события. Суд может лишь приблизиться к этой истине и ограничиться установлением «более или менее высокой степени вероятности», которой достаточно для вынесения приговора.

Так, А.Я. Вышинский писал: «Суд не экспериментальная лаборатория, свободная в выборе средств и объектов исследования. Суд вынужден иметь дело с тем материалом, который ему дает «дело». Условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения абсолютной истины, а с точки зрения максимальной вероятности тех или иных факторов,

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. СПб. : Питер, 2004. С. 179; Свиридов М.К. Состязательность и установление истины... С. 3–12; и др.

подлежащих судебной оценке»¹. Позднее в своей работе «Теория судебных доказательств в советском уголовном процессе» А.Я. Вышинский внес изменения в свою концепцию, отметив, что точнее было бы говорить не о максимальной вероятности, а о достоверности².

Поддерживал точку зрения А.Я. Вышинского и М.А. Чельцов, который также полагал, что полностью истина никогда не может быть достигнута: «Суд принимает за истину то, в чем у него нет «разумного», т.е. практически существенного сомнения, хотя возможность теоретического сомнения нередко все же остается... Обычно в делах судебных удовлетворяются более высокой степенью вероятности»³. Свою точку зрения о недоступности для суда полной достоверности знаний, а, следовательно, и невозможности установления абсолютной истины по делу он аргументирует ссылкой на слабую сторону применения правил формальной логики в судебном исследовании. Он полагал, что в судебной деятельности для установления истины нельзя использовать законы природы, опыт человека, и предлагал основывать судебную достоверность на приблизительных опытных обобщениях. По его мнению, законодательная регламентация не способствует, а мешает установлению истины, так как полная достоверность выводов требует всестороннего исследования, ничем не ограниченного.

Точка зрения А.И. Трусова также сводится к тому, что достоверное установление истины в судопроизводстве неосуществимо, в лучшем случае суд может довольствоваться «высокой степенью вероятности», так как всякое индивидуальное познание и мышление доставляет лишь вероятностное или правдоподобное знание⁴.

Из современных авторов, отрицающих познание истины в уголовном судопроизводстве, можно отметить Е.Б. Мизулину (один из руководителей группы разработчиков ныне действующего УПК РФ), которая в прямом эфире «Пресс-клуба» (12 июля

¹ Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе // Проблемы уголовной политики. Кн. 4. М., 1937. С. 13–38.

² Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1950. С. 201.

³ Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 216, 259.

⁴ Трусов А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики // Вопросы кибернетики и право. М. : Наука, 1967. С. 33.

2002 г.) так и сказала: «Поиск истины в правосудии – химера»¹. Она же пишет, что судья может прийти к своему выводу о рассматриваемом им событии лишь логическим путем, сопоставляя мнения, суждения, доказательства, проверить же его опытным путем он не в состоянии. В этом смысле «истина», добытая логическим путем и не лишенная в силу своей непроверяемости некоторой умозрительности, всегда остается уязвимой для критики и вряд ли может быть отнесена к разряду научных. В лучшем случае, на что может претендовать такая судебная «истина», пусть и достаточно обоснованная и логически верная, это на статус гипотезы. Спорить о том, устанавливает или нет суд истину, также бессмысленно, как доказывать, что Бог не существует, ибо его никто не видел².

Недвусмысленный ответ на вопрос является ли установление истины целью доказывания, дает С.А. Пашин, утверждая, что юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом. С помощью доказательств устанавливается не истина, а обосновываются выводы..., а поиск истины – это работа тех, кто отвечает за ее результат. В отличие от всех прочих, судья отвечает за результат лишь в том смысле, что он должен сказать: «да, виновен», если это доказано, или «нет, не виновен», если это не доказано и больше ничего³.

А. Пиюк, анализируя причины невозможности достижения истины, указывает: «Проверка и оценка доказательств – субъективная деятельность. Тех доказательств, что вполне достаточно для одного состава суда, может оказаться мало для другого, суть проблемы – в достаточности доказательств как определяемой по внутреннему убеждению совокупности относимых, допустимых, достоверных доказательств, необходимых для установления обстоятельств преступления в соответствии с действительностью»⁴.

Проанализируем названные концепции.

¹ Цит. по: Лунеев В.В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России // Государство и право. 2003. № 7. С. 110.

² Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государств : дис. ... д-ра юрид. наук. Ярославль, 1991. С. 97.

³ Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования : дискуссии. М., 1995. С. 312.

⁴ Пиюк А. «Истина» или «доказанная достоверность» // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 43.

Так, А.П. Рыжаков отмечает, что формальная истина обладает противоположными свойствами, по сравнению с материальной: «Материальная истина объективна. Правовые положения должны служить гарантией ее материальности, тем не менее, одно лишь их соблюдение не позволяет говорить о безусловности наличия истины. Обращая внимание на материальный характер истины, правоведы показывают на возможность ситуации, когда закон не нарушен, однако истины компетентные органы не познали. Формальная истина, напротив, – это свойство тех знаний, процесс получения которых всего-навсего отвечает определенным условиям. Однако относительно формально истинных знаний, нет гарантии, что они достоверно отражают обстоятельства исследуемого события»¹.

Как отмечают некоторые авторы, требование установления материальной абсолютной истины по каждому уголовному делу (в классическом ее понимании) не соответствует на данном этапе развития общества и государства нравственным критериям, так как может привести к применению средств, существенно нарушающих интересы отдельных лиц, которые будут принесены в жертву публичным интересам².

Сторонники процессуальной истины как цели доказывания обосновывают свои выводы тем, что представители концепции объективной истины, забывают или закрывают глаза на то, что эта концепция выражает идеологию инквизиционного типа процесса, потому как порождает инициативу суда в собирании доказательств, что не согласуется ни с международно-правовыми актами, ни с Конституцией РФ. Таким образом, они полагают, что процесс начинает развиваться не по воле сторон, а и силу требования закона о проведении всестороннего, полного, объективного расследования со стороны должностных лиц. Они считают Россию одним из немногих государств, где до недавнего времени одновременно были законодательно закреплены принцип состязательности и концепция объективной истины в уголовном процессе. Поэтому, к числу наибольших достижений нового закона

¹ Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание... С. 14.

² Субботина И.Г. Нравственные начала предварительного расследования (на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и УПК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2002. С. 66.

они относят как раз то, что в нем получает должное оформление состязательность и отсутствует термин «объективная истина». Поскольку оставить в законе данный термин, значит, зачеркнуть все то прогрессивное, что с таким трудом, по крупицам было привнесено в российский уголовный процесс. Состязательный уголовный процесс должен быть основан на концепции процессуальной истины.

Таким образом, сторонники данной концепции предлагают закрепить в УПК РФ как цель уголовного судопроизводства «истинность в форме достоверной доказанности обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу»¹.

По поводу замены цели доказывания с истины на доказанную достоверность обстоятельств уголовного дела, верно подмечено Л. Алексеевой, что здесь не усматривается никакой проблемы и темы для дискуссии, поскольку, если бы факты, имеющие уголовно-правовое значение, не нужно было доказывать, то не было бы ни теории доказательств, ни раздела УПК, посвященного доказательствам и доказыванию, равно как и не было бы требования, согласно которому обвинительный приговор постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана².

Следовательно, нельзя согласиться с тем, что цель доказывания должна смещаться с результата (доказано, достоверно доказано) на средства (соблюдение процессуальной процедуры), поскольку это означает обесмысливание реальной человеческой деятельности.

Некоторые авторы предлагают определить целью правосудия достижение тождества объективной (например, запрет вынесения обвинительного приговора на основе предположений) и процессуальной истин (например, возможность постановления оправдательного приговора без требования к суду использовать все имеющиеся возможности для продолжения доказывания).

¹ Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. 1998. № 3. С. 59–60; Конин В.В. Тактика и истина в судебном разбирательстве // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / под ред. О.Я. Баева. Воронеж, 2005. Вып. 6. С. 112; Миронов В.Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 16.

² Алексеева Л. Действительные или мнимые противоречия // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 23.

Поскольку «такой подход позволил бы сориентировать органы расследования на принятии исчерпывающих мер по установлению объективной истины... Это способствовало бы исключению случаев фальсификации доказательств, оговоров и самооговоров – распространенных причин постановления неправосудных приговоров»¹.

Но, как верно отметил Г.А. Печников, процессуальная истина всегда вероятностная истина, и достоверность (объективную достоверность) нельзя отождествлять с вероятностью². От вероятности можно двигаться, подниматься путем доказывания, познания к объективной истине, но не отождествлять их.

Как отмечает Е.А. Карякин, на сегодняшний день в уголовном судопроизводстве действует конвенциональная концепция истины, т.е. истинным признается то, к чему пришли стороны по взаимному соглашению (конвенции)³. Ярким примером является признание лица невиновным при недоказанности его вины. Закон предусматривает такую ситуацию, устанавливая, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств, дело прекращается или суд выносит оправдательный приговор. Объективная истина не установлена и правовые последствия таковых не вызывают сомнений: недоказанная виновность равнозначна доказанной невиновности. Но в принципе возможен и противоположный результат и принятие на его основе иного решения – о признании лица виновным. В качестве еще одного примера реализации указанной концепции в уголовном процессе следует рассматривать новый процессуальный институт – особый порядок судебного разбирательства, закрепленный в гл. 40 УПК РФ. Очевидным является то, что при реализации такого порядка судопроизводства во главу угла поставлено именно добровольно принимаемое сторонами соглашение. Данная процедура прямо

¹ Балакшин В. Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 2. С. 19; Лукичев Н.А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 127–128; Александров А.И. Уголовный процесс России: Общая часть. СПб. : Издат. Дом СПбГУ, 2004. С. 183; Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. С. 115.

² Печников Г.А. Принцип законности и вопросы истины в уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2004. № 1. С. 264.

³ Карякин Е.А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики). Оренбург : ГОУ ОГУ, 2005. С. 32–33.

свидетельствует о том, что законодатель допускает вынесение даже обвинительного приговора на основе не материальной, а формальной истины.

Введение института «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» по справедливому утверждению Л.М. Володиной, «напрочь отодвигает нас от установления истины по делу»¹. Следовательно, упрощенный порядок рассмотрения дела не может способствовать установлению объективной истины и постановлению обоснованного приговора судом.

Таким образом, с момента начала судебной реформы и в связи с принятием УПК РФ 2001 г. относительно истины как цели доказывания в уголовном судопроизводстве ведутся горячие дискуссии, высказываются предположения о необходимости замены цели доказывания с установления объективной истины на доказанную достоверность обстоятельств дела, установление юридической, формальной или процессуальной истины.

После принятия УПК РФ отдельные ученые объясняют отказ от установления объективной истины в уголовном судопроизводстве следующими аргументами:

– функциональным различием полномочий участников уголовного процесса, что не ставит перед ними единой общей задачи по установлению обстоятельств дела в соответствии с тем, что имело место в действительности;

– суд не должен устанавливать истину, поскольку иное означало бы обязывать суд действовать в интересах обвинения, так как для признания лица непричастным к преступлению и его оправдания достаточно неустранимых сомнений в его виновности;

– теоретическое положение об истине в уголовном процессе опирались на философские категории марксизма ленинизма;

– законодатель предпочел установлению истины «любыми средствами охрану человеческих ценностей»;

¹ Володина Л.М. Назначение уголовного процесса и реальное обеспечение прав человека по новому УПК РФ // Уголовная юстиция: состояние и пути развития : регион. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 20.

– вопрос об истине должен рассматриваться с учетом различных требований, которые закон предъявляет к обвинительному и оправдательному приговору¹.

Все это подкрепляется тем, что УПК РФ не рассматривает истину как цель уголовного судопроизводства, назначение уголовного судопроизводства он обозначил защитой прав и законных интересов физических и юридических лиц, потерпевших от преступления, а также защиту каждого от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Можно ли, основываясь только на законе установить истину и вынести справедливое решение? Наверное, возможно. Но возникает другой вопрос, что же это будет за истина? Конечно, не о какой объективной истине здесь не может идти и речи. Это будет формальная, процессуальная истина, где форма имеет решающее значение по сравнению с содержанием.

Таким образом, по мнению В.А. Азарова, разработчики УПК РФ поставили процедуру выше поиска истины. Но все же процедура не может стать самоцелью, иной подход в состоянии цели средствами их достижения. Известная, полная сарказма фраза «главное не истина, а процесс ее поиска» неуместна в уголовном судопроизводстве. Иначе оно не в состоянии будет выполнить поставленные перед ним задачи. Тем более, проанализировав текст УПК РФ, непременно возникает вопрос: как можно назначить виновному справедливое наказание и при этом не опираться на установление объективной истины? Поэтому «объективная истина, как «тень отца Гамлета», бродит между его строк и скорбно напоминает о себе следователю, прокурору и суду. Однако в отличие от У. Шекспира, российский законодатель «постеснялся» прямо поименовать «бродячий феномен», что, кстати, соответствовало бы действительному положению и не «ставило набекрень» мозги правоприменителю»².

¹ Реховский А.Ф. Отношение к истине в современном уголовном процессе // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы междунар. науч.-практ. конф., 27–28 окт. 2003 г. М., 2004. С. 55–56.

² Азаров В.А. Является ли сегодня истина целью российского уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 7–8 февр. 2003 г.). Красноярск, 2003. Ч. 2. С. 77; Он же. Цели нового российского уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения : межвузов. сб. науч. тр. Омск, 2003. С. 9–10.

Продолжая эту мысль Э.Ф. Куцова пишет: «Хотелось бы получить ответ на вопрос: зачем нужен такой атрибут состязательности, если он содействует тому, что преступник не будет изобличен, а интересы пострадавшего не будут защищены?»¹.

А.М. Ларин в свое время отмечал, что идею отказа от установления истины по уголовному делу «...очень просто можно понять – это оправдание известной практики неправосудных приговоров»². Он же писал, что выступления против принципа объективной истины в уголовном процессе всегда служили и служат оправданию следственных и судебных ошибок, следственных и судебных преступлений. Ни к чему иному они не ведут³.

Если заранее исходить из недостижимости истины вообще, не считать ее установление целью деятельности сторон и суда в судебном разбирательстве, не стремиться к максимальному использованию всех возможных средств и способов выяснения подлинной картины преступления, – истины не достигнешь.

Как справедливо отмечает Д.А. Турчин, нельзя отступать от вечных позиций, выведенных самой историей человечества, каковой является истина. Это особенно недопустимо в судопроизводстве и правосудии, которые и возникли-то для того, чтобы оберегать истину. Малейшее отступление от нее приводит к колоссальным ошибкам не только в правовой сфере, но и в других областях жизни⁴.

Как обоснованно подчеркивает Л.М. Васильев, если истина не нужна в уголовном деле, то что вместо нее? Вместо нее может быть только одно – максимальная вероятность. Но это уже было в нашей истории⁵.

С учетом изложенного выше, мы не можем согласиться с мнениями современных ученых-процессуалистов, которые настаивают на существование процессуальной, формальной истины,

¹ Куцова Э.Ф. Уголовный процесс России... С. 76.

² Ларин А.М. Уголовный процесс России : лекции-очерки. М. : БЕК, 1997. С. 83–84.

³ Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантиях прав личности в проекте УПК // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия : материалы науч.-практ. конф., 13–17 мая 1998 г. Иркутск, 1998. С. 41.

⁴ Турчин Д.А. Грешить против истины нельзя // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 2. С. 485.

⁵ Васильев Л.М. Нужна ли истина в уголовном процессе и какова роль суда в ее установлении // Юрист. 1998. № 5. С. 52.

подвергая ревизии, устоявшееся положение о понятии и существовании объективной истины в уголовном процессе.

Представляется, что до настоящего времени не вызывает сомнения точка зрения о необходимости достижения в уголовном процессе именно объективной (материальной) истины, как достигаемой в институтах публичной (государственной) власти – судебных инстанциях, которые должны как никто, быть заинтересованы в истине для обеспечения действительной, а не мнимой ситуации правозаконности и правопорядка.

Таким образом, осуществление правосудия без всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела невозможно, поскольку, по сути, означает отказ от объективной истины в ходе доказывания. В результате возникает существенное противоречие: центральной частью уголовно-процессуальной деятельности остается доказывание, но какую конкретную цель оно должно преследовать, в законе не сказано. «Новая уголовно-процессуальная идеология считает неприличным говорить об истине в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, правосудие, оторванное от истины, перестает быть правосудием»¹.

Проблема истины включает в себя также вопрос об определении места истины как правового процесса, т.е. можно ли рассматривать истину в уголовном судопроизводстве как категорию цели или как категорию принципа.

По поводу решения данной проблемы определились три позиции:

1. Объективная истина – цель уголовного судопроизводства, доказывания².

2. Достижение объективной истины – принцип уголовного судопроизводства³.

¹ Ивенский А.И. Истина и проблема ее достижения в уголовном процессе // Право и политика. 2004. № 10 (58). С. 77; Громов Н.А. Проблемы достижения истины в уголовном процессе // Следователь. 2003. № 9. С. 27.

² Николайчик Н.И., Матвиенко Е.А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск : Изд-во БГУ, 1969. С. 9; Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1981. С. 63; и др.

³ Розин Н.Н. Курс уголовного судопроизводства. С. 302; Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. С. 62; Волков А.В. Нужен ли принцип объективной истины в современном уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]. URL: www.ncstu.ru.

3. Объективная истина – цель доказывания и принцип уголовного судопроизводства¹.

Рассматривая данные концепции, Т.Н. Добровольская отмечала, что, когда мы говорим об истине как о цели, имеем в виду то, на что должны быть направлены усилия суда, органов расследования и прокуратуры, требование же установления истины как принцип процесса отвечает на вопрос, как, каким образом достигается эта цель². Аналогичную аргументацию приводил и Я.О. Мотовиловкер: «Истина – цель, таким образом, относится к истине – принципу процесса так, как результат относится к пути, ведущему к нему, как итог относится к разъединенным звеньям, которые в нем соединяются, как истина к развернутой истине»³.

Несколько иную позицию занимал М.С. Строгович. Исходя из сущности и задач советского правосудия, он писал: «Истина – это цель, когда речь идет об установлении фактов в соответствии с действительностью, к чему стремится следствие и суд по каждому делу, и это принцип в том смысле, что это есть выраженное в законе руководящее положение, направляющее и определяющее деятельность следствия и суда»⁴.

Нам представляется, что наиболее предпочтительна точка зрения, которая рассматривает объективную истину и как принцип, и как цель уголовного судопроизводства. Бесспорно, что «цель» и «принцип» – категории не однозначные. Категория «цель» отвечает на вопрос, на что направлена деятельность, а категория «принцип» – как, каким образом она осуществляется. Следовательно, здесь не происходит отождествление этих двух категорий. Следует подчеркнуть, что в качестве принципа уголовного судопроизводства необходимо рассматривать именно установление объективной истины через полное, всестороннее и объективное исследование всех необходимых обстоятельств уго-

¹ Чечот Д.М. Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве // Сорок лет советского государства и права. Л., 1957. С. 66; Печников Г.А. Некоторые философские аспекты истины в уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 4. С. 480; Победкин А.В. Показания обвиняемого в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 82.

² Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М. : Юрид. лит., 1971. С. 23.

³ Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса. Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 1978. С. 24–25.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 136.

ловного дела, а не саму истину, и что установление объективной истины является главной целью уголовного судопроизводства и процесса доказывания.

Как видим, УПК РСФСР 1960 г. не провозглашал установление объективной истины в качестве принципа уголовного судопроизводства, но указывал среди принципов всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела, а действующий УПК РФ вообще ничего не говорит как о принципе объективной истины, так и о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела. Односторонность и неполнота установления обстоятельств дела в перечне оснований для отмены приговора в кассационном и надзорном порядке отсутствуют¹.

Несмотря на это, на наш взгляд, в УПК РФ остались отдельные элементы, свидетельствующие о сохранении требования установления объективной истины. Так, согласно ч. 4 ст. 152 УПК РФ предварительное расследование может производиться по месту нахождения обвиняемого или большинства свидетелей *в целях обеспечения его полноты, объективности*. В ч. 2 ст. 154 УПК РФ сказано: «Выделение уголовного дела в отдельное производство для завершения предварительного расследования допускается, если это не отразится *на всесторонности и объективности* предварительного расследования и разрешения уголовного дела». В ч. 6 ст. 340 говорится «Стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им *принципа объективности и беспристрастности*». Требование объективности, всесторонности и полноты исследования обстоятельств дела является необходимым условием установления истины по делу.

Как справедливо отмечают некоторые авторы, принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела воспринимался многими поколениями судей, прокуроров, следователей и дознавателей как основа основ уголовного судопроизводства.

¹ Шиканов В.И., Россов С.А. Уголовное судопроизводство и его информационная сущность // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / науч. ред. В.И. Шиканов. Иркутск, 2005. Вып. 20. С. 66; Они же. Состязательность и истина в уголовном процессе // Там же. Вып. 19. С. 22.

производства. Поэтому принцип всесторонности, объективности и полноты расследования не «исчез» полностью. Он как бы трансформировался, «растворился» в ряде других норм УПК РФ, а потому может и должен применяться на всех стадиях уголовного судопроизводства¹. К тому же, отказ от принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела все больше ориентирует законодателя на замену предварительного следствия-исследования прокурорским дознанием-преследованием².

Поэтому утверждать, что в уголовном процессе нет принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, нельзя, так как отсутствие прямого упоминания того или иного принципа вовсе не обозначает его непризнание. Как было отмечено выше, нормы, регулирующие все действия в рамках уголовного процесса, предполагают всесторонность, полноту и объективность в исследовании обстоятельств дела. «Следовательно, нет оснований для пессимистических заявлений относительно того, что новому уголовному процессу нет дела до установления истины»³.

Последовательное проведение принципа всестороннего и полного исследования обстоятельств уголовного дела позволяет не только восстановить истину совершенного преступления, но и дать ему правильную юридическую оценку, определить характер и степень вины обвиняемого, назначить ему наказание в соответствии с тяжестью содеянного и личностью виновного, определить размер подлежащего взысканию в пользу потерпевшего причиненного ему ущерба, т.е. является необходимым условием постановления законного и обоснованного приговора. Поэтому расследование уголовного дела с позиции всесторонности, полноты и объективности – способ установления истины и гарантия достижения задач уголовного процесса и, следовательно, они должны быть закреплены в качестве его принципа⁴.

¹ Гармаев Ю.П. Всесторонность и полнота расследования // Законность. 2002. № 9. С. 6–9; Бурданова В.С. Реализация принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела в суде первой инстанции [Электронный ресурс]. URL: nadzor.pk.ru/analit/all_exec.

² Деришев Ю. Предварительное следствие: исследование или преследование? // Российская юстиция. 2002. № 10. С. 35.

³ Подольный Н. Новый УПК – новая идеология уголовного процесса // Там же. № 11. С. 3.

⁴ Моисеева Т.В. Проект УПК и принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 108; Ахмадуллин А. Всесторонность,

В связи со сменой в действующем УПК РФ целей уголовного судопроизводства, в литературе стала популярной точка зрения о том, что установление объективной истины – не является целью уголовного судопроизводства, поскольку становится лишь тормозом как для развития форм и отношений собственности, так и судопроизводства в целом¹.

Так, например, А.В. Агутин отмечает, что истина не может выступать в доказывании по уголовному делу в качестве его цели в силу своего прикладного значения для конкретной уголовно-процессуальной деятельности. Результат доказывания и средство его достижения – это совершенно различные вещи, одно и то же понятие не может выступать в качестве того и другого. Дело в том, что истина не является результатом, к которому надо стремиться, она лишь средство, которое упорядочивает наши утверждения и суждения в ходе доказывания по конкретному уголовному делу².

На смену истине, как пишет Н.А. Подольный, в настоящее время приходит справедливость – ценность демократического государства³. Так, категория справедливости в УПК РФ употребляется дважды: как основание для отмены приговора и как требование, предъявляемое к выносимому судом приговору.

Вместе с тем, верно замечают некоторые авторы, что между справедливостью и истиной существует глубокая связь. Термин «справедливость» в одном из своих значений выступает в качестве синонима истины. Справедливое решение всегда основано на достижении истины⁴. Установление истины – высоконравственная цель доказывания, без достижения которой справедливое правосудие невозможно.

полнота и объективность предварительного расследования как принцип уголовного процесса // Законность. 2005. № 8. С. 45.

¹ Батычко Л.М. Истина в российском судопроизводстве // Российский судья. 2004. № 8. С. 46; Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5. С. 115–116; Григорьева Н. Принципы уголовного судопроизводства и доказательства // Российская юстиция. 1995. № 8. С. 40.

² Агутин А.В. О трех моделях истины... С. 285.

³ Подольный Н.А. Категория справедливости в УПК РФ – изменение системы ценностей в уголовном процессе России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы междунар. науч.-практ. конф., 27–28 окт. 2003 г. М., 2004. С. 52.

⁴ Козлова Н.Н., Курочка Е.В. Социальная справедливость в уголовном праве // Российский судья. 2001. № 2. С. 10; Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. С. 113.

Таким образом, нет оснований говорить о смене системы ценностей в уголовном судопроизводстве, поскольку категория «справедливость» не мыслится без категории «истина».

Несмотря на достаточно глубокое исследование проблем истины до настоящего времени в теории доказательств остается спорным вопрос о содержании истины, устанавливаемой судом. Суть научной полемики по этому вопросу состоит в том, что различные авторы по-разному определяют содержание знаний, получаемых в ходе доказывания, к которым предъявляется требование истинности.

По этому вопросу в уголовно-процессуальной литературе сформировались три точки зрения:

1. Содержание истины должно составлять познание только фактических обстоятельств дела¹.

2. Истиной должны охватываться не только обстоятельства дела, но и квалификация деяния².

3. Кроме перечисленного, в содержание истины включается еще и определение меры наказания, а также решение всех иных вопросов ответственности³.

Авторы, включающие в содержание истины только фактические обстоятельства, обосновывают свою позицию тем, что юридическая оценка и правовые предписания не могут выступать в качестве истинных или ложных, поскольку зависят от действующего законодательства, от отношения к ним правоприменителя. Вследствие этого оценка и предписания, по их мнению, не носят объективного характера. Так, одни и те же факты могут в различное время образовывать различные составы преступлений и могут даже вообще становиться непроступными. Нормы права нередко устаревают, перестают отражать объективную картину общественных отношений, фактические же обстоятельства остаются теми же самыми, их содержание не меняется с изменением

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 321–326; Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М. : Изд-во МГУ, 1972. С. 71.

² Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во МУ, 1956. С. 118; Соловьев А.Д. Всесторонность, полнота и объективность предварительного следствия. Киев, 1969. С. 5; Зажицкий В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 46.

³ Мухин И.И. Объективная истина... С. 41; Теория доказательств в советском уголовном процессе. С. 139.

критериев их правовой оценки. Поэтому понятие истины может распространяться, по мнению этих авторов, лишь на фактические обстоятельства дела, но не на их правовую квалификацию¹.

По мнению Л.Д. Кокорева, Н.П. Кузнецова, установление фактов и применение на их основе норм уголовного права – близкие, взаимосвязанные, но, тем не менее, качественно различные виды деятельности. Установление фактических обстоятельств дела производится с помощью доказательств на основе принципов уголовно-процессуального права. Квалификация же осуществляется на основе норм и принципов уголовного права и производится не при помощи доказательств, а логическим путем. В ходе процесса доказывания знание, постоянно обогащаясь, движется индуктивным путем: от единичного, сведений об отдельных обстоятельствах – к общему знанию о событии в целом. Квалификация деяния – это путь дедуктивного умозаключения, при котором норма уголовного права выступает в качестве большей посылки, а под нее для получения выводного знания подводят меньшую посылку – установленные по делу факты и обстоятельства.

Следует отличать фактическую сторону, обстоятельства совершенного преступления от их юридической оценки и не смешивать гносеологическую (познавательную) и аксиологическую (оценочную) стороны уголовно-процессуальной деятельности. Достижение истины при установлении фактов и обстоятельств имеет место тогда, когда они познаны в точном соответствии с тем, как они происходили в действительности. Правильная же квалификация деяния означает соответствие уже установленных фактов и обстоятельств норме уголовного права. И ошибки в квалификации обусловлены не неумением правильно установить фактические обстоятельства преступления, а неумением правильно применить закон к уже установленным фактам. Таким образом, если истина, фиксирующая обстоятельства, носит в целом содержательный характер, то истина, включающая в себя правовую оценку установленных фактов, является формализованной и полностью лишена каких-либо элементов содержательного зна-

¹ Тихонов А.К. Проблемы содержания и характер истины в советском уголовном процессе // Вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса. Калинин, 1988. С. 78–79.

ния. Поэтому, полагает Н.П. Кузнецов, нельзя согласиться с авторами, которые включают в содержание истины и юридическую квалификацию деяния¹.

Таким образом, хотя правильная юридическая оценка факта, деяния – обязательное, необходимое свойство справедливого судебного решения, она не входит в понятие объективной истины.

Позицию о том, что в содержание истины включается и решение вопроса о квалификации содеянного, отстаивают преимущественно представители уголовно-правовой науки². Их аргументация сводится к следующему. Факты общественной жизни не могут познаваться в отрыве от их социальной сущности. Правовая оценка этой сущности должна отражать объективное положение вещей. Социальная опасность преступного деяния представляет собой объективную категорию, она определяется законами развития общества и не зависит от сознания людей. Признаки общественно опасного деяния как реально существующего явления в обобщенной форме содержатся в уголовном законе, который, так же как и общественная опасность, существует независимо от нашего сознания и верно отражает объективную действительность, указывает на наиболее важные и существенные связи, характеризующие преступное действие, помогает правильно познать факты в их правовом значении.

Не может влиять на общественный характер истины, установленной судом, и введение в действие новых уголовно-правовых законов. Истина в любой отрасли науки и практики конкретна. Она обусловлена известными рамками и должна соответствовать определенным условиям и обстоятельствам. Следовательно, об истинности того или иного положения можно говорить применительно к конкретным условиям. Но, если эти условия и обстоятельства изменились, истина вовсе не перестает быть объективной, она сохраняет черты объективности.

Следовательно, квалификация преступления отражает объективную действительность, социальные условия данного общества и поэтому должна входить в содержание истины по уголов-

¹ Кокорев Л.Д. Уголовный процесс... С. 39; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. С. 156.

² Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М. : Госюриздат, 1963. С. 51.

ному делу. Истинной может быть только одна квалификация – та, которая соответствует тому, что произошло в действительности¹.

Таким образом, сторонники второй точки зрения считают, что правоприменительный орган, исследуя фактические обстоятельства дела, должен не просто установить их наличие, но и найти в них такие качества, свойства, признаки, которые присущи им и нашли отражение в нормах права. Отсюда правовая оценка фактов, их юридическая квалификация признается объективной, не зависящей от субъективного усмотрения судей. Истинность же квалификации выводится из того, что правоприменительный орган, давая оценку, правильно отразил сущность фактических обстоятельств, которая выражена в соответствующей норме права.

Третья группа авторов, отстаивающая мнение о том, что истинными наряду с выводами о фактах и их оценкой должны быть выводы о мере наказания, исходит из того, что нельзя отрывать наказание от преступления².

Сторонники названной точки зрения пытаются доказать, что поскольку мера наказания должна соответствовать преступлению, общественной опасности преступного деяния, личности виновного, степени его вины и тяжести содеянного, то она должна быть истинной. Кроме того, истинность меры наказания обосновывают ее объективным характером³.

Но с данной позицией согласиться нельзя, поскольку назначение меры наказания зависит от действующего закона, предусматривающего это деяние, и от выводов, которые делает судья при применении закона к этому деянию. Ведь выводы суда по данному деянию не устанавливают истину, а основываются на установленной по делу истине, т.е. на тех фактах, которые соответствовали объективной действительности. Определение меры наказания во многом зависит от обстоятельств дела, от самого субъекта преступления и от условий общественной жизни, но само оно не может ни изменить, ни отменить уже установленные

¹ Пашкевич П.Ф. Объективная истина... С. 45.

² Мухин И.И. Объективная истина... С. 50.

³ Пьянов Н.А. Проблема содержания истины в применении норм права // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности : сб. науч. тр. Иркутск, 1985. С. 7.

судом и следствием фактические обстоятельства дела. Поэтому оно не может определять истину, устанавливаемую в ходе производства по уголовному делу.

Необходимо также отметить, что наказание не познается, а назначается. Вывод суда о виде и размере наказания лица, виновного в совершении преступления, лишен познавательного элемента и представляет собой волеизъявление, веление суда. Познавательный же аспект этого вывода зафиксирован в суждении об обстоятельствах, влияющих на избрание вида и размера наказания; эти обстоятельства являются предметом доказывания и служат фактическим основанием для принятия соответствующего решения. Поэтому наказание не входит в содержание истины по уголовному делу.

Вывод суда о том, что данное наказание является достаточным для достижения его цели, является прогностическим, вероятностным, в связи с чем оно может корректироваться судом в процессе исполнения приговора. Это также не позволяет говорить об истинности решения суда о наказании. То обстоятельство, что избранная судом мера наказания должна соответствовать реально существующим факторам, не дает никаких оснований говорить об «истинности» меры наказания. Категория истинности применима только к результатам познавательной деятельности; любое практическое действие, решение, хотя и основанное на истинном знании, не может быть ни истинным, ни ложным¹.

Мы полагаем, что в содержание истины включается только познание фактических обстоятельств дела, поскольку истина – адекватное отражение действительности в сознании познающего субъекта. А познание есть взаимодействие познающего субъекта с познаваемым объектом, процесс отражения этого объекта в сознании субъекта. Истина – это такое знание, содержание которого определяется объектом, его свойствами и закономерностями.

Следовательно, содержание истины составляют все те суждения, которые явились результатом отражения познаваемых правоприменителями объектов, т.е. фактов и обстоятельств, характеризующих преступное деяние.

¹ Орлов Ю.К. О соотношении и содержании категории истина и достоверность в судебном доказывании // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976. Вып. 25. С. 141.

Не входит в содержание истины и квалификация деяния. Факты объективной действительности существуют независимо от их общественно-политической оценки, которая может меняться в зависимости от исторической и социальной обстановки. Одни и те же факты могут в различное время образовывать различные составы преступлений и могут даже вообще становиться не преступными. Поэтому понятие истины может распространяться лишь на фактические обстоятельства дела, но не на их правовую квалификацию.

Таким образом, цель доказывания является достигнутой уже в момент установления фактических обстоятельств дела в полном соответствии с действительностью, и содержание истины образуют знания о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела, т.е. знания о предмете доказывания.

2.2. Проблема понимания истины и правды

В последнее время наблюдается нарастание интереса к проблеме соотношения истины и правды. Интерес к данной проблеме отражает стремление ученых осмыслить глубинные основания жизни человека и понять причины перемен, которые происходят в современном мире.

Если обратиться к историческому аспекту проблемы, то, например, в древнегреческом языке слово «истина» буквально означает «не скрытое». В переводе же слово «истина» обозначает следующее:

- правда (например, рассказывать всю правду, быть истинным, в действительности);
- действительность, подлинность;
- истинность, верность (например, истинность снов и сбывшегося пророчества);
- правдивость, прямота, искренность;
- «истина» – сапфировое украшение, которое, как символ истинности их учения, носили жрецы в Египте¹.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что древнегреческий язык представлял истину как реальность, соответствующую

¹ Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб. : Алтейя, 1999. С. 12.

действительности. Истиной нельзя описать человеческие качества, в отличие от правды. «В древнегреческом языке истина мыслится как нечто видимое, что необходимо исследовать»¹.

Проблема истины рассматривается и в Священном Писании. Как отметил В.П. Проценко, «Иоанн вспоминает, что говорил по этому поводу Иисус Христос фарисеям: «Ваш отец Дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истин; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи». Уверовавшим же в него он говорил другое: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными»².

Таким образом, если сравнивать понимание истины в древнегреческом языке и библейское представление об истине, то можно заметить некоторые общие черты, в частности, что истина мыслится как нечто происходящее независимо от человека.

Человек может по-разному относиться к истине, полагаться на нее, руководствоваться ею, но в слове «истина» отсутствует элемент личной включенности человека в процесс ее создания и «осуществления»³.

В отношении понятия «правда» мы находим иное значение и содержание.

Термин «правда» появился уже в древнейших источниках, где он нередко то сливается до неразличимости с концептами «истины», то показывает себя как нечто уникально-смысловое. «Вот истина вечная, правда святая» – говорится уже в «Махабхарате». В античном мире «истина» выражает способность бытия к вечности, нечто «вечно памятуемое». «Правда» же сводится к гностическим характеристикам человеческих мнений, где только отречение от «слишком человеческого» и приближает к Истине. В повседневном античном сознании «правда» выступала как идея исконного, идущего от предков устройства человеческого общежития, отражающего божественные миропорядок и справедливость. Однако в антитезе с констатацией истины, трактуемой в

¹ Знаков В.В. Психология понимания правды. С. 12.

² Проценко В.П. Генезис антисистемы в праве. Уголовно-процессуальные и нравственные аспекты. Краснодар : Сов. Кубань, 2003. С. 176.

³ Знаков В.В. Психология понимания правды. С. 17.

повседневной судебной практике как «реально происшедшее событие», смысловое поле правды отражало и разноречивость описаний события свидетелями, выражавшими субъективную версию происходящего. Тем самым уже в древности различались контекст правды как всеобщего императива и контекст правды как частного мнения¹.

В соответствии с традициями русской философии следует различать истину как простое соответствие суждений фактам, поступкам людей, и правду, основанную на осознании субъектом моральной ответственности за свои высказывания о поведении другого человека.

Слово «правда» для русских людей имеет особое значение, в отечественной истории множество тому подтверждений. Русской Правдой назывался первый свод законов древней Киевской Руси, отражающий коллективные представления наших предков о справедливом государственном устройстве. «Русская правда» говорит о стремлении к справедливости в правосудии². Спустя много веков, такое же название дано было конституционному проекту главы Южного общества декабристов П.И. Пестеля. Чуть позднее, в конце столетия, был опубликован трактат русского философа Н.К. Михайловского «Письма о правде и неправде». Он писал: «Ведь и по-русски совесть и сознание, в сущности, одно и то же слово. Но по-русски есть и еще более яркий пример совпадения разных понятий истины и справедливости в одном слове «правда»... Справедливость есть только отражение истины в мире практическом, а истина – только отражение справедливости в области теории; что истина и справедливость не могут противоречить друг другу»³.

В древнегреческом языке «правда» является ключевым понятием в юриспруденции, этике. Правда трактовалась как право, справедливость. В античной философии также поднимался вопрос о происхождении «правды». Стоики полагали, что она существует от природы, а не по установлению. Платон считал, что

¹ Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания. М. : Ин-т психологии РАН, 1993. С. 10.

² Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1. С. 27–80.

³ Цит. по: Воронов А.Ф. Эволюция принципа объективной истины в гражданском процессе // Законодательство. 2004. № 11. С. 49.

правду творят люди. Аристотель определяет правду как середину между тем, чтобы поступать неправосудно, и тем, чтобы терпеть неправосудие¹.

Если обратиться к русскому языку, то здесь термин «правда» имеет несколько значений:

1. Как то, что соответствует действительности. Такую трактовку «правды» можно выразить выражениями: «Сказать правду», «Правда глаза колет», «Что правда, то правда», «Лжей много, а правда одна». В данном случае правда выступает синонимом истины.

2. Как синоним термина «истинное высказывание». Например, «Правдивая речь», «Я правду порасскажу тебе такую, что хуже всякой лжи».

3. Как обозначение понятия правосудия, высшей справедливости – «Правда суда не боится», «Нет правды на свете», «Искать правды», «Правдою жить – палат каменных не нажить».

4. Как вводное слово – «Я, правда, не знал этого».

5. Как уступительный союз – «Дача хорошая, правда, от станции далеко»².

Поисками правды и истины полна вся духовная жизнь выдающихся мыслителей человечества. Например, Лев Толстой уже на закате своей жизни, утомленный болезнями и поисками истинного пути в жизни и ее смысла для отдельного человека и связанными с этими страданиями, восклицал: «Зачем мне нужна истина, если я умру?!» Он, видимо, забыл, что бессмертен в потомках своих и в делах своих. Сергей Есенин, обращаясь к простому человеку, говорил: «Успокойся, смертный, и не требуй правды той, что не нужна тебе», подразумевая при этом различные грани проявления истины в обществе»³.

Если истина – объективное отражение действительности, то правда – смелый, нравственный поступок субъекта, направленный на самоочищение и очищение общества. Другими словами, правда – способ продвижения истины в общественную жизнь,

¹ Аристотель Сочинение. Т. 1. С. 14.

² Васильев Л.М. Проблемы истины в современном уголовном процессе (Концептуальные положения). Краснодар, 1998. С. 20–21.

³ Цит. по: Проценко В.П. Генезис антисистемы в праве... С. 176.

способ реализации и актуализации истины, способ придания истине публичного характера.

Правда – это не просто истина, реальное положение дел и их объективное отражение в нашем сознании, но это благая, должная истина, это высшая истина – справедливость. В правде мы видим выражение некой направляющей идеи, она содержит в себе как интеллектуальные, так и моральные свойства идеала.

Таким образом, мы видим два значения русского слова «правда» – «правда – истина» и «правда – справедливость», которые выражают две стороны поиска истины. Потребность в «правде – истине» заключается в естественном желании каждого человека иметь правильное, объективное представление об окружающей действительности, об обществе, в котором он живет, о людях, с которыми он взаимодействует. Потребность же в «правде – справедливости» заключается в естественном желании каждого человека, чтобы к нему относились правильно, по правде, по справедливости, по-человечески, считались с его общечеловеческими потребностями, чувствами и связанными с ними интересами¹.

Согласно традициям русской культуры поиски истины в отношениях между людьми и общественных делах неразрывно связаны с представлениями о добре и зле. В фольклоре она представлена пословицами: «В ком добра нет, в том и правды мало», «Где правда там и счастье», «Кто правдой живет, тот добра наживет».

В русской среде правда дает ценностное основание справедливости. Справедливость состоит в сопряженности с правдой, в соответствии с ней². В сознании русского народа укоренилось представление о том, что истина, не связанная со справедливостью – это ущербная истина и даже, может быть, вообще не истина.

С точки зрения современной психологии содержание «истины» и «правды» неодинаково:

1. Истина – категория логики и теории познания, выражающая соответствие наших знаний о мире самому себе. Правда – категория психологии взаимопонимания, выражающая не только

¹ Мельник В. Божественная правда и справедливое правосудие // Российская юстиция. 1999. № 9. С. 10.

² Арановский К.В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Правоведение. 2003. № 6. С. 186.

соответствие знаний миру, но и степень адекватности наших оценок социальной действительности. Истина – категория гносеологическая, характеризующая содержание знания, а правда – понятие онтологическое, отражающая отношение человека к истинному знанию. Истину мы познаем, а правду понимаем. Но правда всегда содержит зерно истины – без этого она не может быть правдой. Правда – это такая истина, которая становится предметом личностного отношения, субъективной оценки. Оценка субъектом своего или чужого истинного суждения зависит от характера понимания им обсуждаемого поступка, его ценностно-смысловой позиции и мировоззрения. В зависимости от того, в какой контекст личностного знания включается знание о поступке другого человека, познанная истина приобретает для субъекта разный смысл. И это основная причина того, почему при осмыслении одной и той же истины возможно появление различных вариантов правды. Таким образом, истина – это характеристика содержания знания, а правда – конкретное выражение познавательного отношения субъекта к отображаемой в знании действительности, понимания ее.

2. Для человека правдой является только та истина, в которую он верит. Событие, истинность которого субъекты общения не имели желания или возможность проверить, кажется им правдоподобным на основе их моделей мира, представлений о действительности. Если вера в правдоподобие отсутствует, то истинные факты воспринимаются как небылицы. Главная причина, препятствующая возникновению у нас веры в правду, обычно заключается в том, что она не соответствует нашим представлениям о должном, т.е. о том, что может и должно произойти. Правда отражает не идеальное представление, а реальный мир и потому, как правило, она ассиметрична и многовариантна.

3. Правда – такое психическое образование, которое объединяет когнитивную и нравственную сферы личности и с равным основанием может быть отнесено к каждой из них. Правда оказывается как бы мостом, соединяющим истину с моралью¹.

¹ Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа... С. 17–24.

Как и в древности, сегодня слово «истина» связывается в сознании людей с отражением реальности, т.е. того, что происходит вне человека и независимо от него. Однако это не означает, что возникновение и существование истины никак не связано с познающим мир субъектом. Напротив, истина как объективная категория определяется только посредством соотношения понятия с субъектом. В процессе познания, взаимодействия субъекта с объектом гносеологическая картина постепенно превращается для него в психологическую правду. Это происходит вследствие конкретизации, индивидуального осмысления истины, включения ее в контекст личностного знания.

Таким образом, «истина» – характеристика содержания знания, а «правда» – конкретное выражение познавательного отношения субъекта к отображенной в знании действительности, понимание ее.

В процессуальной литературе вопрос соотношения истины и правды решался однозначно – «истина» и «правда» отождествлялись. И на этом ставилась точка. Но все ученые забывают о том, что «истина» и «правда» – это не совпадающие понятия. Как отмечает Л.М. Карнозова, если «истина» относиться скорее к миру вещей и событий, не включающих человека, безразличных к отношениям между людьми, то «правда» описывает социум, относится к сообществу людей¹.

Нельзя не согласиться с позицией Р.А. Хашимова о том, что в общественном сознании уголовное судопроизводство связывается скорее с категорией «правда». На примере отношения общества к судебной системе показано, что критерием эффективности уголовного процесса выступает возможность добиться «правды» в суде, что предполагает рассмотрение истины на уровне общественного сознания в качестве цели².

Поэтому нам думается, что истину все-таки необходимо устанавливать во время предварительного следствия, а суд уже на

¹ Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления. М. : NOTA BENE, 2000. С. 112.

² Хашимов Р.А. Категория «цель» в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 18.

основе собранных по уголовному делу доказательствах должен осмыслить, понять правду о преступлении.

2.3. Ложь. Право на ложь

С древнейших времен человечество волновали вопросы соотношения правды и лжи и их оценки. Доказательством того является наличие огромного количества поговорок, которые популярны в народе: «У лжи длинный язык и короткие ноги», «Правда коротка, ложь многословна», «Хороша только правда, полуправда ничего не стоит», «Лучше плохая правда, чем хорошая ложь».

Рассматриваемые понятия важны для уголовного судопроизводства. Изучение уголовных дел показывает, что следователь в процессе доказывания имеет дело не только и не столько с достоверной доказательственной информацией, сколько с дезинформацией, т.е. ложными сведениями о событии, когда ему со стороны допрашиваемых оказывается продуманное сопротивление.

Прежде чем подробно остановиться на проблемах правды и лжи в уголовном судопроизводстве, целесообразно дать общую характеристику этим понятиям и проанализировать общие проблемы.

«Ложь» относится к группе таких понятий, которые широко используются в науке, а также повседневной жизни. Широкое применение данного понятия неизбежно размывает его содержание, расширительное трактовка понятия «ложь» приводит к тому, что оно начинает использоваться как синоним близких к нему по содержанию понятий, например, таких, как заблуждение, обман, неправда, дезинформация и ряд других. Поэтому, отдельные авторы различают ложь и неправду. При этом они выделяют два вида неправды: во-первых, неправда как эквивалент заблуждения. Человек верит в реальность существования чего-либо, но ошибается, и в результате он говорит неправду, сам того не осознавая. Во-вторых, неправда как следствие ограниченности знания, неполноты истины. Это приводит к искажению реальной картины описываемых событий и, следовательно, превращению правды в неправду¹.

¹ Экман П. Психология лжи. СПб. : Питер, 2000. С. 245.

Отличительным признаком неправды является отсутствие у субъекта намерения исказить факты. Ложь же обычно определяется как умышленная передача сведений, не соответствующих действительности. Блаженный Августин определял: «Ложь – это сказанное с желанием сказать ложь».

М. Монтень также указывал на неодинаковость содержания неправды и лжи: «Мне хорошо известно, что грамматики устанавливают различие между выражениями «говорить ложно» (т.е. говорить неправду) и «лгать». Они разъясняют, что «говорить ложно» это, значит, говорить вещи, которые не соответствуют истине, но, тем не менее, воспринимаются говорящим как истинные, а слово «лгать» означает почти тоже самое, что «идти против собственной совести». Здесь, во всяком случае, я веду речь лишь о тех, которые говорят одно, а про себя знают другое»¹.

В общежитийском понимании ложь и неправда выступают как синонимы. Лгать – значит скрывать правду, искажать действительное положение вещей и состояние дел. Такого понимания достаточно для использования в быту, как отмечает А.А. Закатов, где ложь не приобретает особого социального значения. Однако для применения термина «ложь» в уголовном судопроизводстве, такой трактовки не достаточно, поскольку здесь необходим научно достоверный подход для предупреждения и разоблачения лжи в показаниях допрашиваемых лиц, так как не выявленная ложь может привести к не установлению истины в уголовном судопроизводстве².

Некоторые авторы полагают, что ложь можно различать по характеру, формам проявления и целям, которые преследуются теми, кто использует ее в качестве орудия борьбы с правосудием. Особую опасность представляет ложь неразоблаченная, от кого бы она ни исходила, поскольку в этом случае она может нанести весьма ощутимый вред правосудию, делу установления истины, принятию правомерных решений в уголовном процессе³.

¹ Цит. по: Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа... С. 71.

² Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. С. 37.

³ Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М. : Изд-во ИМПЭ ПАБЛИШ, 2004. С. 284.

Общепризнано, что всякая ложь уязвима. Отдельные ученые выявили определенные причины уязвимости лжи:

– невозможность, как правило, заранее продумать и отрепетировать линию поведения;

– допрашиваемые неизбежно, непроизвольно испытывают эмоции и чувства, скрыть которые очень трудно, но еще труднее их сфальсифицировать, подделать;

– страх разоблачения;

– угрызания совести, имеющие непосредственное отношение к чувствам лгущего, но не к виновности или невинности¹.

С помощью специальных методов и приемов следователь может убедиться с кем имеет дело – с правдивым или лгущим человеком. В зависимости от результата следователь строит версию о возможной причастности или непричастности к совершенному преступлению².

Помимо термина «ложь» ученые выделяют категорию «обман». Одни авторы, например П. Экман, используют термин «ложь» и «обман» как синонимы³. Другие же наоборот различают «ложь» и «обман». Последние аргументируют свою позицию следующим образом. Обман – полуправда, провоцирующая человека делать ошибочные выводы из достоверных фактов. Обман относится к более широкой категории, чем ложь. Обман совершается с расчетом на то, что собеседник сделает ошибочные выводы из достоверных фактов, рассказанных определенным образом. При изложении информации происходит перенос первостепенных акцентов на второстепенные. Информатор пытается прогнозировать поведение собеседника. Он предполагает, каким фактам в большей степени поверит собеседник, и в соответствии с этим прогнозом строит свое сообщение, которое лишь частично соответствует истине⁴. Основное отличие лжи от обмана заключается в том, что она всегда основана на вербальном или невербальном намеренно неистинном, лживом утверждении. Суть лжи

¹ Мартыненко Р.Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление. Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2003. С. 149–153.

² Образцов В., Богомолова С. Проверка правдивости показаний // Законность. 2002. № 9. С. 31.

³ Экман П. Психология лжи. С. 21.

⁴ Поваренков Ю.П., Черноморец Е.Г. Ложь как объект философского и психологического анализа [Электронный ресурс]. URL: http://sun20.history.yar.ru/vestnik/pedagoka_i_psichologiy/13_6.

всегда сводится к тому, что человек верит или думает одно, а в общении сознательно выражает другое. Цель лгущего – передать ложное сообщение. С помощью вербальных или невербальных средств коммуникации он хочет дезинформировать партнера, ввести его в заблуждение относительно истинного положения дел в обсуждаемой области. Обман же имеет другие признаки – стремление сознательно создать неверное представление о чем-либо у собеседника и передает ему часть подлинных фактов. Таким образом, не все случаи обмана включают ложь, но и не всякая ложь включает в себя обман.

Занимаясь исследованием вопросов лжи и обмана, В.В. Знаков, выделяет две основные разновидности обмана:

– обман с помощью полуправды (в данном случае следователю сообщаются некоторые подлинные факты, другая же важная для следствия информация умалчивается);

– обман посредством правды (в этом случае правда произносится так, что в нее нельзя поверить)¹.

Термин «ложь» – явление многоаспектное, имеющее несколько сторон – философскую, психологическую, логическую, социальную и, конечно, юридическую.

Если рассматривать ложь с философской стороны, то здесь мы наблюдаем, что, помимо термина «ложь», используется понятие «заблуждение». Понятие заблуждения тесно переплетается с понятием относительной истины, поскольку в ее содержание могут входить неопределенные утверждения, т.е. заблуждения.

Ряд авторов определяет заблуждение как определенный вид ложных высказываний, отличающийся от других ложных высказываний тем, что ложное принимается субъектом за истинное². Другие под заблуждением понимают обусловленное ограниченностью знания и практики несоответствие результатов познания правовой действительности принципам и требованиям истины и ведущее к наступлению ошибки³.

¹ Эжман П. Психология лжи. С. 252–254.

² Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. С. 39; Чудинов Э.М. Природа научной истины. С. 289.

³ Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правоведения (теоретико-методологический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2002. С. 124.

Философский словарь относительно рассматриваемого понятия предлагает следующую трактовку: «Заблуждение – несоответствие знания сущности объекта, субъективного образа – объективной действительности, обусловленное ограниченностью общественно-исторической практики и знания либо абсолютизацией отдельных моментов познания или сторон объектов»¹.

Следовательно, приведенные выше определения понятия «заблуждения» представляют собой лишь «гносеологические основания или отсылки», на основе которых создается «теоретическая концепция заблуждения».

К источниками заблуждения, как правило, относят:

- предубеждение, субъективные настроения, пристрастии, опрометчивые и поспешные обобщения;
- несовершенство умственных способностей, недостаток энергии, сосредоточенности или устойчивости мышления;
- недостаточность познавательного материала².

В научной литературе и практике, часто заблуждение отождествляют с ошибкой, но это не тождественные понятия. Заблуждение представляет собой определенное действие или процесс, который выражает неверное представление о свойствах и отношениях данного объекта в окружающем мире, и является причиной наступления негативного последствия. Ошибка же непосредственно указывает на результат. Следовательно, ошибка является причиной заблуждения. И правы те авторы, которые полагают, что если говорить о соотношении заблуждения и истины, то заблуждение служит «промежуточным звеном на пути к истине»³.

Итак, с философской стороны существует непреднамеренная ложь (заблуждение) и преднамеренная ложь. Преднамеренной лжи противостоит правда. Платон различал «ложь в словах» – как обман и «ложь в уме» – как ошибку. Возможно несколько случаев, где встречается преднамеренная ложь: во-первых, когда делается высказывание для других (например, при допросе); во-вторых, когда субъект осознает, что он делает ложное высказы-

¹ Философский энциклопедический словарь. С. 188.

² Николаев О. Истина в правоприменении // Право и жизнь. 2002. № 47. С. 39.

³ Лисюткин А.Б. Истина и заблуждение: гносеологический аспект исследования проблемы ошибок в юриспруденции // Правоведение. 2001. № 4. С. 29.

вание, а заблуждающийся не осознает этого и воспринимает его суждение за истинное.

С логической точки зрения, любое суждение, в котором искажены факты, неверно отражена действительность, следует признать ложным независимо от того, хотел субъект солгать или нет¹. С позиции логики источником заблуждения может быть логически неправильное мышление. Так, например, А.А. Закатов определяет логические ошибки как ошибки в умозаклечениях, рассуждениях, определениях понятий, доказательствах и опровержениях, вызванные нарушением законов и искажением форм мышления².

С психологической стороны ложь определяется как психосоциологический словесный акт воздействия, при помощи которого пытаются внушить человеку верование, не соответствующее истине. Внушение ложных «верований» может быть сознательным (продуманным, намеренным) и бессознательным³. Так, В. Штерн определяет ложь как сознательное, неверное показание, служащее для того, чтобы посредством обмана достичь определенных целей, и выделяет три признака лжи:

– человек должен осознавать ложность высказываемого им сообщения;

– должно быть намерение обмануть собеседника;

– в высказывании должна присутствовать целесообразность, стремление получить выгоду или избежать негативных последствий сложившейся ситуации (лгущий человек всегда имеет определенные мотивы и цель, которые побуждают его сообщать ложное сообщение)⁴.

Особое внимание следует обратить на то, что, по мнению В. Штерна, ложь может быть сообщена лишь на сознательном уровне (первый признак) и не может быть высказана на бессознательном уровне.

Иной является точка зрения О. Липманна. Он связывает понятие лжи с «волевым деянием». Он поясняет, что в сознании

¹ Горский Д.П. Логика. М. : Просвещение, 1963. С. 124.

² Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. С. 40.

³ Экман П. Психология лжи. С. 125.

⁴ Цит. по: Симоненко С.И. Психологические основания лжности и правдивости сообщений // Вопросы психологии. 1998. № 3. С. 78–79.

лжеца присутствуют ложные и истинные представления, между которыми происходит борьба. Для сообщения истинных представлений человеку необходимо проявить волю (совершить волевое деяние). Однако в данной борьбе могут победить и ложные представления, так как в силу вступают цели и намерения человека, направленные на результат¹.

А.А. Знаков определяет ложь как сознательное искажение знаемой истины. Считаем, что такой подход к пониманию лжи является наиболее адекватным и в полной мере отражает основное содержание категории «ложь».

Психологическая природа лжи проявляется в том, что ложь – сознательный и волевой акт поведения личности, иными словами, ложь – специфическая форма мышления. Ложь всегда имеет определенные цели и мотивы. Лжец неизбежно нарушает определенные психологические законы, в его памяти существуют одновременно два варианта события: действительное и вымышленное. В результате в сознании возникает противоборство между закрепившимся в памяти реальным событием и не имеющим прочных корней в памяти вымышленным событием. Нарушаются также законы мышления, поскольку лгущему приходится лавировать в уме между правдой, которую нельзя говорить, правдой, которую можно сказать лишь частично, и вымыслом, которым надо заменить скрываемую правду.

Но не надо забывать и том, что ложь имеет социальную и этическую стороны. Межличностное взаимодействие предполагает все точки человеческого бытия, где пересекаются культурные ценности, а также социальные интересы индивида. Межличностное взаимодействие, реализуясь в социальных ситуациях, регулируется в данном обществе определенными конвенциями. Индивид не существует вне определенной социальной общности и, будучи включенным в социальную коммуникацию, он несет в себе множество интересов – от государственных до семейных.

Правда и ложь помимо философской и логической, являются также категориями социальными. Основные социальные черты человека, его «человечность», коллективизм, понимание добра и

¹ Симоненко С.И. Психологические основания ложности и правдивости сообщений. С. 79–80.

зла, правды и лжи, чувство красоты, способность предвидеть будущее и связанное с ним чувство ответственности, ощущения романтической юности и т.д. – все это социально развивалось, было разным для разных исторических эпох, передаваясь при помощи социального (а не генетического) наследия.

С этической стороны ложь может быть лучше правды, использована во благо, так называемая «белая» или «святая ложь», которая не противоречит общечеловеческим ценностям. Определяющий момент здесь – это цели и мотив, которыми руководствуются. Можно привести такие примеры: малолетней жертве катастрофы на вопрос живы ли его родители, отвечают утвердительно, что есть заведомая неправда; безнадежно больному обещают, что он выздоровеет; пленный воин, находящийся в плену, вводит в заблуждение. Эти примеры можно продолжать бесконечно.

Справедливым, применительно к обыденной жизни, выглядит высказывание Э.М. Мурадяна о том, что никто не говорит всей правды, она дозирована, частична, и невозможно требовать правду во всей ее полноте, тем более от того, кто ею не обладает¹.

Применительно к уголовному судопроизводству А.А. Закатов замечает, что если целью уголовного судопроизводства является достижение объективной истины, то человек, лгущий на допросе, всегда поступает аморально, так же как и следователь, прибегающий к обману в отношении допрашиваемого².

Более того, позиция обвиняемого на предварительном следствии и на суде нередко определяется его стремлением к сокрытию истины путем дачи заведомо ложных показаний, к направлению следствия и суда по ложному пути, затрудняющему установление истины или вообще исключающему возможность ее установления³.

Мотивами, которыми руководствуются подозреваемый и обвиняемый при даче ложных показаний являются:

– страх перед разоблачением и наказанием, желание избежать ответственности;

¹ Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М. : Былина, 2002. С. 201.

² Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. С. 42.

³ Шаламов М.П. Теория улик. М. : Госюриздат, 1960. С. 6.

– стыд, боязнь позорящей огласки со стороны лиц, занимающих высокие посты, соответствующее положение, а также тех, кто совершает преступления на сексуальной почве, против несовершеннолетних;

– желание как можно дольше продолжать преступную деятельность, иметь деньги, жить сообразно желаниям;

– по групповым преступлениям – чувство ложно понимаемого долга, круговой поруки¹.

Следует отметить, что действующее российское законодательство предусматривает уголовную ответственность за отдельные виды лжи. Так, к уголовно наказуемым проявлениям лжи относятся: клевета (ст. 129 УК РФ), заведомо ложный донос (ст. 306 УК РФ), заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего, заведомо ложное заключение эксперта, заведомо ложный перевод (ст. 307 УК РФ).

Сначала разберемся, что такое есть заведомо ложные показания. Заведомо ложные показания – такие показания, которые умышленно искажают существенные обстоятельства, имеющие значение для установления истины по делу. Ложными являются показания, в которых сообщается о фактах, которые на самом деле не имели места, или искажается их смысл либо отрицаются или не сообщаются имевшие место факты. Ложные показания могут быть даны и в силу заблуждения. Исказить правду можно двояко – скрыв ее или сказав неправду, поэтому мы различаем ложь активную, состоящую из заведомо ложных показаний, и пассивную, заключающуюся в непередаче сведений, которые известны, т.е. умолчании. Таким образом, заведомо ложные показания всегда являются преднамеренной ложью, разновидностью активной лжи, которая влечет уголовную ответственность.

Из названных составов преступлений для уголовно-процессуальной деятельности интерес представляют заведомо ложное показание свидетеля или потерпевшего, поскольку это влияет на процесс доказывания по уголовному делу.

Согласно ст. 307 УК РФ, субъектами уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний являются свидетели и

¹ Порубов А.Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии. Минск : Амалфея, 2002. С. 25–26.

потерпевшие. Как видим в данном перечне не указаны такие участники уголовного судопроизводства, как подозреваемый и обвиняемый. И это обоснованно, поскольку УПК РФ для данных участников процесса предусматривает право на защиту, что означает право защищаться любыми средствами и способами, не запрещенными УПК РФ (ст. 47 УПК РФ). В соответствии со ст. 46, 47 УПК РФ для данных участников уголовного процесса не предусмотрена обязанность давать показания, это только их право. В соответствии с названными нормами они не предупреждаются об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Из данного анализа норм следует, что подозреваемый и обвиняемый имеют право на ложь в целях осуществления своей защиты.

Следует отметить, что в постсоветский период в законодательстве РФ (ст. 51 Конституции РФ) закреплено право не свидетельствовать против самого себя. Как подчеркивают некоторые авторы, это означает, что показания обвиняемого (подозреваемого) должны обязательно подтверждаться совокупностью иных доказательств (ч. 2 ст. 77 УПК РФ), и что эти показания должны быть даны добровольно¹.

Трактуя ст. 51 Конституции РФ, отдельные ученые приходят к выводу о том, что эта статья Конституции изначально узаконивает ложь в суде².

Как видим, право на ложь для подозреваемого и обвиняемого усматривается на законодательном уровне.

В судебной практике под правом на защиту в узком смысле этого термина принято понимать право подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой адвокатами. В широком смысле право на защиту означает право человека и гражданина на охрану его прав и свобод. Оно включает в себя множество субъективных прав:

– защита прав и свобод человека и гражданина соответствующими государственными органами (например, право на судебную защиту);

¹ Горбачев А. Признание обвиняемого – «особо убедительное доказательство»? // Российский юстиция. 2004. № 6. С. 38, 40; Он же. О допустимости показаний, данных лицом против самого себя // Адвокатская практика. 2004. № 2. С. 31.

² Куприянов А. Голос Божий в современном суде // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 3.

– права на самозащиту (например, право на молчание, право на ложь);

– права на получение квалифицированной юридической помощи.

Мнения ученых по вопросу имеет ли обвиняемый (подозреваемый) «право на ложь» разделились.

Одни авторы, например Я.О. Мотовиловкер, полагают, что право обвиняемого на защиту предполагает возможность законными средствами добиваться своего оправдания или признания меньшей степени виновности. Обвиняемый, по его мнению, не имеет права на ложь, поскольку после того как ложность показаний или объяснений обвиняемого установлена, они никаких прав для обвиняемого не порождают. Право на ложь обвиняемому не предоставлено не только нормами морали, но и нормами права¹.

Другие (в частности, А.А. Закатов) считают, что обвиняемый не несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний, однако это не означает, что обвиняемый имеет «право на ложь». Аморальность не может быть признана в законодательном порядке².

Третьи, полагают, что дача ложных показаний обвиняемым правомерна, поскольку обвиняемый не нарушает никаких правовых запретов и велений, а правосудие должно быть организовано таким образом, чтобы уметь отыскивать истину без помощи показаний обвиняемого³.

«Право на ложь» в отдельных случаях в сознании обвиняемого является тем крайним выходом, когда все действительные, истинные права реализовать невозможно... Право на ложь – это, во всяком случае, неюридическое право невиновного защищаться по исчерпанию легальных средств и способов защиты, оправдываемое экстремальностью ситуации его внутренней справедливостью, а также фактом нарушения противной стороной презумпции невиновности в отношении обвиняемого – отмечает

¹ Мотовиловкер Я.О. Обвиняемый не несет ответственности за ложные показания, но право на ложь ему не предоставлено // Проблемы доказывания по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1988. С. 24–25.

² Закатов А.А. Ложь и борьба с нею. С. 44.

³ Петрухин И.Л. Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого // Советская юстиция. 1965. № 7. С. 15.

Э.М. Мурадян, и далее – право на ложь обвиняемого – его естественное стремление избежать наказания без вины и преступления, освободиться от тягот, отчаяния, избежать неблагоприятной судебной перспективы, вырваться на свободу¹.

Возможность давать любые показания есть определенное социальное благо, которое предоставляется гражданам для защиты самого себя от обвинения. Интересна позиция И.А. Либуса, который отмечает, что при утверждении, что обвиняемому не дано права на ложь, смешивают различные понятия права юридического и морального. С юридической точки зрения дача обвиняемым ложных показаний не является неправомерной, поскольку обвиняемый не нарушает никаких правовых запретов, и, более того, реализует дозволение давать любые показания. Моральные же нормы, конечно, требуют порицания всякой лжи².

Мы же солидарны с теми авторами, которые считают, что обвиняемый (подозреваемый) имеет «право на ложь», являющееся элементом права на защиту, поскольку:

– когда говорят, что обвиняемый (подозреваемый) не имеет «право на ложь», смешивают право юридическое и моральное;

– обвиняемый (подозреваемый) не несет уголовной ответственности за дачу ложных показаний;

– непоследовательным является признание права обвиняемого не давать показания и вместе с тем непризнание за ним права на дачу ложных показаний.

Поэтому, мы поддерживаем намерение некоторых авторов, например Р. Куссмауль, которые считают, что исходя из сложившейся практики и нравственных принципов, необходимо законодательно закрепить за обвиняемым (подозреваемым) право на ложь, т.е. на сообщение любых ложных сведений, если это является способом его защиты³.

В заключении хотелось бы привести справедливое, на наш взгляд высказывание В.З. Лукашевича о том, что ложные показания обвиняемого являются социально-неодобряемыми действия-

¹ Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. С. 203–204.

² Либус И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент, 1981. С. 142.

³ Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 35.

ми. Предоставление права обвиняемому, а не возложение обязанности давать показания объясняется не стремлением законодателя получить правдивые показания, а необходимостью обеспечить ему право на защиту¹.

¹ Лукашевич В.З. Получение правдивых показаний обвиняемого – главная задача следствия // Осуществление правосудия по уголовным делам. Калининград, 1987. С. 7.

3. ДОСТОВЕРНОСТЬ И ВЕРОЯТНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

3.1. Вероятность и достоверность в процессе доказывания

Путь воссоздания реальной картины событий, имевших место в момент совершения преступления, представляет собой сложный процесс перехода от незнания к знанию, от вероятного к достоверному, к установлению по делу объективной истины.

Понятие вероятности является одним из фундаментальных понятий современной науки и используется в различных сферах человеческой деятельности.

Проблемой вероятности ученые, в особенности философы, интересуются уже достаточно давно. Еще Аристотель в своей «Риторике» дал анализ некоторых вероятностных умозаключений и попытался определить понятие вероятности. Согласно Аристотелю, то, что известно, что в большинстве случаев оно таким-то образом происходит или не происходит, существует или не существует, есть вероятное¹. В данном определении Аристотель попытался связать вероятность с категориями необходимости, случайности, возможности, общего и частного. Таким образом, Аристотеля по праву можно считать родоначальником развития вероятностной логики.

За Аристотелем последовала целая плеяда мыслителей, с разных позиций, обсуждавших проблему вероятности. Так, Платон пользовался понятием вероятности при описании обоснованности рассуждения. Но говорить о каких-то оценках, каких-то исчислениях вероятностей учеными древней Греции не приходится. Теории вероятностных описаний древних носили в основном логический характер, а понятие «вероятное» употреблялось ими в смысле «близкое к истине».

В XVII–XVIII вв. господствовала концепция вероятностей, которая теперь называется классической. Исторически первым материалом, на основе которого формировалась эта теория, были простейшие задачи из области азартных игр.

¹ Аристотель Сочинение. Т. 2. С. 252.

Во второй половине XIX в. и в первые десятилетия XX в. в связи с широким применением учения о вероятностях на передний план выдвигается частотная (статистическая) интерпретация вероятности. Сопоставляя классическую и статистическую интерпретации вероятностей, надо отметить, что если классическую вероятность можно определить до опыта, то статистическую вероятность – только после серии опытов по их результатам.

В первой половине XX в. все большее внимание уделяется логической интерпретации вероятности. С точки зрения логики, вероятность – это характеристика знания, описывающая степень его обоснованности, доказанности¹.

Во второй половине XX в. особую популярность завоевывает концепция субъективных (персональных) вероятностей.

Возникновение и развитие различных интерпретаций и трактовок понятия вероятности обусловлено различиями в характере решаемых познавательных задач. Классики теории вероятности Я. Бернулли и П. Лаплас связывали вероятность с умозаключениями, производимыми в условиях неполной информации о предмете. Позднее вероятность стали связывать со свойствами реальных процессов.

Круг случайных событий, имеющих вероятность весьма широк, так что результаты теории вероятностей находят применение в самых разных отраслях научных знаний. Поэтому понятие вероятности не является чисто математическим или чисто логическим понятием, это понятие многоаспектно. Одни авторы склонны абсолютизировать математический аспект вероятности, другие – ее логическую сторону и т.д.

Наиболее широкое применение вероятности имеется в рамках математической теории вероятностей, поэтому довольно часто понятие «вероятности» связывают только с указанной теорией.

Основные понятия математической теории вероятностей – случайное событие и его вероятность (а также случайная величина). Событие называется случайным при данных условиях, если при осуществлении этих условий оно может, как произойти, так и не произойти. Теория вероятностей изучает лишь случайные со-

¹ Горский Д.П. Логика. С. 56.

бытия, имеющие определенную вероятность. Наличие у случайного события определенной вероятности (p) появления при данных условиях проявляется в том, что при большом числе испытаний частота появлений событий равна отношению m/n , (где n – общее число испытаний, а m – число появления события в этих испытаниях) оказывается близкой к p)¹.

Уже в XVIII–XIX вв. предпринимаются серьезные попытки применения методов существовавшей тогда теории вероятностей для решения актуальных юридических проблем, в частности, уголовно-процессуальных, путем использования математического метода оценки вероятности.

Такие попытки предпринимались философами, математиками, естествоиспытателями. Так, французский ученый П. Лаплас, полагая, что теория вероятностей применима и к естественным, и к общественным наукам предложил три направления использования методов теории вероятностей в праве: для оценки свидетельских показаний, для анализа выборов и решений собраний, для определения вероятности ошибок в судебных приговорах².

Математик Пуассон разрабатывал аналитическую теорию судопроизводства. Однако попытки применения методов теории вероятностей к судебной деятельности были подвергнуты критике. Так, английский философ С. Дживанс подчеркивал, что люди, дающие показания перед судом, подвержены самым различным влияниям, которые не поддаются математическому учету, поэтому относительно этих условий нельзя применить математический аппарат и составить формулы, которые выражали бы их сущность³.

Русский академик В.Я. Буняковский, используя математический анализ вероятности свидетельских показаний, указывал, что вероятность справедливости согласно свидетельства возрастает с числом свидетелей. Однако он был убежден, что вопрос о правдоподобии свидетельств вообще останется навсегда нерешенным. При бесконечных оттенках сердца человеческого, страстей, тай-

¹ Гнеденко Б.В. Курс теории вероятностей : учебник. М. : Едиториал УРСС, 2005. С. 20.

² Цит. по: Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 45.

³ Цит. по: Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 113.

ных побуждений можно ли разгадать его вполне и потом оценить с точностью меру доверия к свидетельству? Самое разнообразие обстоятельств, сопровождающих объективно событие, по поводу которого прибегаем к свидетельствам, не послужит ли часто препятствием к совершенному познанию истины¹.

Такие идеи о математических методах в современной уголовно-процессуальной деятельности не нашли своего развития, так как для этого нужно было бы разработать методику формализации огромного количества факторов, которые необходимо учитывать при работе со сведениями о фактах и обстоятельствах уголовного дела и с доказательствами.

Тем не менее, некоторые ученые настаивают на использовании математической (статистической) вероятности в уголовно-процессуальной деятельности. Так, С.В. Курылев считает, что исследования в уголовном процессе могут быть выражены путем статистических наблюдений (анализ массовых случайных явлений), но в определенных пределах. В практической деятельности, отмечает он, успешно используется в качестве средства познания математическая вероятность не только будущих явлений, но и уже совершившихся. «Для того чтобы установить пригодность партии снарядов в 100 000 шт., можно ими выстрелить и узнать их пригодность с достоверностью, однако для практических целей такой способ познания хотя и возможен, но бессмыслен. Поэтому приходится поступать иначе определить достоверно пригодность, например, 100 шт., а пригодность остальных установить уже по вероятности, т.е. определить по вероятности качество не будущих, а уже имеющих налицо предметов, в том числе и каждого из них. И на вопрос о пригодности любого из данной партии снарядов вполне правомерен, например, ответ: девять шансов против одного, что снаряд пригоден»².

Некоторые авторы в зависимости от области знаний категорию «вероятность» предлагали рассматривать в двух значениях:

1. Вероятность в математике и точных науках – это количественная сторона возможности события в массовых явлениях, которая выражается рядом величин от нуля до единицы. Нулевой

¹ Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного... С. 114.

² Курылев С.В. О достоверности и вероятности в правосудии // Правоведение. 1968. № 1. С. 69.

показатель говорит о невозможности наступления события. А равная единице вероятность превращается в действительность или необходимость.

2. Вероятность в гносеологии – это проблематичное, приблизительное знание, объектом которого могут быть как массовые явления, так и единичные события. Именно в этом смысле понятие вероятности находит свое применение в уголовно-процессуальном доказывании¹.

В теории уголовного процесса отмечалось, что математика абстрагируется от содержательной стороны явлений. В теории вероятности, где рассматривается большое количество событий, индивидуальные особенности каждого из них не учитываются. Для уголовного процесса решающее значение имеют конкретные особенности индивидуального факта².

Поэтому, полагаем, что в доказывании по уголовным делам применение математической теории вероятностей весьма затруднено. Вероятность – это всегда мера возможности, и в процессе доказывания по уголовному делу она играет огромную роль, поскольку вероятностные представления обладают «колоссальной эвристической силой». Однако в уголовно-процессуальном доказывании процесс познания явлений происходит в ретроспективе. Следователь или дознаватель, чаще всего сталкиваются с уже совершенным преступлением, со следами преступления. Поэтому применение математических методов для выяснения вероятности происхождения того или иного варианта событий в расследовании преступлении не представляется возможным.

Как писал М.С. Строгович: «В уголовно-процессуальном доказывании, где познание носит преимущественно ретроспективный характер, понятие вероятности находит применение в его гносеологическом значении. Вероятность в судебном доказывании связывается с недостаточностью фактических данных, обосновывающих истинность выводов о наличии подлежащих доказыванию обстоятельств дела»³.

¹ Ларин А.М. От следственной версии к истине. М. : Юрид. лит., 1976. С. 183–184.

² Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М. : Наука, 1979. С. 305.

³ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса Т. 1. С. 327.

Вероятность получения доказательств в том или ином варианте произошедшего преступления обусловлена наличием и постоянным существованием связей, носящих либо случайный, либо необходимый характер.

С философских позиций, случай – это наступление непредвиденного, не предполагаемого события, и особенно его непредусмотренное заранее совпадение с другим, событием. То, что часто изображается как случай, вообще говоря, есть цепь непознанных или недостаточно хорошо познанных причин и следствий¹. Необходимость здесь же оценивается как философская категория, выражающая объективные связи материального мира. Реально или физически необходимым считается такое явление, которое неизбежно должно наступить, если имеются в наличии определенные условия, или должно произойти, если последует нечто².

Таким образом, можно прийти к выводу, что случайное противоположно необходимому и является его отрицанием. Тем не менее, одно не исключает другого. Как полагают некоторые авторы, признание противоположности случайного и необходимого не означает, что в своем проявлении случайное лишено необходимости. Мир случайных явлений отнюдь не является царством беззакония, в этом мире действуют свои, так называемые вероятностные законы³.

Случайное не просто сосуществует с необходимым – оно подчиняется необходимому, дополняет, конкретизирует необходимое, обуславливает форму его проявления.

Философский словарь объясняет взаимосвязь необходимого и случайного тем, что каждое живое существо, наделенное сознанием, в принципе обладает возможностью вмешиваться в причинную связь и изменять или управлять событиями в соответствии с целью, и поскольку намерения другого человека в принципе являются непознаваемыми, то результаты целенаправленной спонтанности другого действуют на человека как случаи, которые порождены им, хотя мыслима и такая позиция, с точки зре-

¹ Философский энциклопедический словарь. С. 418.

² Там же. С. 296.

³ Руденко А.В. Переход от вероятности к достоверности в доказывании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 14.

ния которой, не имеется никаких случайностей¹. То есть здесь признается жизнеспособной идея детерминизма о существовании простой непосредственной необходимости.

Что касается уголовно-процессуального доказывания, то связь между фактами, подлежащими доказыванию, может быть либо случайной, либо необходимой. В то же время, если происхождение каждого из них в отдельности можно объяснить случайностью, то допустить случайное совпадение всех фактов сразу невозможно. И, очевидно, потому, в частности, что каждый из них происходил в определенное время, и в определенном месте, в определенных условиях, под воздействием конкретных причин. Следовательно, чтобы допустить случайное совпадение всех промежуточных фактов, нужно допустить возможность случайного совпадения всего комплекса связей, которыми эти факты связаны между собой и с другими обстоятельствами. Комплекс этот бывает весьма сложен даже при наличии двух-трех фактов, а с появлением каждого нового, вероятность случайного их совпадения чрезвычайно быстро приближается к нулю².

В уголовном судопроизводстве, на первоначальном этапе расследования возникает ситуация, когда любое указание на вероятность того или иного варианта произошедшего события связано с недостатком информации об этом событии у познающего субъекта. При производстве различных следственных и процессуальных действий субъект доказывания сталкивается, прежде всего, с информацией о следах произошедшего события. Однако следы – это еще не доказательства, ибо в своем первоначальном виде они не могут быть использованы для аргументации промежуточных выводов³.

Я.В. Жданова справедливо замечает, что вероятностные представления всегда основываются на уже имеющихся достоверных данных (факты действительности). Хотя из одного вероятностного представления может вытекать ряд других, начальный источник их всегда достоверен, иначе мы имеем дело с чистой фантазией, основанной на придуманных сведениях. В каж-

¹ Философский энциклопедический словарь. С. 418.

² Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. Краснодар : Изд-во Кубан. ун-та, 1996. С. 85.

³ Руденко А.В. Переход от вероятности к достоверности... С. 13.

дом вероятном выводе есть элемент достоверности, поскольку вероятность означает недостаточно обоснованное знание и есть не что иное, как информация¹.

Существование вероятного знания обусловлено объективными и субъективными причинами. К первым относится отсутствие достаточных данных для обоснования единственно возможного вывода. Например, на начальном этапе расследования знаний о фактических обстоятельствах дела гораздо меньше, чем на заключительном. Причины субъективного характера заключаются в наличии профессионального опыта исследователя, запасе его знаний, умении правильно их применить в процессе познания.

Применительно к доказыванию, вероятным знанием надо считать такое знание фактических обстоятельств события, которое сформировалось у субъекта доказывания на основе изучения и оценки им некоторой, неисчерпывающей совокупности доказательственной и иной информации, которое допускает различное объяснение этих обстоятельств, оставляет место для сомнений относительно правильности того или иного объяснения и нуждается в дальнейшей проверке и обосновании.

Разумеется, при исследовании обстоятельств уголовного дела надо учитывать, что уголовное дело возбуждено именно потому, что представляется вероятным, что совершено преступление, хотя в момент возбуждения дела еще неизвестно с достоверностью, что так и было в действительности, и дальнейшее расследование должно все досконально проверить.

Специфичность процесса доказывания предопределяет в качестве средства достижения истины в уголовном процессе вероятностные знания. Посредством использования вероятностных знаний может быть не только достигнута истина, но и определены направления расследования, круг поиска доказательств, основания для принятия процессуальных решений.

С.В. Курылев правильно отметил, что истина и вероятность – разные понятия, но они связаны между собой так же, как связан результат познания со средствами познания, способом по-

¹ Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного... С. 117–118.

знания¹. Поэтому на основании большей или меньшей вероятности могут проводиться следственные действия по собиранию доказательств, приниматься промежуточные решения при расследовании и разрешении дела. Но вероятность как приближенное знание не может служить основанием для признания лица виновным в совершении преступления.

Ст. 49 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Согласно ст. 302 УПК РФ, обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана.

Очевидно, что закон требует установления достоверного знания в доказывании, вероятность не может служить основанием для обвинения. Если знание каких-либо обстоятельств предмета доказывания все-таки носит вероятностный характер, то, следовательно, процесс доказывания еще нельзя назвать законченным.

Авторы «Руководства для следователя» распространяют требование «истинности» на первоначальные и последующие этапы расследования². Но как можно требовать «абсолютно верного и полного установления всех фактических обстоятельств» при возбуждении дела, при предъявлении обвинения? Обоснованно предъявленным обвинением можно считать лишь такое, которое соответствует тому, что было совершено в действительности. Поэтому верно замечают некоторые ученые, что нельзя требовать достоверного установления обстоятельств, необходимых для принятия какого-либо решения, когда процесс доказывания еще не закончен, в частности, в момент принятия решения о возбуждении уголовного дела, когда процесс доказывания только начинается³.

¹ Курьлев С.В. Установление истины в советском правосудии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1967. С. 12.

² Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. М. : Экзамен, 2005. С. 21.

³ Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 54; Вопросы доказательственного права и предварительного расследования уго-

Другие ученые утверждают, что при раскрытии преступлений следователь имеет дело с двумя типами информационных моделей: вероятностными и достоверными. Первые служат средством познания, вторые – его результатом и целью¹.

Как отмечали Р.С. Белкин и А.И. Винберг, вероятность и достоверность могут быть раскрыты в нескольких значениях:

1. В гносеологическом: достоверность – доказанная обоснованная истинность, т.е. форма существования истины. Достоверность выводов следствия и суда означает, что эти выводы не только истинны, т.е. соответствуют действительности, но и «достойны веры» – доказаны, обоснованы. Вероятность же рассматривается как количественная характеристика возможности существования данного факта.

2. В логическом: с формально-логической стороны понятие достоверности совпадает с гносеологической его трактовкой. Достоверность – обоснованное истинное знание. Вероятный вывод есть следствие вероятного, т.е. проблематического характера основного или обосновывающего знания или того и другого вместе.

3. В информационном: понятие достоверности и вероятности исходят из диалектического представления о развитии знания от его вероятного значения до достоверного. Доказательство истинности суждения есть процесс перехода от вероятности меньшей степени к ее большей степени, являющейся относительной достоверностью, и от нее к достоверности².

Определение достоверности доказательств заключается в установлении соответствия этих доказательств объективной действительности.

Установление достоверности или недостоверности отдельных доказательств обеспечивается:

– непрерывной оценкой доказательств на всем протяжении расследования;

ловных дел (по материалам судебной практики). М., 1987. С. 26; Зинатуллин З.З. Вероятное и достоверное в процессуальных решениях следователя // Проблемы доказывания по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 1988. С. 11.

¹ Ратинов А.Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации // Вопросы кибернетики и права. М. : Наука, 1964. С. 191.

² Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М. : Юрид. лит., 1969. С. 203–211.

– использованием разнообразных средств и приемов установления, исследования и оценки доказательств в полном и точном соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального закона;

– стадийностью процесса познания истины по уголовному делу, выражающейся в стадийности расследования и в целом уголовного процесса, благодаря чему обеспечивается постепенность и последовательность в установлении достоверности доказательств относительно всей их системы, которой располагает следователь (суд) на определенном этапе (стадии) процесса познания.

При этом отдельные авторы отмечают, что знание определяется как достоверное, когда:

– у субъекта познания (доказывания) имеется полное основание утверждать, что его истинность окончательно установлена, так что она не нуждается в дальнейшем обосновании (доказательстве);

– у субъекта познания (доказывания) имеется полная субъективная уверенность, убежденность в нем¹.

Вероятность в криминалистике предстает в форме гипотезы, версии. Так, А.А. Старченко считает, что гипотеза, как форма развития знаний, представляет собой обоснованное предположение, выдвигаемое в целях объяснения существования свойств и причин исследуемых явлений².

Представляется, что, будучи предположением, версия сама по себе еще не содержит достоверного знания, она лишь выступает логическим средством формирования объективной истины по делу.

Д.П. Горский под гипотезой понимает сложный процесс мысли, состоящий в построении предположения о причинах наблюдаемых явлений и в доказательстве этого предположения³.

В логике термин «гипотеза» употребляется двояко:

¹ Бохан В.Ф. Формирование убеждения суда. Минск : Изд-во БГУ, 1973. С. 33.

² Старченко А.А. Гипотеза. М. : Госюриздат, 1962. С. 3.

³ Горский Д.П., Кокорев Л.Д., Элькин Л.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. С. 124.

– для обозначения самого предположения о причинах наблюдаемых явлений;

– для обозначения процесса мысли, ведущего к построению предположения о причинах наблюдаемых явлений¹.

В доказывании нас больше всего интересует само предположение. Расследование и судебное разрешение уголовного дела включает исследование различных версий, т.е. вероятных объяснений фактов и данных. Следствие и суд идут от вероятности тех или иных фактов и данных, тщательно проверяя все возможные по обстоятельствам дела версии, к истине, к достоверности².

Следственные версии могут быть истинными, но об этом мы узнаем лишь после того, как они доказаны, т.е. ретроспективно. Недоказанная версия не истина, а лишь предположение. После того как версия доказана, она перестает быть версией и становится истиной³.

Нам представляется, что о версии нужно говорить как о форме выражения вероятностных знаний. Содержание версии есть предположение субъекта доказывания об интересующих его обстоятельствах дела. Это предположение действительно может подтвердиться в результате расследования, а может и отпасть, как несостоятельное, не соответствующее полученным доказательствам. В том случае, когда следователь с самого начала расследования отдает предпочтение какой-либо одной версии, то поиск доказательств идет в направлении подтверждения избранной версии, такая ошибка не редкость. Позже субъект доказывания может осознать тщетность своей работы в избранном направлении, но время и возможности для компенсации работы над неисследованными областями предположений, как правило, уже утрачены. Поэтому крайне опасна убежденность в истинности версии, пока не исчерпаны все возможности следствия по всестороннему, полному и объективному расследованию. Еще Г. Гросс писал: «Никогда не

¹ Горский Д.П., Кокорев Л.Д., Элькинд Л.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. С. 124.

² Проблемы судебной этики / под ред. М.С. Строговича. М., 1974. С. 120.

³ Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде. С. 19.

нужно увлекаться одной предвзятой идеей. Нужно твердо держаться этого весьма важного основного правила»¹.

Следует отметить, что в уголовном процессе суд, хотя и обладает полномочиями по проведению судебных действий, однако неактивен в собирании доказательств, его задача – это их оценка, исследование. Собирать доказательства должны стороны. В этом суд может оказать содействие обвиняемому и защитнику. Производство первоначальных следственных действий по-прежнему фактически остается прерогативой органов предварительного расследования. И именно им предоставляется возможность оказаться у первоисточников информации о преступлении. Именно от их грамотно проведенных действий зависит полнота и степень наполняемости знаниями имеющихся версий.

Суду остается возможность проверить процессуальные критерии предоставленных следствием доказательств. Версии, выдвигаемые судом в ходе судебного рассмотрения дела, функционально носят проверочный характер. Суд может провести по собственной инициативе ряд действий: вызвать и допросить новых свидетелей или назначить судебную экспертизу при необходимости проверки доказательств.

В настоящее время в уголовном судопроизводстве выделяют два способа оценки доказательств: формальная оценка доказательств и свободная (на основе внутреннего убеждения).

Ученые-процессуалисты конца XIX в., и особенно начала XX в. задачу судебного решения сводили к субъективной уверенности судьи в правильности своего решения. В дальнейшем эта идея была развита Л.Я. Вышинским, по мнению которого понимание и оценка каждого отдельного «обстоятельства дела», а тем более их «совокупности», стоит в прямой связи с укоренившимися в сознании людей представлениями, логическими и нравственными воззрениями, со всем тем, что называется правосознанием и что оказывает глубокое влияние на каждый шаг практической юридической деятельности судей, прокуроров и следователей как

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М. : ЛекЭст, 2002. С. 21.

членов своего «общества, членов тех или других общественных классов¹.

Как известно, внутреннее убеждение субъекта доказывания в истинности полученных знаний формируется под влиянием собранных по делу доказательств, во всяком случае, к этому обязывает закон.

По мнению С.А. Шейфера, в логическом плане доказательство – это аргумент, которым располагает следователь, прокурор, судьи для построения выводов о неизвестном событии. Такой аргумент должен иметь форму некоего суждения: «подозреваемый угрожал потерпевшему расправой», «на одежде имеются следы крови», «через пролом в стене нельзя пронести телевизор» и т.д. Очевидно, что подобные суждения не могут возникнуть сами по себе, т.е. вне познавательной деятельности субъектов доказывания. Данные, отразившиеся в материальных объектах, должны быть восприняты и преобразованы ими в форму суждения. Суждения, хранящиеся в памяти людей, также должны стать известными следователю, прокурору, судье и зафиксированы в материалах дела².

Таким образом, получается, что в итоге процессуальной деятельности следователя постепенно накапливается определенный объем таких аргументов, которые в преобразованном виде отражают те явления и события, которые имели место в действительности. То есть познание в доказывании, как и все научное познание, стремится от единичного к общему – от ничтожных обрывочных сведений, полученных на начальных этапах расследования, к воссозданию всей картины преступления. Как справедливо полагают некоторые авторы, единичные факты с данными с которыми сталкивается следователь в самом начале расследования, еще не позволяют категорически утверждать наличие объективной связи между ними и преступлением. Вначале эта связь только предполагается. Вероятность сменяется достоверностью по мере накопления новых фактических данных³.

¹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. С. 158.

² Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 27.

³ Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. С. 90.

Ранее нами уже было отмечено, что в результате получения не вероятных, а ошибочных сведений, а также в случае пренебрежения какой-либо вероятностью, ошибочным может оказаться весь итог расследования. Реальная судебно-прокурорская практика зачастую об этом свидетельствует. Встречаются случаи, когда постичь истину по каким-либо причинам не удается. Отсутствие доказательств не означает, что какого-то деяния не происходило. В практике встречаются случаи, когда правоохранительные органы обладают информацией о совершенном преступлении или преступлениях, однако, не могут по каким-либо причинам собрать доказательства для подтверждения этой информации. То есть возникает ситуации, когда деяние в действительности имело место, но доказательств этого не добыто, или добыты такие, которые отражают его несколько искаженно.

По утверждению Н.Г. Стойко, когда следователь или суд, на основе соответствующих доказательств, приходят к достоверному выводу о наличии или отсутствии, например, виновности какого-либо лица в совершении преступления, это всегда означает логическое и юридическое (в процессуальном акте) завершение доказывания по делу. Когда же следователь или суд приходят к выводу о недоказанности виновности, логическое завершение доказывания невозможно, но, тем не менее, юридически доказывание должно быть завершено принятием соответствующего решения. Доказывание может завершиться достижением истины, ее не достижением или частичным достижением. В первом случае имеет место доказанность обстоятельств дела, в противном – недоказанность. Каждому из этих состояний соответствуют определенные пределы доказывания. Доказанности обстоятельств дела такие, при которых выводы следствия и суда соответствуют объективной действительности. Недоказанности – такие, при которых выводы следствия и суда соответствуют невозможности дальнейшего доказывания¹.

Также существует мнение о том, что достигнуть достоверности при расследовании удается не всегда, на это существует много причин: противодействие следователю, следственные, судеб-

¹ Стойко Н.Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. С. 22.

ные ошибки и др. «Судебные, следственные ошибки всегда были, есть и будут. Человеческое правосудие не совершенно. Назначение права не в том, чтобы создать рай на земле, а в том, чтобы не дать ей превратиться в ад»¹. Однако это не означает, что нет необходимости устанавливать истину по каждому конкретному факту. Нужно и необходимо стремиться к этой цели, чтобы ее достичь, правильно применяя все необходимые для этого средства.

Таким образом, вопрос о соответствии истине какой-либо версии, получает свой адекватный ответ лишь при вынесении приговора. На стадии предварительного расследования, вплоть до составления обвинительного заключения, выдвинутые версии много раз преобразовываются, конкретизируются, синтезируются, пока следователь не приходит к выводу о достижении истины. Составляя обвинительное заключение, следователь, по сути, формулирует версию, которая, по его мнению, достоверно подтверждается собранными по делу доказательствами, ссылки на которые он также производит в обвинительном заключении. При рассмотрении дела в суде сторона обвинения, как правило, поддерживает версию следствия. Сторона защиты, наоборот, может ходатайствовать перед судом об исследовании обстоятельств дела по иным версиям, если следствием они недостаточно проверены.

Прав был М.С. Строгович, говоря, что разница между вероятностью и достоверностью не количественная, а качественная, достоверность ни в коем случае нельзя рассматривать как высокую степень вероятности. Как бы ни была высока вероятность какого-либо факта (например, виновность обвиняемого), пока это вероятность, всегда имеется вероятность обратного (т.е. невиновности); самая высокая степень вероятности оставляет возможность иного решения дела².

Имеется мнение о том, что накопление доказательств должно обязательно строиться по определенной схеме: доказательства должны не просто суммироваться, а накапливаться и умножаться, полученные знания всегда должны находиться в определенной системе: «переход от вероятности к достоверности в доказывании возможен только благодаря фактору системности, т.е. наличию

¹ Александров А. О значении концепции объективной истины. С. 23.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 328.

связей между компонентами системы – доказательствами и промежуточными фактами. При этом важное (если не решающее) значение имеет то обстоятельство, что каждое доказательство и каждый промежуточный факт связаны друг с другом и с предметом доказывания одновременно несколькими формами связей. Одна система связей (например, причинных, а тем более – временных, пространственных и т.д.) обычно не дает оснований для достоверного вывода. Это возможно лишь при наличии нескольких различных систем связей, «наложенных» друг на друга»¹.

Теории доказательств известны две логические концепции перехода вероятного знания в достоверное: путем дискретного превращения «вероятности» в «достоверность» в результате опровержения всех «конкурирующих» версий, и путем постепенного снижения уровня «вероятности» и ее приближения к «достоверности» по мере накопления аргументов (доказательств)².

Перечень выдвинутых версий должен быть исчерпывающим, т.е. необходимо «строить» все без исключения возможные версии. Но практически невозможно проверить и опровергнуть все теоретически мыслимые версии (например, доказать непричастность всех жителей города и приезжих, находившихся в нем в день убийства). Такая возможность бывает лишь в тех случаях, когда круг лиц, возможно причастных к преступлению, заведомо ограничен. И даже если по делу имеется возможность выдвижения и проверки всех мыслимых версий, то все равно единственная оставшаяся из них нуждается в позитивном обосновании, а это возможно только по правилам неформальной логики. Выдвинуть можно, бесспорно, множество версий о возможных лицах, совершивших преступление, но детально проверить и опровергнуть каждую из них весьма проблематично. Кроме того, нет гарантии того, что ряд выдвинутых версий является исчерпывающим.

Роль, место и соотношение двух концепций трансформации вероятности в достоверность могут быть различными на отдельных этапах уголовного судопроизводства. В процессе предварительного расследования уголовного дела в качестве основной следователем используется вероятностная схема доказывания.

¹ Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. С. 84.

² Овсянников И. Логика доказывания в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 5.

Метод же исключения конкурирующих версий реализуется в качестве вспомогательного. Метод исключения версий помогает, как правило, следователю найти ту из них, которая правильно отражает расследуемые события и впоследствии должна быть доказана по вероятностной схеме в суде.

В любом случае, несмотря на расхождение по данному вопросу, ученые в большинстве своем единственным способом достижения истины считают переход от вероятности к достоверности, и огромную роль в этом переходе играют вероятностные знания.

Отдельные авторы подчеркивают, что достоверность и вероятность, конечно, категории противоположные, но противоположные диалектически. Противоположности – не противоречия, они дополнения. Вероятность дополняет достоверность, предупреждая ее от излишнего самомнения¹.

Именно категории достоверности и вероятности дают возможность исследовать процесс получения истинного знания, механизм перерастания знания недостоверного в достоверное.

Подводя итог всему вышеизложенному необходимо отметить, что значение вероятностных знаний заключается в их непосредственном восприятии и содержании информации, находящей в дальнейшем свое удостоверение и подтверждение. Вероятностные знания являются промежуточным результатом мыслительной и практической деятельности субъектов доказывания. Предположения, построенные с учетом выработанных наукой и практикой судебного доказывания рекомендаций, позволяют аккумулировать имеющуюся на момент их построения совокупность разрозненных отрывков информации о совершенном преступлении. Расследование преступления путем поэтапного построения и исследования вероятностных систем знания – единственный путь для скорейшего достижения достоверно установленной истинной картины преступления.

¹ Смирнов А.В. Принципы уголовного судопроизводства. СПб. : СПбГИ, 2002. С. 23.

3.2. Соотношение понятий «истина» и «достоверность»

В понятиях достоверности и истины выражаются конечная цель и основная задача уголовно-процессуального доказывания. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о соотношении понятия достоверности с понятием истины, поскольку это имеет важное значение не только для теории уголовного процесса, но и для практической работы органов расследования, прокуратуры и суда.

Учение об истине насчитывает тысячелетия своего существования, начиная с античности. В общих чертах истина определяется как адекватное отражение действительности субъектом, воспроизведение ее такой, какова она есть вне и независимо от сознания (см. гл. 1). Вопросы понятия «достоверности» отражались в литературе в меньшей степени, но тоже достаточно часто.

До принятия действующего УПК РФ понятийная категория «достоверности» имела только гносеологический характер. Впервые законодатель в разделе «доказательства и доказывание» употребил дефиницию «достоверность» (ст. 88 УПК РФ), обозначив ее как критерий и придав ей тем самым статус правовой категории.

Первоначальная трактовка достоверности зарубежными учеными сводилась к известной степени вероятности или субъективной уверенности лица, оценивающего доказательства, в существовании или несуществовании фактов¹. Здесь имеет место подмена объективных критериев достоверности субъективным мнением лица, оценивающего доказательства. Такой подход чреват ошибочными выводами по делу, вплоть до осуждения лица за преступление, которого оно в действительности не совершало. На практике такой подход к достоверности означает, что достоверным может быть признано такое доказательство или совокупность доказательств, которое убедит судей в существовании факта, безотносительно к тому, достоверно ли оно на самом деле. Подобная позиция приводит к опасным для практики выводам, а именно к тому, чтобы осудить человека вовсе не обязательно, чтобы он был действительно виновен – достаточно убеждения судьи в его виновности на основе тех доказательств, которые этому судье представлены.

¹ Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного... С. 64.

Процессуальная зарубежная литература конца XIX – начала XX в. выдвигает еще одну трактовку достоверности: как высокой степени вероятности. Все юристы, утверждавшие, что суд не может достигнуть абсолютной истины и должен довольствоваться высокой степенью вероятности, отождествляли последнюю с достоверностью¹.

Применительно к рассматриваемой проблеме Гегель писал: «Абсолютное знание есть истина всех способов сознания, потому что... лишь в абсолютном знании полностью преодолевается разрыв между предметом и достоверностью самого себя, и истина стала равной этой достоверности, так же как эта достоверность стала равна истине»².

И. Кант, в свою очередь, выдвинул следующую трактовку достоверности: «Что-либо достоверно, поскольку познается невозможность того, чтобы некоторое познание было ложным»³. Эта трактовка идет путем определения от противного. Из положения И. Канта, утверждавшего, что достоверное не может быть ложным, вытекает абсолютно справедливый вывод: что достоверно, то всегда истинно.

В русском языке слово «достоверный» означает достойный веры, не вызывающий сомнений. Частица «досто-» ставится перед существительным и прилагательным для усиления их значения и достоинства. Достоверный – стоящий веры, вполне верный, истинный, несомненный. Достоверным считается знание, которое точно и полно отражает действительность. Достоверность – свойство, качество, принадлежность достоверного⁴.

Понятие «достоверность» часто применяется к различным источникам сведений о фактах, например, достоверное сообщение, достоверное показание, достоверные сведения и т.п. Понятие же «истинность» применяется к суждениям, утверждениям, теориям, взглядам – истинная теория, истинное утверждение и т.д.

¹ Цит. по: Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 40.

² Гегель Г. Наука логики : в 3 т. М. : Мысль, 1970. Т. 1. С. 102.

³ Кант И. Сочинения 1747–1777 гг. : в 2 т. М. : СОЦЭКГИЗ, 1940. Т. 2. С. 292.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : избр. ст. М. : ОЛМА-ПРЕСС : Красный пролетарий, 2004. С. 179.

В свое время, Л.Е. Владимиров под уголовно-судебной достоверностью понимал такое стечение вероятностей, вытекающих из представленных на суде доказательств, которое способно привести судью к внутреннему убеждению в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследования, имело место в действительности¹.

В связи с этим представляется, что следователь, дознаватель, прокурор и суд обязаны принимать относящиеся к их компетенции решения лишь в случае основанной на доказательствах уверенности в точном и полном соответствии их выводов тому, что было в действительности. Как справедливо полагали отдельные авторы, выводы должны быть истинными, а об объективной истине речь идет тогда, когда органы следствия и суда устанавливают фактические обстоятельства дела в точном соответствии с действительностью, когда осуждается действительно виновный, а невиновный ограждается от уголовной ответственности².

В этой связи важное теоретическое и практическое значение в доказывании имеет выяснение соотношений понятий истинности и достоверности. По этому поводу в литературе сформировались две диаметрально противоположные точки зрения.

Авторы первой из них утверждали, что понятие истинность и достоверность не совпадают³.

Авторы же второй концепции не разделяли истинность и достоверность⁴.

Придерживаясь первой точки зрения рассматриваемой проблемы, Г.М. Резник утверждает, что «истина» и «достоверность» совпадают не полностью, истина может существовать не только в форме доказанного обоснованного знания, но и в виде гипотезы⁵.

Получается, что следователь выдвигает какую-то версию — истину, затем обосновывает ее с помощью доказательств, и исти-

¹ Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. С. 36.

² Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. С. 15.

³ Смирнов А.В. Достоверность и вероятность при установлении фактического основания уголовно-процессуального решения // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. Иркутск, 1984. С. 127; Мохов А.А. Использование специальных знаний при разработке версий в суде // Российский судья. 2002. № 7. С. 10; Барабаш А.С. Истина и достоверность в уголовно-процессуальном познании // Вестник КрасГУ. Красноярск, 2004. С. 227.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 173; Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде. С. 17.

⁵ Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М. : Юрид. лит., 1979. С. 63.

на превращается в достоверность. В итоге процесс доказывания по уголовному делу превращается в юридическую формальность. Но, как верно заметил Г.А. Печников, отстаивая противоположное мнение, при таком подходе истинность отождествляется не с достоверностью, а с вероятностью, с гипотезой, с версией¹. Просто «удостоверенная» доказательствами «истина в виде гипотезы» никогда не станет достоверностью, достоверным знанием².

Мнения о разграничении «достоверности» и «истинности» придерживались А.Р. Ратинов и А.А. Эйсман. Достоверным, согласно мнению этих ученых, является обоснованное, доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений³. Из этого следует, что всякое достоверное знание является истинным, но не всякое истинное суждение может быть признано достоверным. Истинным может оказаться и случайное, неаргументированное высказывание, например, можно сделать такое предположение: «А убил Б». Данное суждение уже изначально является либо истинным (поскольку истина не зависит от нашего знания о ней), либо ложным. Но на момент высказывания субъект может этого и не знать. Если впоследствии оно подтвердится и будет установлено, что А действительно убил Б – высказывание действительно будет истинным, аргументированным, обоснованным.

А.Р. Ратинов и А.А. Эйсман выводят требование достоверности знаний в уголовном судопроизводстве разграничением познания «для себя» и познания «для других», из общественного характера познания в судебном доказывании, поскольку в процессе доказывания полученные знания предназначены для использования не самим познающим субъектом – они имеют целью убедить в достоверности, а тем самым и в истинности своих выводов других участников судопроизводства, а в конечном итоге все общество.

Но доказывание не должно носить формальный характер. Только при помощи доказательств следствие и суд не только удо-

¹ Печников Г.А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2003. № 3. С. 78.

² Печников Г.А. О вероятной и объективной истинах в уголовном процессе // Правоведение. 2004. № 4. С. 122.

³ Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8. С. 107; Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе. С. 92–97.

стоверяют уже познанную истину, а, прежде всего, сами познают ее. Как справедливо замечал М.С. Строгович, в судебном доказывании познание не сопровождается этой удостоверительной деятельностью, а включает ее в себя, так как доказательства нужны не для того, чтобы убедить в истинности данного вывода других, а, прежде всего, для того, чтобы к этому выводу прийти самому¹.

Авторы, высказывающиеся за несовпадение категорий «истинности» и «достоверности» обосновывают свою точку зрения тем, что в судебном доказывании в процессе получения истинного знания, в механизме перехода знания недостоверного в достоверное почти не встречается знаний, истинность которых постулируется, и всякое знание на первых порах выступает обычно как проблематичное.

И далее – категория истины охватывает собой только отношение между высказыванием и объективной реальностью, абстрагируясь при этом от субъекта – носителя знаний, а также от путей получения истинного знания. Истина объективна, ее содержание не зависит от сознания человека, не меняется в зависимости от доказательства².

Следовательно, от того, что мысль не доказана, т.е. высказана без ссылки на какие-либо основания, она не перестает быть истиной. Однако для юридической практики это неприемлемо, поскольку по уголовному делу истина будет достигнута лишь тогда, когда сделанный органом расследования вывод будет обоснован собранными в соответствии с законом доказательствами.

Верно, что истина характеризует адекватное отношение мысли к объекту. Но это отношение на логической ступени познания устанавливается не иначе, как доказательствами, и лишь при полной доказанности тождества утверждение становится достоверным. И как отмечает И.Л. Петрухин, придерживаясь второй точки зрения (т.е. не разделяет истинность и достоверность), истина всегда достоверна. Опыт истории учит: истина есть толь-

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 326.

² Орлов Ю.К. О соотношении и содержании категории истина и достоверность... С. 128–129.

ко то, что доказано и проверено практикой. Сама истина существует лишь постольку, поскольку она доказана¹.

Версии свидетельствует о том, что достоверно нам не известно, они возникают вследствие недостаточности нашего знания на данной ступени развития познания. Но это не означает, что они чисто субъективны и не имеют никаких объективных основ. В определенном смысле версия также может соответствовать действительности, а, следовательно, быть истинной или ложной. Степень вероятности выражает степень нашей убежденности в реальности существования факта или явления. Однако при любой степени вероятности не исключается возможность противоположного решения, а, следовательно, вероятностное знание не может иметь доказательственного значения по делу. Поэтому, на наш взгляд, справедливо принципиальное высказывание М.С. Строговича о том, что достоверность исключает возможность всякого иного решения, вероятность же допускает возможность иного решения². Даже то положение, что вероятное суждение может быть истинным ничего не меняет, поскольку следователь и суд должны не предположить истину, не угадать ее, а установить, доказать³.

Являясь сторонником второй концепции, М.С. Строгович писал: «Достоверность – это то же самое, что истинность. То, что достоверно, то и является истинным»⁴.

И.Л. Петрухин также утверждает, что слово «достоверный» происходит от понятия «достойный веры». А достойным веры может быть только доказанный вывод. Но если вывод доказан, то его следует рассматривать как истинный. Значит, достоверный – это истинный⁵.

Вместе с тем в теории уголовного процесса имеет место компромиссное предложение, И.М. Лузгин считает, что истина и достоверность близкие, но не совпадающие понятия⁶. Понятия «истинный» и «достоверный» означают, что в отношении предмета

¹ Петрухин И.Л. Достоверное знание и судебные ошибки // Правовое регулирование общественных отношений. М. : МГПАН, 1976. С. 75–76.

² Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства... С. 89.

³ Белкин Р.С., Винберг А.И. Криминалистика и доказывание... С. 205–206.

⁴ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 173.

⁵ Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде. С. 19.

⁶ Лузгин И.М. Расследование как процесс познания. М., 1969. С. 160.

исследования достигнуто адекватное, непротиворечивое знание. И тем, и другим понятием мы определяем соответствие действительности наших знаний. Поэтому существующая в науке точка зрения о равнозначности этих понятий не содержит в себе принципиальной ошибки.

Следует отметить, что, придерживаясь точки зрения о несовпадении понятий «истинность» и «достоверность», разные авторы по-разному видят их соотношение. Так, Ю.К. Орлов отмечает, что понятие достоверности знания по сравнению с истинностью значительно шире, диалектичнее. Категория истины характеризует знание только с одной стороны – со стороны соответствия или несоответствия объективной реальности, независимо от условий его получения. Вопрос же о путях его достижения, о критериях истинности находится за пределами данного понятия¹.

Л.М. Карнеева же, различая понятия истины и достоверности пишет: «В отличие от истины, определяющей соотношение объекта познания и его отражения субъектом, достоверность – отношение трехмерное, охватывающее объект, его отражение и отношение к отражаемому познающего субъекта: его убежденность, уверенность в правильности отражения»².

Относительно последнего высказывания А.М. Ларин справедливо заметил, что трудно согласиться с последней точкой зрения, в силу того, что истина понимается не как «соотношение объекта познания и его отражения субъектом», а как «объективно-верное отражение в голове человека явлений и процессов природы»³.

Представляется, что нельзя рассматривать, что признак убежденности, уверенности отличает истину от достоверности. Истина – это знание, и, следовательно, она включает в себя уверенность. Увериться – значит, проверить, т.е. собрать доказательства, убеждающие в правильности какого-либо предположения. Уверенность как убеждение неотъемлема от истины – правильного и полного отражения действительности. Убедиться можно и должно лишь в том, что достоверно, истинно выяснено, познано.

¹ Орлов Ю.К. О соотношении и содержании категории истина и достоверность... С. 129.

² Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юрид. лит., 1971. С. 122.

³ Ларин А.М. От следственной версии к истине. С. 186.

Отдельные авторы отмечают, что понятие «уверенность» знания следует отличать от понятия «обоснованность». Поскольку «уверенность выражает субъективно-психологическое отношение субъекта к знанию (суждению). Степень уверенности зависит от логической обоснованности, но на степень уверенности помимо этого влияют и другие, нелогические факторы (субъективные склонности, пристрастия, привычки, интересы и т.д.)¹.

Существует позиция, согласно которой достоверность, в отличие от истины, характеризует способ получения истины. Так, А.А. Эйсман пишет: «Истинная мысль обычно является результатом глубокого всестороннего изучения фактов. Но бывает и так, что истина открывается интуитивно, по догадке»², из данного высказывания следует вывод, что догадка является способом познания истины и не требует изучения фактов. Как справедливо замечает А.М. Ларин: «Истина, независимая от исследования, т.е. от восприятия и осмысления фактов, – это уже что-то вроде мистического «озарения свыше»³.

А.А. Эйсман продолжает: «И если мысль, возникшая в результате кропотливого исследования либо случайно угаданная, после проверки практикой оказывается соответствующей действительности, она истинна независимо от способа получения»⁴. Если истинность догадки устанавливается в результате проверки практикой, то получается, что проверка догадки – это и есть процесс исследования. Следовательно, взгляд на догадку и исследование как на два самостоятельных способа достижения истины, не целесообразен. Но А.А. Эйсман различает их в связи с тем, что первый проблематичен, а второй надежен. Исходя из этого, он пишет: «Достоверным мы будем называть такой способ познания, который необходимо ведет к истине как к результату познания. Проблематичный же способ познания либо ведет к ней, либо не ведет. Таким образом, истинность или ложность характеризуют отношение результата познания, т.е. мысли, к объективной дей-

¹ Овсянников И.В. Вооружены ли следователь и суд критерием истины. С. 38–39.

² Эйсман А.А. Некоторые вопросы оценки доказательств как количественной характеристики достоверности доказывания // Вопросы кибернетики и права. М. : Наука, 1967. С. 169.

³ Ларин А.М. От следственной версии к истине. С. 188.

⁴ Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе. С. 92.

ствительности. Достоверность и проблематичность характеризуют отношение способа познания к его результату»¹.

Разделяя мнение о несовпадении понятий истинности и достоверности, Е.П. Гришина предлагает свою трактовку: «Одно из принципиальных различий категорий истинности и достоверности является то, что парной категорией истины является ложность. Между истиной и ложью нет каких-либо промежуточных ступеней. Суждение либо истинно, либо ложно. Достоверность же имеет парную категорию вероятности. Вероятность – означает такое предположение, в пользу которого есть аргументы и доводы, располагающие к принятию или непринятию его за истину. Вероятность истины не отрицает возможности уверенности, убеждения в ней. Вероятность как характеристика обоснованного знания может быть различных степеней, может возрастать, повышаться по мере приближения к достоверности. Поэтому именно категории достоверности и вероятности дают возможность исследовать процесс получения истинного знания, механизм переработки знания недостоверного в достоверное»².

Проблема истины как цели доказывания в уголовном судопроизводстве подвергается новому переосмыслению и вызывает горячие дискуссии с момента начала судебной реформы и после принятия УПК РФ. При этом немаловажное внимание уделяется и соотношению понятий истины с достоверностью. Суть дискуссий сводится к тому, что, во-первых, целью доказывания должно быть не установление истины, т.е. тех фактических обстоятельств, которые необходимы для правильного применения уголовного закона, а доказанная достоверность этих обстоятельств, и, во-вторых, необходимо акцентировать внимание не на цели доказывания, а на процедуре доказывания. При таком положении вещей цель доказывания как бы смещается на средства.

Однако мы не можем согласиться с тем, что цель доказывания может смещаться с результата (доказано, достоверно доказано) на средства (соблюдение процессуальной процедуры). Бесспорно, задача суда сводится не к тому, чтобы любой ценой осу-

¹ Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе. С. 93.

² Гришина Е.П. Достоверность доказательств... С. 62–63.

дить лицо, находящееся на скамье подсудимых, а рассудить стороны, правильно оценить представленные доказательства.

К тому же, когда говорят, что целью доказывания является доказанная достоверность фактических обстоятельств, имевших место в действительности, а не установление объективной истины, происходит смешение двух понятий: цель и результат. Цель – то, к чему стремятся, то, что необходимо, желательно осуществить. Результат же – то, что достигнуто с завершением какого-либо действия.

И, как отмечает О.И. Шекшуева, стремясь установить соответствие полученных знаний фактам объективной действительности (познать истину, узнать то, что было на самом деле), следователь познает то, что является для него значимым по данному конкретному делу и определено законом. Следовательно, результатом познания будет достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, что и признается истинным знанием о сущности имевшего места события¹.

Истина – центральное понятие в теории познания и в познавательной практике, в уголовно-процессуальном доказывании. Для достижения истины по уголовному делу требуется от суда и следователя немалых интеллектуальных и нравственных сил. Концепция же, согласно которой истина может быть получена «проблематичным способом», т.е. без глубокого и всестороннего изучения фактов, по догадке, может неправильно ориентировать тех, кто применяет закон на практике (следователя, дознавателя, прокурора, суд). Сомнительные, ненадежные методы приводят к сомнительным результатам, а не к истине. Истина – не случайное совпадение мысли и действительности, это запечатленный сознанием результат отражения действительности. Не основанная на процессе исследования догадка не дает истинного знания, даже если потом окажется, что она совпала с фактическим положением вещей².

¹ Шекшуева О.И. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 12.

² Ларин А.М. От следственной версии к истине. С. 191.

Верным представляется высказывание А.М. Ларина о том, что достоверность – это синоним истины, оттеняющий, подчеркивающий ее коренное отличие от вероятности¹.

В связи с тем, что УПК РФ не упоминает об истине как цели доказывания, следовательно, в нем и не проводится различие между достоверностью и вероятностью. Соответственно, предел познания обстоятельств дела может быть только вероятностным. При этом вероятностный вывод должен быть юридически обоснован.

Сторонники перехода от истины к вероятности обращаются к аргументам практики, ищут выхода из сложной судебноправоприменительной ситуации, когда судьи превращаются в заложников неподъемного объема дел. А чтобы сделать свою позицию весомой, апеллируют к закону².

Как справедливо отмечает Г.А. Печников: «Подлинна достоверность, объективная истина – лишь там, где форма действительно соответствует своему содержанию... Если же юридической форме придается решающее, главенствующее значение в уголовном судопроизводстве, по сравнению с содержанием, т.е. когда форма отрывается от своего содержания, то о достоверности как таковой говорить тогда не приходится, и суть дела сводится лишь к «формальной достоверности», «юридической достоверности», т.е. «юридически обоснованной вероятности» ли юридически обоснованной «истине-версии». Именно идея вероятной истины заложена в концепции действующего УПК РФ»³.

Действительно, в концепции нового УПК акцент смещен на принцип состязательности в уголовном процессе. Соответственно, на стороны возлагается обязанность по доказыванию. Процесс приобретает форму «состязания». Получается, что истина на стороне более сильного, кто собрал больше доказательств (сторона обвинения или сторона защиты), тот и прав. Где же здесь объективная истина?

Таким образом, можно сделать вывод о том, что УПК РФ воспринял идею «истины-гипотезы», юридически обоснованную, т.е. идею формальной, процессуальной, истины.

¹ Ларин А.М. От следственной версии к истине. С. 192.

² Воронов А.Ф. Эволюция принципа объективной истины... С. 39.

³ Печников Г.А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе. С. 84.

Хотя на наш взгляд, назначению уголовного судопроизводства, указанному в ст. 6 УПК РФ, соответствовали бы положения об установлении объективной истины. Для этого считаем целесообразным высказать предложение о внесении изменений в УПК РФ, дополнив частью второй ст. 85 УПК РФ следующего содержания:

«Доказывание осуществляется с целью установления объективной истины путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательные и иные нормативные акты

а) Законодательство РСФСР

О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 авг. 1983 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1983. – № 32. – Ст. 1153.

О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях : закон РФ от 27 авг. 1993 г. № 5668-1 (в ред. от 13 июня 1996 г., с изм. от 30 дек. 2001 г.) // Российская газета. – 1993. – 9 сент.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : принят 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

б) Законодательство Российской Федерации

Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 дек. 1993 г. – М. : Проспект, 1999. – 48 с.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18 дек. 2001 г. (в ред. от 4 марта 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 24 мая 1996 г. (в ред. от 4 марта 2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Монографии, учебники, учебные и справочные пособия, комментарии

Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 252 с.

Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций : в 2 т. / С.С. Алексеев. – Свердловск : Изд-во Свердл. ун-та, 1973. – Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). – 401 с.

Аристотель Сочинение : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1975. – Т. 1. – 550 с.

Аристотель Сочинение : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 678 с.

Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе / В.Д. Арсеньев. – М. : Юрид. лит., 1964. – 180 с.

Арсеньев В.Д. Основы теории доказательств в советском уголовном процессе : учеб. пособие / В.Д. Арсеньев. – Иркутск, 1970. – 144 с.

Белкин Р.С. «Скучная» криминалистика. Рассказ об известных, малоизвестных и почти неизвестных средствах и методах поиска истины в правосудии / Р.С. Белкин. – Ижевск, 1993. – 352 с.

Белкин Р.С. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы) / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М. : Юрид. лит., 1969. – 216 с.

Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : НОРМА : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – 240 с.

Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р.С. Белкин. – М. : Наука, 1966. – 296 с.

Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Н.А. Бердяев. – М. : Изд-во Республика, 1995. – 383 с.

Бохан В.Ф. Формирование убеждения суда / В.Ф. Бохан. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – 160 с.

Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе / В.С. Бурданова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 262 с.

Васильев Л.М. Практика как критерий истины в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / Л.М. Васильев. – Краснодар : КГАУ, 1993. – 170 с.

Васильев Л.М. Проблемы истины в современном российском уголовном процессе (Концептуальные положения) / Л.М. Васильев. – Краснодар, 1998. – 261 с.

Васильев Л.М. Усмотрение следователя при расследовании преступления и его влияние на установление истины по делу / Л.М. Васильев, А.Я. Ярославский. – Краснодар : КГАУ, 2000. – 128 с.

Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимирова. – Тула : Автограф, 2000. – 464 с.

Вопросы доказательственного права и предварительного расследования уголовных дел (по материалам судебной практики). – М. : ВЮЗИ, 1987. – 86 с.

Выдря М.М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде : учеб. пособие / М.М. Выдря. – Краснодар, 1980. – 94 с.

Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М. : Госюриздат, 1950. – 308 с.

Выявление и устранение следственных ошибок при судебном рассмотрении уголовных дел : метод. пособие. – М., 1990. – 88 с.

Гегель Г. Наука логики : в 3 т. / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – 502 с.

Гнеденко Б.В. Курс теории вероятностей : учебник / Б.В. Гнеденко. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 448 с.

Голунский С.А. Советский уголовный процесс / С.А. Голунский, И.Я. Калашникова, Д.С. Кареев ; под ред. Д.С. Кареева. – М. : Госюриздат, 1956. – 416 с.

Горский Г.Ф. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, Л.С. Элькинд. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. – 303 с.

Горский Д.П. Логика / Д.П. Горский. – М. : Просвещение, 1963. – 292 с.

Григорьев В.Н. Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М. : Эксмо, 2005. – 832 с.

Гродзинский М.М. Улики в советском уголовном процессе / М.М. Гродзинский. – М. : Юрид. изд-во ННЮ СССР, 1945. – Вып. 7. – 124 с.

Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛекЭст, 2002. – 1088 с.

Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе / А.П. Гуляев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 192 с.

Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России / И.С. Дикарев ; под ред. А.П. Кругликова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 164 с.

Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики) / Т.Н. Добровольская. – М. : Юрид. лит., 1971. – 200 с.

Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность / Н.М. Кипнис [и др.] ; под ред. В.А. Власихина. – М. : Юристъ, 2000. – 272 с.

Дорохов В.Я. Обоснованность приговора в советском уголовном процессе / В.Я. Дорохов, В.С. Николаев. – М. : Госюриздат, 1959. – 236 с.

Закатов А.А. Ложь и борьба с нею / А.А. Закатов. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. – 192 с.

Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы / З.З. Зинатуллин, Г.З. Егорова, Т.З. Зинатуллин. – Ижевск : Детектив-Информ, 2002. – 228 с.

Знаков В.В. Правда и ложь в сознании русского народа и современной психологии понимания / В.В. Знаков. – М. : Ин-т психологии РАН, 1993. – 116 с.

Знаков В.В. Психология понимания правды / В.В. Знаков. – СПб. : Алетейя, 1999. – 287 с.

Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В.В. Золотых. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 288 с.

Иванов О.В. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе / О.В. Иванов. – М. : Изд-во МУ, 1964. – 78 с.

Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц.М. Каз. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1960. – 106 с.

Кант И. Сочинения 1747–1777 гг. : в 2 т. / И. Кант ; под общ. ред. Б.Ю. Сливкера ; пер. Б.А. Фохта. – М. : СОЦЭКГИЗ, 1940. – Т. 2.: 1759–1777 гг. – 528 с.

Карнеева Л.М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность / Л.М. Карнеева. – М. : Юрид. лит., 1971. – 136 с.

Карнозова Л.М. Возрожденный суд присяжных. Замысел и проблемы становления / Л.М. Карнозова. – М. : NOTA BENE, 2000. – 368 с.

Карякин Е.А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (вопросы теории и практики) / Е.А. Карякин. – Оренбург : ГОУ ОГУ, 2005. – 98 с.

Кобликов А.С. Юридическая этика : учебник / А.С. Кобликов. – М. : Норма-Инфра-М, 1999. – 168 с.

Кокорев Л.Д. Уголовный процесс: доказательство и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. – Воронеж, 1995. – 272 с.

Кони А.Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А.Ф. Кони. – М. : Юрид. лит., 1967. – Т. 4: Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики). – 543 с.

Копьева А.Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде / А.Н. Копьева. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 192 с.

Кручинина Н.В. Алиби. Теоретические проблемы и их прикладное значение в уголовном судопроизводстве / Н.В. Кручинина, В.И. Шиканов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1992. – 200 с.

Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М. : Госюриздат, 1963. – 324 с.

Кузнецов Н.П. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / Н.П. Кузнецов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. – 116 с.

Курсанов Г.А. Ленинская теория истины и кризис буржуазных воззрений / Г.А. Курсанов. – М. : Мысль, 1977. – 352 с.

Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. – Минск : Изд-во БГУ им. Ленина, 1969. – 204 с.

Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э.Ф. Куцова. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 116 с.

Ларин А.М. От следственной версии к истине / А.М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1976. – 200 с.

Ларин А.М. Презумпция невиновности / А.М. Ларин. – М. : Наука, 1982. – 158 с.

Ларин А.М. Уголовный процесс России : лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий ; под ред. В.М. Савицкого. – М. : БЕК, 1997. – 314 с.

Либус И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе / И.А. Либус. – Ташкент, 1981. – 232 с.

Лузгин И.М. Расследование как процесс познания : учеб. пособие / И.М. Лузгин. – М. : Изд-во ВШ МВД СССР, 1969. – 178 с.

Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие / П.А. Лупинская. – М. : ВЮЗИ, 1966. – 102 с.

Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии / А.И. Макаркин. – СПб. : Юрид. центр пресс, 2004. – 265 с.

Мартыненко Р.Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление / Р.Г. Мартыненко. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2003. – 297 с.

Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы / Л.А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном судопроизводстве / М.М. Михеенко. – Киев, 1984. – 134 с.

Москалькова Т.Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования) / Т.Н. Москалькова. – М. : Спарк, 1996. – 125 с.

Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса : учеб. пособие / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль, 1978. – 96 с.

Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе / Я.О. Мотовиловкер. – Ярославль, 1974. – 71 с.

Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права / Э.М. Мурадян. – М. : Былина, 2002. – 287 с.

Мухин И.И. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия / И.И. Мухин. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. – 184 с.

Николайчик Н.И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования / Н.И. Николайчик, Е.А. Матвиенко. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 190 с.

Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений : курс лекций / В.А. Образцов. – М. : Изд-во ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2004. – 400 с.

Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие / Ю.К. Орлов. – М. : Проспект, 2000. – 144 с.

Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве / П.Ф. Пашкевич. – М. : Юрид. лит., 1961. – 172 с.

Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. – М. : Юрид. лит., 1963. – 227 с.

Перспективы социальной психологии : пер. с англ. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 668 с.

Печников Г.А. Проблемы истины на предварительном следствии / Г.А. Печников. – Волгоград : Волгогр. акад. МВД России, 2001. – 216 с.

Платон Сочинения : в 3 т. Философское наследие / Платон. – М. : Мысль, 1968. – Т. 1. – 623 с.

Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М. : Изд-во МУ, 1956. – 273 с.

Полянский Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса / Н.Н. Полянский. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 212 с.

Порубов А.Н. Ложь и борьба с ней на предварительном следствии / А.Н. Порубов ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск : Амалфея, 2002. – 176 с.

Проблемы судебной этики / под ред. М.С. Строговича. – М. : Наука, 1974. – 272 с.

Проценко В.П. Генезис антисистемы в праве. Уголовно-процессуальные и нравственные аспекты / В.П. Проценко. – Краснодар : Сов. Кубань, 2003. – 272 с.

Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей / А.Р. Ратинов. – М. : Юрлитинформ, 2001. – 352 с.

Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств / Г.М. Резник. – М. : Юрид. лит., 1979. – 120 с.

Розин Н.Н. Курс уголовного судопроизводства / Н.Н. Розин. – СПб., 1948. – 546 с.

Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / отв. ред. В.Л. Янин. – М. : Юрид. лит., 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси. – 432 с.

Россов С.А. Вопросы теории и практики следственной работы в свете нового УПК РФ / С.А. Россов. – Иркутск : Полиграф. центр «РИЭЛ», 2003. – 189 с.

Руководство для следователей / под общ. ред. В.В. Мозякова. – М. : Экзамен, 2005. – 912 с.

Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства / А.П. Рыжаков. – М. : Филинь, 1997. – 416 с.

Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 684 с.

Смирнов А.В. Комментарий к изданию УПК РСФСР с изменениями и дополнениями на 1 января 1997 года / А.В. Смирнов. – М. : Альфа, 1997. – 658 с.

Смирнов А.В. Модели уголовного процесса / А.В. Смирнов. – СПб. : Альфа : Наука, 2000. – 224 с.

Смирнов А.В. Принципы уголовного судопроизводства : учеб. пособие / А.В. Смирнов. – СПб. : СПбГИ, 2002. – 66 с.

Смирнов А.В. Уголовный процесс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. А.В. Смирнова. – СПб. : Питер, 2004. – 697 с.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и охрана прав личности. – Киев : Наукова думка, 1983. – 224 с.

Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. – М. : Наука, 1979. – 319 с.

Соловьев А.Б. Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России : науч.-практ. пособие / А.Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 160 с.

Соловьев А.Д. Всесторонность, полнота и объективность предварительного следствия / А.Д. Соловьев. – Киев, 1969. – 104 с.

Соркин В.С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве / В.С. Соркин. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 95 с.

Старченко А.А. Гипотеза / А.А. Старченко. – М. : Изд-во МГУ, 1962. – 72 с.

Старченко А.А. Логика в судебном исследовании / А.А. Старченко. – М. : Госюриздат, 1958. – 235 с.

Стойко Н.Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела / Н.Г. Стойко. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. – 104 с.

Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. – 472 с.

Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 384 с.

Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогина. – 2-е изд. – М. : Юрид. лит., 1973. – 736 с.

Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств / А.И. Трусов. – М. : Госюриздат, 1960. – 176 с.

Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс) : учебник / под ред. Г.П. Химичевой, О.В. Химичевой. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и Право, 2004. – 527 с.

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2004. – 800 с.

Уголовный процесс / под ред. М.А. Чельцова. – М. : Юрид. лит., 1969. – 464 с.

Уголовный процесс России. Общая часть : учебник / А.И. Александров [и др.] ; под ред. В.З. Лукашевича. – СПб. : ИД СПбГУ, 2004. – 448 с.

Ульянова Л.Т. Оценка доказательств судом первой инстанции / Л.Т. Ульянова. – М. : Юрид. лит., 1959. – 168 с.

Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. – 2-е изд., доп. – Казань : КГУ, 1976. – 208 с.

Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания : учеб. пособие / А.А. Хмыров. – Краснодар, 1996. – 154 с.

Хрестоматия по уголовному процессу России / авт.-сост. Э.Ф. Куцова. – М. : Городец, 1999. – 272 с.

Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 426 с.

Чудинов Э.М. Природа научной истины / Э.М. Чудинов. – М. : Политиздат, 1977. – 312 с.

Шаламов М.П. Теория улик / М.П. Шаламов. – М. : Госюриздат, 1960. – 182 с.

Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – Тольятти : Волж. ун-т им. В.Н. Татинцева, 1998. – 92 с.

Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы / С.А. Шейфер. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1986. – 171 с.

Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса / С.Д. Шестакова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 220 с.

Шиканов В.И. Теоретические основы тактических операций в расследовании преступлений / В.И. Шиканов. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 200 с.

Шифман М.Л. Основные вопросы теории советского доказательственного права / М.Л. Шифман. – М. : Изд-во МУ, 1956. – 40 с.

Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право / А.И. Экимов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. – 120 с.

Экман П. Психология лжи / П. Экман. – СПб. : Питер, 2000. – 272 с.

Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. – 172 с.

Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М.Л. Якуб. – М. : Изд-во МГУ, 1960. – 170 с.

Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия : учеб. пособие / Н.А. Якубович. – М., 1971. – 142 с.

Статьи, тезисы докладов

Александров А. О значении концепции объективной истины / А. Александров // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 23–24.

Аверин А.В. Судебная достоверность как содержание судебной истины / А.В. Аверин // Право и политика. – 2004. – № 5. – С. 86–90.

Агеева Ю. Принципы объективной истины и состязательности: взаимоисключение или дополнение? / Ю. Агеева // Арбитражный и гражданский процесс. – 2001. – № 3. – С. 14–15.

Агутин А.В. О трех моделях истины в уголовно-процессуальном доказывании / А.В. Агутин // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 3. – С. 277–288.

Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? / В.А. Азаров // Вестник Томского университета. Сер. Экономика. Юридические науки. – 2003. – № 4. – С. 15–16.

Азаров В.А. Цели нового российского уголовного судопроизводства / В.А. Азаров // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения : межвузов. сб. науч. тр. – Омск, 2003. – С. 3–10.

Азаров В.А. Является ли сегодня истина целью российского уголовного судопроизводства? / В.А. Азаров // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 7–8 февр. 2003 г. – Красноярск, 2003. – Ч. 2. – С. 75–78.

Алексеева Л. Действительные или мнимые противоречия / Л. Алексеева // Российская юстиция. – 1995. – № 6. – С. 23–24.

Алексеев Н.С. Доказывание и его предмет в советском уголовном процессе / Н.С. Алексеев // Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма / Ленингр. гос. ун-т. – Л., 1967. – С. 428–464.

Алексеев Н.С. [Рецензия] / Н.С. Алексеев [и др.] // Вестник Ленинградского университета. Сер. Экономика, философия и право. – 1962. – № 17, вып. 3. – С. 135–138. – Рец. на кн.: Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права / М.Л. Якуб. – М. : Изд-во МГУ, 1960. – 170 с.

Арановский К.В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право / К.В. Арановский // Правоведение. – 2003. – № 6. – С. 185–193.

Архипов А. Правдива ли ложь? / А. Архипов // Эж-Юрист. – 2003. – № 47.

Астафьев Ю.В. Проблемы истины в уголовном судопроизводстве / Ю.В. Астафьев // Юридические записки Воронежского университета. Жизнь в науке: к 100-летию со дня рождения М.С. Строговича. – Воронеж, 1995. – Вып. 2. – С. 67–75.

Ахмадуллин А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования как принцип уголовного процесса / А. Ахмадуллин // Законность. – 2005. – № 8. – С. 43–45.

Бабиченко К.Н. Истина как цель доказывания / К.Н. Бабиченко // Право: теория и практика. – 2003. – № 18. – С. 57–63.

Баев М.О. Правда и ложь в уголовной защите (казусы Н.Н. Полянского) / М.О. Баев, О.Я. Баев // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права: (к 10-летию принятия Конституции России) : материалы междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 29–30 дек. 2003 г. – Екатеринбург, 2004. – С. 20–32.

Балакшин В. Истина в уголовном процессе / В. Балакшин // Российская юстиция. – 1998. – № 2. – С. 18–19.

Балакшин В. Понятие доказательств в уголовном процессе / В. Балакшин // Законность. – 2005. – № 2. – С. 43–47.

Барабаш А.С. Истина и достоверность в уголовно-процессуальном познании / А.С. Барабаш // Вестник КрасГУ. – Красноярск, 2004. – С. 226–231.

Барабаш А.С. К вопросу об истине как цели уголовно-процессуальной деятельности / А.С. Барабаш // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 7–8 февр. 2003 г. – Красноярск, 2003. – Ч. 2. – С. 78–81.

Барабаш А.С. Цели уголовного процесса / А.С. Барабаш // Ученые записки Юридического института Красноярского государственного университета / отв. ред. Т.В. Сахнова. – Красноярск, 2003. – Вып. 2. – С. 439–457.

Басков В.И. Истина в уголовном судопроизводстве / В.И. Басков // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 1995. – № 3. – С. 38–46.

Батычко Л.М. Истина в российском судопроизводстве / Л.М. Батычко // Российский судья. – 2004. – № 8. – С. 45–46.

Белоносов В.О. Истина в уголовном судопроизводстве / В.О. Белоносов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008. – № 6. – С. 133–137.

Белоносов В.О. Критерии истинности результатов толкования уголовно-процессуальных норм / В.О. Белоносов, Е.В. Колесников // Журнал российского права. – 2003. – № 5. – С. 54–63.

Божьев В. Состязательность на предварительном следствии / В. Божьев // Законность. – 2004. – № 1. – С. 3–6.

Бозров В.М. Истина и суд / В.М. Бозров // Российский юридический журнал. – 2003. – № 1. – С. 76–78.

Бубон К.В. К вопросу о правовой категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее месте в ряду правовых ценностей / К.В. Бубон // Адвокат. – 2012. – № 5. – С. 10–20.

Быков В.М. Об установлении истины в уголовном судопроизводстве / В.М. Быков, Г.А. Печников // Журнал российского права. – 2004. – № 3. – С. 48–53.

Васильев Л.М. Кто будет устанавливать истину по уголовному делу по законопроекту УПК Российской Федерации, прошедшему первое чтение? / Л.М. Васильев // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков : материалы межвузов. науч. конф., посвящ. 40-летию юрид. фак. ДВГУ / отв. ред. А.С. Шевченко. – Владивосток, 1998. – Ч. 1. – С. 366–368.

Васильев Л.М. Нужна ли истина в уголовном процессе и какова роль суда в ее установлении / Л.М. Васильев // Юрист. – 1998. – № 5. – С. 50–52.

Васильев Л.М. Роль состязательного начала в уголовном судопроизводстве в деле установления истины / Л.М. Васильев // Актуальные проблемы применения российского права на современном этапе : сб. науч. тр. КГАУ. – Краснодар, 1998. – Вып. 366 (394). – С. 114–120.

Володина Л.М. Назначение уголовного процесса и реальное обеспечение прав человека по новому УПК РФ / Л.М. Володина // Уголовная юстиция: состояние и пути развития : регион. науч.-практ. конф. г. Тюмень, 28–29 нояб. 2002 г. – Тюмень, 2003. – С. 17–22.

Воронов А.А. «Установление истины» – не есть критерий законности / А.А. Воронов // Закон и право. – 2004. – № 7. – С. 27–30.

Воронов А.Ф. Эволюция принципа объективной истины в гражданском процессе / А.Ф. Воронов // Законодательство. – 2004. – № 11. – С. 48–53.

Воронов А.Ф. Эволюция принципа объективной истины в гражданском процессе / А.Ф. Воронов // Законодательство. – 2004. – № 12. – С. 35–42.

Воскобитова Л.А. Гносеологические и аксеологические аспекты доказывания / Л.А. Воскобитова // Актуальные проблемы судоустройства, судопроизводства и прокурорского надзора. – М., 1986. – С. 96–104.

Вытовтова Н.И. Истина. Нужна ли она адвокату? / Н.И. Вытовтова, К.В. Соснин // Адвокатура и адвокатская деятельность в свете современного конституционного права: (к 10-летию принятия Конституции России) : материалы междунар. науч.-практ. конф. г. Екатеринбург, 29–30 дек. 2003 г. – Екатеринбург, 2004. – С. 48–52.

Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе / А.Я. Вышинский // Проблемы уголовной политики. – Кн. 4. – М., 1937. – С. 13–38.

Гармаев Ю. Адвокат не должен подстрекать своего подзащитного ко лжи / Ю. Гармаев // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 61–62.

Гармаев Ю.П. Всесторонность и полнота расследования / Ю.П. Гармаев // Законность. – 2002. – № 9. – С. 6–9.

Голунский С.А. Вопросы доказательственного права в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик / С.А. Голунский // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. – М., 1959. – С. 122–140.

Горбачев А. Признание обвиняемого – «особо убедительное доказательство»? / А. Горбачев // Российская юстиция. – 2004. – № 6. – С. 38–40.

Горбачев А.В. О допустимости показаний, данных лицом против самого себя / А.В. Горбачев // Адвокатская практика. – 2004. – № 2. – С. 31–34.

Григорьева Н. Принципы уголовного судопроизводства и доказательства / Н. Григорьева // Российская юстиция. – 1995. – № 8. – С. 39–42.

Громов Н.А. Проблемы достижения истины в уголовном процессе / Н.А. Громов, Ю.В. Кузнецова, Н.В. Луговцев // Следователь. – 2003. – № 9. – С. 27–30.

Давлетов А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно / А. Давлетов // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 16–18.

Давлетов А.А. Объект и предмет уголовно-процессуального познания / А.А. Давлетов // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. – Красноярск, 1985. – С. 15–23.

Деришев Ю. Предварительное следствие: исследование или преследование? / Ю. Деришев // Российская юстиция. – 2002. – № 10. – С. 34–35.

Доля Е.А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве России / Е.А. Доля // Российский следователь. – 2011. – № 22. – С. 9–12.

Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) / Е.А. Доля // Правоведение. – 1994. – № 1. – С. 54–60.

Доля Е.А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе / Е.А. Доля // Государство и право. – 1994. – № 10. – С. 118–128.

Домбровский Р.Г. Познание и доказывание по уголовным делам / Р.Г. Домбровский. // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. – Иркутск, 1984. – С. 43–51.

Дрейбанд А.Г. Проблема истины в отечественном и зарубежном уголовном судопроизводстве / А.Г. Дрейбанд // Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты предварительного следствия : сб. материалов науч.-практ. конф., 16 дек. 1999 г. – Челябинск, 2000. – Вып. 1. – С. 142–146.

Емузов А.С. Приоритет достижения юридической истины перед иными целями доказывания в условиях состязательности / А.С. Емузов // Адвокатская практика. – 2004. – № 4. – С. 11–13.

Еникеев З.Д. Проблемы истины в свете принципа состязательности уголовного процесса / З.Д. Еникеев // Российский юридический журнал. – 2003. – № 3. – С. 14–17.

Ефимичев С.П. Конституция Российской Федерации и ее толкование Конституционным судом РФ / С.П. Ефимичев, П.С. Ефимичев // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 108–112.

Зажицкий В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения / В. Зажицкий // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 45–47.

Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 67–74.

Зайцева С.А. Закон и установление истины по делу в свете современной российской уголовной политики / С.А. Зайцева, Г.И. Седова // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация : науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. А.Н. Красикова, 20–21 марта 2003 г. / под ред. Б.Г. Разгильдиева. – Саратов, 2003. – С. 175–178.

Закомлистов А.Ф. Процедура истины в юриспруденции / А.Ф. Закомлистов // Юридическая наука и развитие российского государства и права : тез. докл. науч.-практ. конф. Пермь, 11–12 окт. 2001 г. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2002. – С. 11–15.

Зинатуллин З.З. Вероятное и достоверное в процессуальных решениях следователя / З.З. Зинатуллин // Проблемы доказывания по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1988. – С. 10–17.

Зыков Д.В. Характер истины в уголовном процессе / Д.В. Зыков // Вопросы права и социологии : межрегион. науч. изд. – Волгоград, 2003. – Вып. 10. – С. 40–45.

Ивенский А.И. Истина и проблема ее достижения в уголовном процессе / А.И. Ивенский, А.К. Тихонов, Н.А. Громов // Право и политика. – 2004. – № 10 (58). – С. 74–82.

Илюхин В.И. Новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ: шаг к истине или ее забвению? / В.И. Илюхин // Научные труды РАЮН : в 2 т. – М., 2002. – Вып. 2, т. 2. – С. 461–465.

Карабанова Т.Н. И еще раз об истине в уголовном процессе России / Т.Н. Карабанова // Мировой судья. – 2005. – № 3. – С. 20–22.

Каргополов С.Г. Истина в праве / С.Г. Каргополов // Актуальные проблемы теории права и государства : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А.Н. Соколова ; Балт. ин-т экономики и финансов. – Калининград, 2001. – Вып. 10 – С. 17–22.

Карякин Е.А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве / Е.А. Карякин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конф.

г. Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. : в 2 ч. – Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. – С. 417–423.

Кириллова Н.П. Процессуальные проблемы установления истины в суде / Н.П. Кириллова // Российское право. – № 1. – С. 43–49.

Ковтун Н. И состязательность, и поиск истины (о роли и месте суда в доказывании по уголовному делу) / Н. Ковтун // Российская юстиция. – 1997. – № 7. – С. 11–12.

Ковтун Н.Н. О роли суда в доказывании по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса / Н.Н. Ковтун // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 59–63.

Козлова Н.Н. Социальная справедливость в уголовном праве / Н.Н. Козлова, Е.В. Курочка // Российский судья. – 2001. – № 2. – С. 10–11.

Колоколов Н.А. Установление материальной истины – основная цель доказывания в уголовном процессе / Н.А. Колоколов // Российский следователь. – 2000. – № 1. – С. 11–12.

Комарова Н.А. Принцип состязательности и равноправия сторон должны быть эффективным средством установления объективной истины в судебном разбирательстве / Н.А. Комарова, В.З. Лукашевич // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 156–162.

Конин В.В. Доказывание в уголовном судопроизводстве и вопросы установления истины / В.В. Конин // Российский судья. – 2008. – № 9. – С. 30–32.

Конин В.В. Тактика и истина в судебном разбирательстве / В.В. Конин // Воронежские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / под ред. О.Я. Баева. – Воронеж, 2005. – Вып. 6. – С. 108–112.

Кореневский Ю. Нужна ли суду истина? / Ю. Кореневский // Российская юстиция. – 1994. – № 5. – С. 20–22.

Кореневский Ю.В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе / Ю.В. Кореневский // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 55–62.

Корноухов В.Е. Расследование как процесс познания: уровни, теории, проблемы / В.Е. Корноухов // Проблема познания в уголовном судопроизводстве : материалы науч.-практ. конф., 22–24 сент. 1999 г. – Иркутск, 2000. – С. 3–11.

Кузнецова О.Д. Роль суда в состязательном процессе и проблемы практической реализации функции разрешения дела / О.Д. Кузнецова // Российский судья. – 2004. – № 8. – С. 17–21.

Куприянов А. Голос Божий в современном суде / А. Куприянов // Российская юстиция. – 1997. – № 1. – С. 2–3.

Курылев С.В. О достоверности и вероятности в правосудии / С.В. Курылев // Правоведение. – 1968. – № 1. – С. 63–74.

Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту / Р. Куссмауль // Российская юстиция. – 2003. – № 2. – С. 33–35.

Кустов И.С. Философская природа истины, устанавливаемой в советском уголовном процессе / И.С. Кустов // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1967. – С. 113–115.

Куцова Э.Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность / Э.Ф. Куцова // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 71–79.

Лабанова С.А. Истина как цель доказательственной деятельности суда при рассмотрении уголовных дел / С.А. Лабанова // Закон и право. – 2012. – № 5. – С. 52–54.

Ларин А.М. О принципах уголовного процесса и гарантии прав личности в проекте УПК / А.М. Ларин // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия : материалы науч.-практ. конф., 13–17 мая 1998 г. / ИГЭА. – Иркутск, 1998. – С. 38–44.

Леви А.А. Новый УПК РФ не нацелен на установление истины по уголовным делам / А.А. Леви // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. – М., 2003. – Вып. 4 (8). – С. 16–18.

Левченко О.В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу / О.В. Левченко // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 68–75.

Лисюткин А.Б. Истина и заблуждение: гносеологический аспект исследования проблемы ошибок в юриспруденции / А.Б. Лисюткин // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 22–29.

Лукашевич В.З. Получение правдивых показаний обвиняемого – главная задача следствия / В.З. Лукашевич // Осуществление правосудия по уголовным делам. – Калининград, 1987. – С. 4–12.

Лукичев Н.А. Продолжение суждения о роли суда по установлению объективной истины по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса / Н.А. Лукичев // Следователь. – 2002. – № 3. – С. 18–24.

Лукичев Н.А. Роль суда по установлению объективной истины по уголовным делам в свете конституционного принципа состязательности процесса / Н.А. Лукичев // Следователь. – 2002. – № 2. – С. 26–32.

Лунеев В.В. Эффективность борьбы с преступностью и ее отдельными видами в современной России / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2003. – № 7. – С. 106–111.

Лупинская П. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П. Лупинская // Российская юстиция. – 2002. – № 7. – С. 5–8.

Любич А.А. Сущность и понятие истины / А.А. Любич, Л.М. Васильев // Теория и практика соблюдения законности в России : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию юрид. фак. КГАУ / Кубан. гос. аграр. ун-т. – Краснодар, 2002. – С. 52–56.

Магамедов Х.А. Доказывание в уголовном процессе и проблема познания истины / Х.А. Магамедов // Судебная реформа и эффективность деятельности органов суда, прокуратуры и следствия : 2-я науч.-практ. конф. молодых ученых, 24 апр. 1999 г. (тез. выступлений аспирантов и соискателей) / С.-Петербург. юрид. ин-т Генер. прокуратуры РФ. – СПб., 1999. – С. 17–18.

Малькевич Т.В. К вопросу о состязательности / Т.В. Малькевич // Вопросы советского уголовного процесса. – М., 1958. – Вып. 6. – С. 263–293.

Маргушина А.А. Правовые ценности истины и справедливости: проблемы правопонимания / А.А. Маргушина // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 5 (77). – С. 25–29.

Мельник В. Божественная правда и справедливое правосудие / В. Мельник // Российская юстиция. – 1999. – № 9. – С. 9–11.

Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса / И.Б. Михайловская // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 111–118.

Моисеева Т.В. Проект УПК и принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела / Т.В. Моисеева // Журнал российского права. – 2001. – № 12. – С. 107–111.

Мокичев К.А. Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве / К.А. Мокичев. – М., 1959. – 40 с.

Мотовиловкер Я.О. Обвиняемый не несет ответственности за ложные показания, но право на ложь ему не предоставлено / Я.О. Мотовиловкер // Проблемы доказывания по уголовным делам : межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1988. – С. 24–28.

Мохов А.А. Использование специальных знаний при разработке версий в суде / А.А. Мохов // Российский судья. – 2002. – № 7. – С. 10–12.

Мохов А.А. Принцип судебной истины и проблемы его реализации в гражданском судопроизводстве России / А.А. Мохов // Право и политика. – 2002. – № 12. – С. 89–104.

Мохов А.А. Проблемы истины в условиях состязательности / А.А. Мохов // Современное право. 2002. – № 12. – С. 32–35.

Мустафьев М.Х. Состязательная форма и объективная истина / М.Х. Мустафьев // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 1. – С. 187–192.

Недосекин А.В. Установление истины – цель доказывания по уголовному делу / А.В. Недосекин, Н.В. Пальчикова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2001. – № 1 (8). – С. 81–83.

Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление / В.В. Никитаев // Состязательное правосудие : тр. науч.-практ. лаб. – М., 1996. – С. 168–172.

Николаев О. Истина в правоприменении / О. Николаев // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. – 2002. – № 47. – С. 39–43.

Николаев О. Специфика определения истины в праве / О. Николаев // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. – 2002. – № 46. – С. 68–74.

Образцов В. Проверка правдивости показаний / В. Образцов, С. Богомолова // Законность. – 2002. – № 9. – С. 29–32.

Объективная истина в советском уголовном процессе // Вестник Московского университета. Сер. 8, Экономика, философия. – 1963. – № 4. – С. 42–76.

Овсянников В.С. Вооружены ли следователь и суд критерием истины / В.С. Овсянников // Закон и право. – 2000. – № 7. – С. 30–34.

Овсянников И. Логика доказывания в уголовном процессе / И. Овсянников // Российская юстиция. – 1998. – № 9. – С. 5–6.

Овсянников В.С. Истина перестала быть критерием и это хорошо (Проблема цели уголовно-процессуального доказывания на стадии судебного разбирательства) / В.С. Овсянников, И.В. Овсянников // Закон. – 2004. – № 4. – С. 111–114.

Оришич Е.Г. Принцип объективной истины в гражданском процессе / Е.Г. Оришич // Актуальные проблемы применения российского права на современном этапе: сб. науч. тр. КГАУ. – Краснодар, 1998. – Вып. 366 (394). – С. 120–127.

Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия / Ю. Орлов // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 52–53.

Орлов Ю.К. О соотношении и содержании категории истина и достоверность в судебном доказывании / Ю.К. Орлов // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1976. – Вып. 25. – С. 127–140.

Павлов Б.Б. Правда и ложь в системе ценностей адвокатской культуры (к 145-летию Российской адвокатуры) / Б.Б. Павлов // Адвокатская практика. – 2010. – № 1. – С. 23–28.

Пашин С.А. Проблемы доказательственного права / С.А. Пашин // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования : дискуссии. – М., 1995. – С. 310–314.

Петрухин И.Л. Достоверное знание и судебные ошибки / И.Л. Петрухин // Правовое регулирование общественных отношений. – М., 1976. – С. 67–76.

Петрухин И.Л. Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого / И.Л. Петрухин // Советская юстиция. – 1965. – № 7. – С. 15–17.

Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде / И.Л. Петрухин // Юридический мир. – 2003. – № 8. – С. 17–25.

Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие (к 100-летию М.С. Строговича) / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 1994. – № 10. – С. 128–137.

Печников Г.А. Некоторые философские аспекты истины в уголовном процессе / Г.А. Печников // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2002. – № 4. – С. 469–494.

Печников Г.А. О достоверности и вероятности в уголовном процессе / Г.А. Печников // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 3. – С. 78–85.

Печников Г.А. О вероятной и объективной истинах в уголовном процессе / Г.А. Печников // Правоведение. – 2004. – № 4. – С. 122–125.

Печников Г.А. Правосудие и вопросы истины / Г.А. Печников // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 4. – С. 399–406.

Печников Г.А. Принцип законности и вопросы истины в уголовном процессе / Г.А. Печников // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 1. – С. 263–269.

Пиюк А. «Истина» или «доказанная достоверность» / А. Пиюк // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 43.

Плаксин А.С. Проблема истины в уголовном процессе / А.С. Плаксин // Криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты предварительного следствия : сб. материалов науч.-практ. конф., 16 дек. 1999 г. – Челябинск, 2000. – Вып. 1. – С. 126–127.

Подольный Н.А. Истина и справедливость – два полюса проблемы нравственности в уголовном судопроизводстве / Н.А. Подольный, Д.А. Урявин // Мировой судья. – 2010. – № 12. – С. 13–15.

Подольный Н. Новый УПК – новая идеология уголовного процесса / Н. Подольный // Российская юстиция. – 2002. – № 11. – С. 2–3.

Подольный Н.А. Категория справедливости в УПК РФ – изменение системы ценностей в уголовном процессе России / Н.А. Подольный // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы

междунар. науч.-практ. конф., 27–28 окт. 2003 г. – М., 2004. – С. 51–54.

Пьянов Н.А. Значение категорий абсолютной и относительной истины для характеристики истины в правоприменительной деятельности / Н.А. Пьянов // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. – Иркутск, 1984. – С. 37–43.

Пьянов Н.А. Проблема содержания истины в применении норм права / Н.А. Пьянов // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности : сб. науч. тр. – Иркутск, 1985. – С. 5–12.

Ратинов А.Р. Вопросы следственного мышления в свете теории информации / А.Р. Ратинов // Вопросы кибернетики и права. – М., 1964. – С. 180–199.

Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании / А.Р. Ратинов // Советское государство и право. – 1964. – № 8. – С. 106–113.

Резниченко И.М. Принцип формальной истины – процессуальная реальность / И.М. Резниченко // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков : материалы конф., посвящ. 40-летию юрид. фак. ДВГУ. – Владивосток, 1998. – Ч. 1. – С. 389–391.

Реховский А.Ф. Отношение к истине в современном уголовном процессе / А.Ф. Реховский // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания : материалы междунар. науч.-практ. конф., 27–28 окт. 2003 г. – М., 2004. – С. 55–58.

Ривлин А. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе / А. Ривлин // Социалистическая законность. – 1951. – № 11. – С. 42–52.

Рудакова С.В. О принципе объективной истины / С.В. Рудакова // Закон и судебная практика : сб. науч. ст. ученых-юристов Краснодар. края и Респ. Адыгея. – Краснодар, 2002. – С. 321–324.

Рябцева Е.В. Роль суда в установлении истины по уголовному делу / Е.В. Рябцева // Трибуна молодых ученых : сб. науч. тр. Новое процессуальное законодательство Российской Федерации. Новеллы, достоинства и противоречия. – Воронеж, 2003. – Вып. 4, ч. 1. – С. 143–148.

Савцова Н.И. Формирование истины и ее структура / Н.И. Савцова // Объективная истина в науке: диалектика формирования и обоснования : сб. науч. тр. – Свердловск, 1984. – С. 5–13.

Сахнова Т.В. Истина и правосудие / Т.В. Сахнова // Журнал российского права. – 2003. – № 1. – С. 164–166.

Свиридов М.К. Состязательность и установление истины в уголовном судопроизводстве / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. Ю.К. Якимовича. – Томск, 2002. – Ч. 10: Проблемы Уголовного кодекса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – С. 3–12.

Симоненко С.И. Психологические основания ложности и правдивости сообщений / С.И. Симоненко // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 78–84.

Смирнов А.В. Достоверность и вероятность при установлении фактического основания уголовно-процессуального решения / А.В. Смирнов // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. / Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 1984. – С. 126–131.

Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства / В.П. Смирнов // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 58–63.

Смирнов Г.К. Восстановление в УПК РФ объективной истины как цели доказывания / Г.К. Смирнов // Уголовный процесс. – 2012. – № 4. – С. 10–16.

Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе / В.С. Тадевосян // Советское государство и право. – 1948. – № 6. – С. 65–72.

Тарасов Н.Н. Истина в юридическом исследовании (Некоторые методологические проблемы) / Н.Н. Тарасов // Академический юридический журнал. – 2000. – № 1. – С. 4–15.

Тенчов Э.С. Объективная истина и суд присяжных / Э.С. Тенчов, О.В. Кузьмина // Государство и право. – 1994. – № 11. – С. 132–139.

Тихонов А.К. Презумпция истинности судебного приговора / А.К. Тихонов, Н.А. Громов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 3 – С. 315–325.

Тихонов А.К. Проблемы содержания и характер истины в советском уголовном процессе / А.К. Тихонов // Вопросы взаимосвязи уголовного права и процесса. – Калинин, 1988. – С. 71–81.

Трусов А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики / А.И. Трусов // Вопросы кибернетики и право. – М., 1967. – С. 20–35.

Туленков Д.П. Внутренне убеждение как критерий истины в уголовном процессе / Д.П. Туленков // Уголовное право и процесс. – 2007. – № 2. – С. 29–32.

Турчин Д.А. Грешить против истины нельзя / Д.А. Турчин // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 2. – С. 485.

Турчин Д.А. Жизнь посвяти служению истины / Д.А. Турчин // Дальневосточные криминалистические чтения : науч. сб. / Дальневост. гос. ун-т. – Владивосток, 1997. – Вып. 2. – С. 4–7.

Хазиев Е.С. Философское понимание истины / Е.С. Хазиев // Философские науки. – 1991. – № 9. – С. 54–60.

Хазиева Л. Истина и справедливость в уголовном процессе / Л. Хазиева // Проблемы противодействия преступности в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., 16–17 окт. 2003 г. – Уфа, 2004. – Ч. 3. – С. 201–207.

Чельцов М.А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию / М.А. Чельцов // Вопросы советского уголовного процесса. – М., 1958. – Вып. 6. – С. 48–97.

Чесовской Е. Действует ли принцип объективной истины в гражданском процессе? / Е. Чесовской // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 16–17.

Чечот Д.М. Развитие принципа материальной истины в советском гражданском процессуальном праве / Д.М. Чечот // Сорок лет советского государства и права / Ленингр. ун-т. – Л., 1957. – С. 64–66.

Шейфер С.А. Использование непроцессуальных познавательных мероприятий в доказывании по уголовному делу / С.А. Шейфер // Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 57–63.

Шиканов В.И. Уголовное судопроизводство и его информационная сущность / В.И. Шиканов, С.А. Россов // Сибирские

криминалистические чтения : сб. науч. тр. / науч. ред. В.И. Шиканов. – Иркутск, 2005. – Вып. 20. – С. 60–69.

Шиканов В.И. Состязательность и истина в уголовном процессе / В.И. Шиканов, С.А. Россов // Сибирские криминалистические чтения : сб. науч. тр. / науч. ред. В.И. Шиканов. – Иркутск, 2004. – Вып. 19. – С. 21–25.

Щиголев Ю.В. Является ли задачей защиты установление истины по делу / Ю.В. Щиголев // Адвокатская практика. – 2000. – № 1. – С. 51–54.

Эйсман А.А. Некоторые вопросы оценки доказательств как количественной характеристики достоверности доказывания / А.А. Эйсман // Вопросы кибернетики и права. – М., 1967. – С. 164–179.

Эйсман А.А. Соотношение истины и достоверности в уголовном процессе / А.А. Эйсман // Советское государство и право. – 1966. – № 6. – С. 92–97.

Экимов А.И. Категория истины и справедливости в деятельности органов правосудия (теоретико-методологические проблемы) / А.И. Экимов // Актуальные проблемы теории юридических доказательств : сб. науч. тр. / Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 1984. – С. 26–35.

Диссертации, авторефераты

Александров А.С. Язык уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / А.С. Александров. – Н. Новгород, 2003. – 650 с.

Афанасьев С.Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / С.Ф. Афанасьев. – Саратов, 1998. – 216 с.

Воронин С.Э. Проблемно-поисковые следственные ситуации и установление истины в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук / С.Э. Воронин. – Барнаул, 2001. – 404 с.

Гребенкин П.И. Допустимость доказательств в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / П.И. Гребенкин. – Пятигорск, 2002. – 146 с.

Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Е.П. Гришина. – М., 1996. – 213 с.

Даровских С.М. Принцип состязательности в уголовном процессе России и механизм его реализации : дис. ... канд. юрид. наук / С.М. Даровских. – Челябинск, 2001. – 219 с.

Докучаева Т.В. Гражданско-процессуальная доктрина истины в России конца XIX–XX веков (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук / Т.В. Докучаева. – М., 1999. – 181 с.

Егоров Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Н. Егоров. – Иркутск, 2005. – 376 с.

Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений : дис. ... канд. юрид. наук / Я.В. Жданова. – Ижевск, 2004. – 281 с.

Карякин Е.А. Проблемы процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве на основе принципа состязательности : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Карякин. – Оренбург, 2002. – 176 с.

Куликов С.Б. Онтологические предпосылки смысловых вариаций понятия истины (по материалам западной философии) : дис. ... канд. филос. наук / С.Б. Куликов. – Томск, 2004. – 138 с.

Курылев С.В. Установление истины в советском правосудии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Курылев. – М., 1967. – 30 с.

Лисюткин А.Б. Ошибка как категория правопедения (теоретико-методологический аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук / А.Б. Лисюткин. – Саратов, 2002. – 414 с.

Лукичев Н.А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Лукичев. – Саратов, 2003. – 227 с.

Маркина Е.А. Допустимость доказательств как гарантия правосудия и прав личности в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Е.А. Маркина. – М., 2000. – 187 с.

Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государств : дис. ... д-ра юрид. наук / Е.Б. Мизулина. – Ярославль, 1991. – 269 с.

Миронов В.Ю. Достоверность доказательств и их значение при постановлении приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Миронов. – Челябинск, 2005. – 22 с.

Овсянников И.В. Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук / И.В. Овсянников. – М., 2001. – 511 с.

Олегов М.Д. Истина в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук / М.Д. Олегов. – М., 1999. – 184 с.

Петрова О.В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Петрова. – Воронеж, 2000. – 220 с.

Победкин А.В. Показания обвиняемого в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Победкин. – М., 1998. – 206 с.

Ревенко Н.И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук / Н.И. Ревенко. – Омск, 2006. – 213 с.

Руденко А.В. Переход от вероятности к достоверности в доказывании по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Руденко. – Краснодар, 2001. – 196 с.

Руденко А.В. Переход от вероятности к достоверности в доказывании по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Руденко. – Краснодар, 2001. – 24 с.

Рудов М.В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Рудов. – Хабаровск, 2002. – 276 с.

Самсонов В.В. Состязательность в гражданском процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Самсонов. – Саратов, 1999. – 145 с.

Софронов Г.В. Предмет и направление совершенствования уголовно-процессуального доказательственного права : дис. ... канд. юрид. наук / Г.В. Софронов. – Екатеринбург, 2001. – 197 с.

Субботина И.Г. Нравственные начала предварительного расследования (на основе сравнительного анализа УПК РСФСР и

УПК РФ) : дис. ... канд. юрид. наук / И.Г. Субботина. – Иркутск, 2002. – 216 с.

Хашимов Р.А. Категория «цель» в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.А. Хашимов. – Челябинск, 2006. – 26 с.

Шекшуева О.И. Вероятность и достоверность в уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.И. Шекшуева. – М., 1998. – 26 с.

Яцишина О.Е. Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / О.Е. Яцишина. – Челябинск, 2004. – 219 с.

Словари, энциклопедии

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи / В.И. Даль ; под ред. Л.В. Беловинского. – М. : ОЛМА-ПРЕСС : Красный пролетарий, 2004. – С. 179.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Ин-т рус. яз. РАН им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 994 с.

Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева [и др.]. – М., 1983. – 560 с.

Электронные ресурсы

Бурданова В.С. Реализация принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела в суде первой инстанции / В.С. Бурданова. – Режим доступа. – http://nadzor.pk.ru/analit/all_exec.

Волков А.В. Нужен ли принцип объективной истины в современном уголовном судопроизводстве / А.В. Волков. – Режим доступа: <http://www.ncstu.ru>.

Зинатуллин З.З. Проблема истины в современной уголовно-процессуальной науке / З.З. Зинатуллин. – Режим доступа: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/st/zinatullin.htm>.

Пронякин А.Д. Истина и уголовное судопроизводство / А.Д. Пронякин. – Режим доступа: <http://liber.rsuh.ru/Conf/Freedom/proniakin.htm>.

Поваренков Ю.П. Ложь как объект философского и психологического анализа / Ю.П. Поваренков, Е.Г. Черноморец. – Режим доступа: http://sun20.history.yar.ru/vestnik/pedagoka_i_psichologiy/13_6.

Научное издание

Егерова Олеся Александровна

**ИСТИНА КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Издается в авторской редакции

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 06.06.14. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета
экономики и права.

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Отпечатано в ИПО БГУЭП.